

# ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

8

---

1942

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК  
СССР

# ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Ответственный редактор  
Ем. Ярославский

К Н И Г А

**8**

**108**

БИБЛИОТЕКА  
Академии наук  
СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

1942

## СОДЕРЖАНИЕ

### СТАТЬИ

Волин Б.—Опасность, от которой большевики избавили народы России летом 1917 года (Корниловщина) . . . . .	3
Войтинский Г.—Пять лет национально-освободительной войны китайского народа	20
Вольфсон Б.—Кровавые преступления немцев в Керчи . . . . .	33
Грацианский Н.—Заальбские славяне в борьбе с немецкой агрессией в X—XII вв.	37

### СООБЩЕНИЯ

Капошина С., Козлова А. — Владимирское ополчение 1812 года : : : . . . . .	43
Миллер А.—Международное положение Казахстана во второй половине XVI века	51
Кудрявцев В.—Письма И. И. Срезневского из славянских земель (1839—1842 гг.)	56

ДОКУМЕНТЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ : : : . . . . .	60
---	----

### ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Кац Б.—Численность и роль Московского народного ополчения в Бородинском сражении 1812 года : . . . . .	66
--	----

### КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

#### Критические статьи и обзоры

История СССР.	
Якубовский А.—Ян В. Чингиз-хан. Повесть из жизни старой Азии (XIII век). Аджемян Х.—Антоновская А. Великий Моурави. Семенов В.—Книга для чтения по истории средних веков под редакцией проф. С. Д. Сказкина. Ивашин И.—«Интернациональная литература» № 9—10, 1941 г. . . . .	69
История нового времени	
Ерофеев Н.—Олсон Д. и Кинтнер Р. Американская белая книга. Американская дипломатия и вторая мировая война; Бюэлл Р. Изолированная Америка. Гальперин А.—Сумимасу Иддитти. Биография маркиза Сигенобу Окума. Создатель новой Японии . . . . .	80

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ . . . . .	86
-------------------------------------	----

### ХРОНИКА

Историческая наука в СССР	
Алефиренко П.—Институт истории Академии наук СССР в 1942 году. Кучкин А.—Работа алмаатинской группы Института истории Академии наук СССР. Дулов В., Илларионов В., Гимади Х.—Работа исторических факультетов педагогических институтов Иркутска, Горького, Казани. Иванов А. Полководец М. Кутузов (выставка в Доме ученых) . . . . .	88
Историческая наука за рубежом . . . . .	95

# СТАТЬИ

## ОПАСНОСТЬ, ОТ КОТОРОЙ БОЛЬШЕВИКИ ИЗБАВИЛИ НАРОДЫ РОССИИ ЛЕТОМ 1917 ГОДА

(Корниловщина)

Б. Волин

Когда видишь, что проделывает в Германии и на пространствах Европы гитлеровская шайка наиболее хищнических и разбойничьих империалистов мира, особенно ясно начинаешь представлять себе, что было бы с Россией, если бы тогда, 25 лет тому назад, в осенние месяцы 1917 г., восторжествовали Корнилов и стоявшая за его генеральской спиной российская буржуазно-помещичья контрреволюция.

Большевики, руководимые Лениным и Сталиным, возглавили народные массы в борьбе против попыток установить генеральскую диктатуру, они спасли Россию от готовившихся кровавых неистовств, которые должны были терроризировать народ и повернуть глубоко вспять колесо истории.

В свете гитлеровского порабощения и уничтожения целых народов особенно ярко видишь, какую громадную опасность отвели большевики от народов России, каким кровавым бедам и неисчислимым страданиям, готовым было обрушиться на головы народа, помешали осуществиться мужественные, дальновидные, воспитанные Лениным и Сталиным большевики.

### I

После июльских дней в порядок дня дальнейшего развития исторических событий в стране был поставлен штык. Но потому, что «передовые отряды пролетариата России сумели выйти из наших июньских и июльских дней без массового обескровления»<sup>1</sup>, буржуазия, в пользу которой кончилось двоевластие, пыталась учинить пролетариату дальнейшее большое кровопускание. Без этого не могло быть прочным и длительным единовластие буржуазии и помещиков. И прежде всего монархическая империалистская буржуазия и помещики, контрреволюционный генералитет и царское офицерство хотели этот штык вонзить в самое сердце российского пролетариата — разгромить партию большевиков, ее обезглавить.

Дело шло к неприкрытой контрреволюционной диктатуре — к разгрому обессиленных советов, к «Варфоломеевской ночи» в отношении большевиков и им сочувствующих, к массовым расстрелам пролетариата. Министерство Керенского, которое было, как указывал Ленин еще в начале августа, министерством «первых шагов бонапартизма», искало своего Кавеньяка<sup>2</sup>. Оно нашло его в лице генерала Корнилова, этого злейшего врага русской революции, как писал о нем товарищ Сталин в статье «Заговор продолжается».

<sup>1</sup> Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 62.

<sup>2</sup> Кавеньяк — военный министр «Французской республики», как диктатор, беспощадно подавивший в 1848 г. июньское восстание парижского пролетариата.

Об опасности появления на почве революционной России русских кавеньяков предупреждала еще Апрельская конференция 1917 года. Всероссийская VII апрельская конференция РСДРП (большевиков) в резолюции по докладу В. И. Ленина «Об отношении к Временному правительству» предупреждала в следующих энергичных и недвусмысленных выражениях народные массы: «Партия пролетариата обязана со всей энергией сказать народу, что необходима организация и вооружение пролетариата, теснейший союз его с революционной армией, разрыв с политикой доверия Временному правительству для предотвращения серьезно грозящей опасности таких массовых расстрелов пролетариата, как в июньские дни в Париже в 1848 году»<sup>1</sup>.

Весь дальнейший ход развития в стране подтвердил с исключительной силой своевременность этого предупреждения и изумительную силу предвидения большевиков. После июльских дней на сцену российской контрреволюции выступил «русский тип буржуазного Кавеньяка» — генерал Корнилов (как его называет Ленин в «Очередных задачах Советской власти»), которому так и не удалось (не по его вине и не по его неспособности) выполнить до конца кровавую миссию, возложенную на его генеральские эполеты российской империалистской буржуазией.

В чем состояла эта миссия? Какова была «программа» этого буржуазно-помещичьего, кадетского Кавеньяка?

Июльское поражение большевиков дало «перевес генеральско-кадетской контрреволюции»<sup>2</sup>. Кадеты в союзе с контрреволюционными царскими генералами стремились разогнать советы и восстановить монархию. Эта общая стратегическая задача контрреволюции, ее тактические мероприятия были совсем недвусмысленно и довольно открыто сформулированы «самим» героем буржуазно-помещичьих заговорщиков, а также и его ближайшими соучастниками: генералами Калединым, Алексеевым, их советчиком Б. Савиновым и др.

Как орудие контрреволюции, как рупор помещиков и капиталистов с кадетской партией во главе, как их «вождь», Корнилов явился не случайной, порожденной неожиданными обстоятельствами фигурой. Совсем нет. Еще в самые «медовые дни» совершившейся против романовской монархии революции Корнилов 2 марта 1917 г. был вызван временным комитетом Государственной думы с фронта в Петербург, и ему было поручено с совершенно понятными целями командование войсками Петроградского военного округа. Вскоре, в апреле, он показал буржуазии, что он надежная сабля в ее контрреволюционных руках. Когда в связи со «знаменитой» милюковской нотой пролетарские и солдатские массы, охваченные чувством возмущения, выступили 20—21 апреля с демонстрацией протеста, Корнилов, вызвав из Михайловского артиллерийского училища 2 батареи, отдал приказ в упор расстреливать демонстрантов. Приказ этот не был выполнен по не зависевшим от Корнилова обстоятельствам: он был издан без согласия Петроградского совета, и солдаты поэтому отказались его привести в исполнение. Получив такой афронт, кандидат в русские кавеньяки вынужден был из Петрограда ретироваться, подав «господину военному министру» — «милостивому государю Александру Ивановичу Гучкову» — протест по поводу того, что Исполнительный комитет Петроградского совета «принимает на себя функции правительственной власти», и потребовал своей отставки, так как при создавшихся обстоятельствах он — Корнилов — не может-де «принять на себя ответственность ни за спокойствие в столице, ни за порядок в войсках». Это заявление имеет характерную, многозначитель-

<sup>1</sup> «ВКП(б) в резолюциях и решениях». Т. I, стр. 229. Огпз. 1940.

<sup>2</sup> И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 98, 11-е изд.

ную подпись: «Прошу принять уверения в неизменной преданности, покорный слуга А. Корнилов»<sup>1</sup>.

Этот маленький, «глядевший в Наполеоны» генерал в дальнейшем неизменно подтверждал словами и доказывал действиями, что он действительно неизменно предан русским помещикам и капиталистам и является их самым покорным слугой в выполнении всех их контрреволюционных, монархических предначертаний. За четыре месяца революции этот незадачливый командир 48-й пехотной дивизии сделал головокружительную карьеру: от командующего 8-й армией и главнокомандующего югозападным фронтом до верховного главнокомандующего, сменив при этом замечательного русского генерала — Брусилова.

Бонашартишка Керенский, который, как о нем писал Ленин, «был и остается самым опасным корниловцем»<sup>2</sup>, в предисловии к стенографическим записям своих показаний о корниловском мятеже («Дело Корнилова»), которое начинается хвастливыми словами: «В то время, когда я был на вершине и толпа поклонялась мне...», — пытался представить своего друга-соперника как человека, «горячо, по-своему любившего родину». Эта корниловская любовь к родине родзянок, терещенок и милликовых сказала после июльских дней в том, что, будучи только что назначен главнокомандующим югозападным фронтом, он ультимативно потребовал введения смертной казни на фронте и учреждения военно-полевых судов для революционных, большевистски настроенных солдат. Нельзя думать, что этот ультиматум был требованием, на которое правительству Керенского трудно было согласиться. Ничуть не бывало! Правительство Керенского уже до того не только осуществляло смертную казнь на фронте, но, ликвидировав двоевластие и сломив авторитет и силу советов, проводило затем методически свою бонашартистскую политику. Вот как характеризовало обстановку воззвание Петроградской конференции большевиков от 24 июля: «Обыски и разгромы, аресты и побои, истязания и убийства, закрытие газет (к этому времени были закрыты большевистские газеты «Правда», «Солдатская правда», «Окопная правда», «Волна», «Утро правды», «Голос правды» и др. — Б. В.) и организаций, разоружение рабочих и расформирование полков, роспуск финляндского сейма, стеснение свобод и восстановление смертной казни, разгул промил и контрразведчиков, ложь и грязная клевета, все это с молчаливого согласия эсеров и меньшевиков, — таковы первые шаги контрреволюции».

На этом фоне, становившемся все более мрачным и кровавым, корниловщина густо рисовала свою программу и лихорадочно разрабатывала свою тактику. Можно сказать, что своим приказом 21 апреля о расстреле из орудий апрельской демонстрации Корнилов впервые по существу сформулировал программу контрреволюционной и реставраторской буржуазии. В дальнейшем Корнилов вместе со своей шайкой кавеньяков несколько раз, вплоть до своего мятежного выступления, излагал свою «программу» то в официальных документах, то в устных выступлениях, то в тайных беседах со «своими» людьми.

Не успел Корнилов быть назначенным главнокомандующим югозападного фронта, как он 10 июля подписал сфабрикованную его ближайшими советниками — Савинковым и Филоенко — обширную «программную» записку<sup>3</sup>, адресованную «во Временное правительство», где сидело большинство его сторонников, начиная от Керенского и кончая кадетами. Корнилов требовал от правительства «спешить стать» на «путь определенный и твердый». Этот «твердый путь» должен быть направлен против «стихийных движений» «ничем и никем не управляемых народных масс». Корнилов пугал: «Из уродливого смещения остатков стоя

<sup>1</sup> Опубликована в журнале «Красная летопись» № 1(10) за 1924 г., стр. 206.

<sup>2</sup> Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 292.

<sup>3</sup> «Красная летопись» № 1(10) за 1924 г., стр. 207—217.

падшего и поверхностной нелепью новых начинаний, никто не может ни знать, ни вообразить, какая чудовищная кровью облитая поднимается беспощадная и тупая деспотическая сила».

Звериная ненависть к народным массам, сбросившим романовскую монархию и все более сплывавшимся вокруг большевистского боевого знамени социалистической революции, сквозит у Корнилова не только в политическом введении к его контрреволюционным, палаческим требованиям, но и в различных главах его «Записки». Когда он говорит о рабочих, то он их честит «озверевшей толпой», когда он говорит о революционных солдатах, то он их называет «обезумевшими, потерявшими человеческий облик людьми». Бравый кадетский генерал не очень расположен был церемониться с этой «толпой», с этими «людьми».

Стремясь пройти ударом бича, пулеметной очередью по массам рабочих, солдат и крестьян, Корнилов требовал введения смертной казни «на одинаковых для действующей армии и тыла основаниях», изъятия из запасных полков всех «вредных элементов», даже расформирования наиболее революционных воинских частей. А для расформированных русских солдат он добивался создания особых концентрационных лагерей с самым суровым режимом, уменьшенным пайком и каторжными работами. Вполне одобряя распоряжение Керенского от 8 июля по военному ведомству «немедленно прекратить в действующей армии издание газет «Правда» и «Окопная правда» и других аналогичных, «явно вредного большевистского направления», «Записка» требовала восстановления строжайшей военной цензуры — установить «просмотр всего поступающего в части войск печатного слова».

Чтобы решительнее и беспощаднее расправиться с рабочим классом, Корнилов в конце своей «Записки» сформулировал основные требования контрреволюции: объявить все заводы и железные дороги на военном положении; запретить на территории завода и железных дорог всякие митинги и всякого рода собрания; прекратить вмешательство рабочих в хозяйственные дела предпринимателей; воспретить всякие стачки «с привлечением к уголовной ответственности и обложением высшей мерой уголовного наказания за подстрекательство»; отправлять на фронт всякого революционно настроенного рабочего.

Корнилов заканчивал свою «Записку» заявлением, явно намекая на Керенского, что все эти мероприятия могут быть проведены «не страхом и движением натянутых нервов», а (совершенно недвусмысленно указывая на себя) «спокойной и сознательной твердостью людей с мощной волей». Следует особо отметить, что в самом начале и в самом конце этой обширной «Записки» Корнилов дважды повторяет угрозу в случае невыполнения его требований сдать немцам Ригу.

В этом документе генерал от инфантерии Корнилов сформулировал, по существу, все основные вождедения контрреволюционной буржуазии, торжествовавшей победу после июльских дней.

За девять дней, прошедших после подачи этой «Записки», Корнилов в доказательство полной признательности и в знак безраздельного согласия с ним Временного правительства был возведен в сан верховного главнокомандующего. Но кровавые лавры деятелей 18 брюмера и Кавеньяка не давали покоя нетерпеливому главноверху. Продолжая разворачивать свой план нападения на революцию, Корнилов 19 июля, на завтра после своего назначения, отправил Временному правительству следующую недвусмысленную телеграмму, в которой сформулированы были все основные элементы генеральской противонародной диктатуры: «Я принимаю назначение при условиях: 1. Ответственность перед собственной совестью и всем народом. 2. Полное невмешательство в мои оперативные распоряжения и потому в назначения высшего командного состава. 3. Распространение принятых за последнее время на фронте мер (смерт-

ная казнь) и на те местности тыла, где расположены и пополнения для армий»<sup>1</sup>.

Это типичная программа всех контрреволюционных авантюристов, всех проходимцев, рвущихся к диктатуре. Бессовестная демагогия насчет ответственности перед своей собственной совестью и перед народом известна издавна. О Луи Наполеоне Марко писал, что это «вероломный и бесчестный проходимец, дорвавшийся до власти»<sup>2</sup>. Эта характеристика полностью относится как к Корнилову, так и к Гитлеру, с той только разницей, что Корнилову «по не зависящим от него обстоятельствам» не удалось окончательно дорваться до власти, не удалось осуществить кровавую программу своей генеральской диктатуры.

Ближайшая «программа» действий Корнилова, рассчитанная на молниеносную расправу с народом, была им в довольно решительных выражениях высказана 11 августа в разговоре с генералом Лукомским: «Пора Ленина повесить, а совет разогнать так, чтобы он нигде не собирался. Конный корпус я передвигаю, чтобы к концу августа его подтянуть к Петрограду, чтобы расправиться с большевиками. Руководство этой операцией я поручаю ген. Крымову. Я убежден, что он не задумается, в случае, если попадется, перевешать весь состав Совета рабочих и солдатских депутатов».

Можно не сомневаться в том, что корниловцы в случае их победы попытались бы вырезать все революционное, все честное, все передовое, что было в России. И прежде всего они набросились бы на партию большевиков, что они попытались сделать в июльские и послеиюльские дни.

Ленин в мае 1918 г. в статье-письме к питерским рабочим «О голоде» предупреждал о тех кровавых ужасах, которые обрушились бы на Советскую Россию в случае победы буржуазии и гибели советской власти. Ленин, чтобы народ яснее себе представил, что несла такая победа буржуазии, напомнил о Корнилове. Русско-немецкий или русско-японский Корнилов, писал он, «несет народу 16-часовой рабочий день, восьмушку хлеба в неделю, расстрелы массы рабочих, пытки в застенках»<sup>3</sup>.

Такова была первоначальная программа всей «военной клики Кавеньяков (Керенского, неких генералов, офицеров и т. д.)»<sup>4</sup>, кадетской буржуазии и черносотенных помещиков, монархистов и их орудия — русско-кадетского Кавеньяка — Корнилова.

## II

Как известно, все демагоги, готовящиеся в диктаторы, рисуют себя подлинными, настоящими «сынами нации», «сынами народа», «выходцами из народа», стопроцентными, чистокровными представителями расы. Известно, что австрийский ефрейтор — сын австрийского таможенного чиновника Шикльгрубера — стал чистокровным германским Гитлером, стопроцентным представителем «светлокудрой германской бестии». Корнилов не преминул также использовать и это средство демагогии. Во всех своих воззваниях и обращениях этот сын коллежского секретаря из Семипалатинской области не упускал случая, чтобы не заявить: «Я генерал Корнилов, сын казака-крестьянина».

Этот-то истинно русский «сын казака-крестьянина» всей своей политикой не только играл наруку немцам, но сознательно сдавал исконному врагу русского народа, прусской военщине, целые области и города. Особое место в изменнической деятельности Корнилова и его шайки занимает сдача немцам Риги.

<sup>1</sup> Цит. по изд. «Корнилов». Научно-уставной отдел штаба РККА, стр. 34. 1927.

<sup>2</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. Т. X, стр. 597.

<sup>3</sup> Ленин, Соч. Т. XXIII, стр. 78.

<sup>4</sup> Ленин, Соч. Т. XXI, стр. 36.

Товарищ Сталин в статье «Полоса провокаций» по поводу совершенной генералами и буржуазией грандиозной измены — провокации сдачи Риги, — отметив, что «главная сфера провокации — не тыл, а фронт», напоминает, что «еще в марте месяце говорили о плане неких генералов сдать Ригу, при чем это не удавалось им сделать по «независящим обстоятельствам»<sup>1</sup>.

Сейчас совершенно очевидно, что многие виднейшие корниловцы, безусловно, были немецкой агентурой. Сдача Риги, как и предшествовавшая ей сдача врагу Тарнополя и Черновиц, являлась неслыханной провокацией, которая должна была повлечь за собою избиение революционных солдат и рабочих, уничтожение советов, разгром большевиков.

Самым доверенным лицом у Корнилова — его политическим советчиком, его «адъютантом», — был некто Завойко. Он нажил нефтяными и банковскими спекуляциями большое состояние и был активным деятелем «знаменитой», созданной во время войны на полицейские деньги министром внутренних дел Протопоповым газеты «Русская воля». Можно не сомневаться в достоверности показаний Б. Савинкова в том отношении, что на эту подозрительную личность контрразведкой было обращено особое внимание в связи с его тесными, приятельскими отношениями с неким Кюрцем — немцем, высланным в Рыбинск по подозрению в германском шпионаже. Сдача Корниловым 21 августа Риги есть, несомненно, дело германской шпионской агентуры, свившей себе, видимо, прочное, надежное гнездо в корниловском лагере.

Товарищ Сталин в той же статье, «Полоса провокаций», писанной назавтра (22 августа) после сдачи Риги, разоблачает в связи со сдачей немцам Тарнополя и Черновиц корниловскую банду, подчеркивая, что «измена была разыграна как по нотам, по заранее обдуманному, рассчитанному плану», что «определенно указывают на некоторых генералов, организовавших автомобили, шнырявшие по армии и приказывавшие солдатам отступить». Товарищ Сталин ясно видел, что контрреволюционные генералы, сдав Ригу, «исполняют какой-то «план», что «этот план как две капли воды похож на другой план, разыгранный у Тарнополя и Черновиц».

Несколько раз угрожал Корнилов сдачей Риги как средством, которое должно было «взнуздать» революцию, вооружить все реставраторские силы на кровавую борьбу против поднявшихся к политической жизни народных масс. В своей «Записке» от 10 августа он прямо связывал «решительные меры» с результатом «утраты хотя бы Риги». А на Государственном совещании в Москве Корнилов, требуя, чтобы «меры, принятые на фронте» (смертная казнь), были «приняты также и в тылу», напомнил, что введение смертной казни на фронте последовало как результат сдачи Тарнополя и утраты Галиции и Буковины, и предупредил, что «порядок в тылу» будет «последствием потери нами Риги». Рига была корниловцами обречена. И Рига была 21 августа сдана немцам.

Корнилов и не скрывал, что Рига немцам сдана по его предначертаниям. Румынский посол в Петрограде Диаманди телеграфировал Братиану о своем разговоре с Корниловым 22 августа, назавтра после сдачи Риги. Корнилов ему сказал, что не надо придавать большого значения сдаче Риги, при этом он добавил, что войска оставили Ригу по его приказанию. По сообщению румынского посла, «Корнилов рассчитывал на впечатление, которое взятие Риги произведет на общественное мнение... для наведения порядка в стране». А 25 августа, в самый разгар мятежа, Корнилов цинично сказал В. Львову: «Передайте, что Рига взята вследствие того, что мои предположения, представленные Временному правительству, до сих пор им не утверждены».

<sup>1</sup> И. Сталин «На путях к Октябрю». Статьи и речи. Март—октябрь 1917 г., стр. 178. М.—Л. 1925.

Стропроцентный корниловец, архимиллионер Терещенко, торжествуя по поводу вакханалии контрреволюционных неистовств, разлившихся в эту пору по стране, с удовлетворением отмечал, что «взятие Риги произвело громадное впечатление в стране и значительно усилило наблюдавшийся ранее процесс отрезвления».

Иначе говоря, как указывал 28 августа товарищ Сталин, командные контрреволюционные верхи использовали падение Риги «в целях «окончательного» торжества контр революции»<sup>1</sup>.

Полоса провокаций на этом, понятно, не могла завершиться. Корниловцы, орудовавшие по прямому наущению русской империалистской, кадетской и всякой иной буржуазии, вынашивали план сдачи и Петрограда.

Большевики, Ленин и Сталин разгадали маневр врага и его своевременно разоблачили. «Партия Корнилова, злейший враг революции,— писал товарищ Сталин в кульминационные дни корниловского мятежа,— не останавливается перед тем, чтобы, сдав Ригу, открыть поход против Петрограда для того, чтобы подготовить условия для восстановления старого режима»<sup>2</sup>. А в передовой статье «Заговор продолжается» в № 5 «Рабочего» от 28 августа, помещенной без подписи автора, товарищ Сталин снова бил в набат: «Вчера мы писали, что партия Корнилова — злейший враг русской революции, что он, сдав Ригу, не остановится перед тем, чтобы сдать Петроград, лишь бы обеспечить победу контрреволюции»<sup>3</sup>.

Ленин в «Проекте резолюции о современном политическом моменте», написанном 3 сентября, дважды предупреждал народные массы о реальной опасности сдачи корниловскими генералами Петрограда немцам: «Помещики и буржуазия с партией к.-д. во главе и стоящие на их стороне генералы и офицеры организовались, они готовы совершить и совершают самые неслыханные преступления, отдать Ригу (а затем и Петроград) немцам, открыть им фронт, отдать под расстрел большевистские полки, начать мятеж, повести на столицу войска с «дикой дивизией» во главе и т. д.— все это ради того, чтобы захватить всю власть в руки буржуазии, чтобы укрепить власть помещиков в деревне, чтобы залить страну кровью рабочих и крестьян»<sup>4</sup>. Опасность сдачи Петрограда немцам не только тогда не была ликвидирована, но и в следующий, предоктябрьский период еще более обострилась. Известно, что в резолюции исторического заседания ЦК партии 10 октября, написанной Лениным, отмечалось «несомненное решение русской буржуазии и Керенского и К<sup>о</sup> сдать Питер немцам».

Совершенно ясно было, что Корнилов со своими господами и холопами подготавливает открытие фронта врагу, что он близок к осуществлению совместного с немцами заговора против революции. Все это давало полное основание товарищу Сталину сказать в своей статье «Заговор продолжается», что «носятся слухи, еще непроверенные, о переговорах Корнилова с немцами»<sup>5</sup>.

Корнилов пошел на прямую национальную измену и пытался ценою распродажи России немцам привлечь кайзеровские войска к разгрому революции. Поражение Корнилова в его диктаторской авантуре явилось разрушением контрреволюционных планов при помощи кайзеровских дивизий, посредством шпаги Кавеньяка-Корнилова навести монархический «порядок» в России. Разоблачили корниловскую измену, сокрушили корниловскую авантюру большевики, как на бесновались всплывшие на поверхность взволнованного моря революции разные военные союзы, гра-

<sup>1</sup> И. Сталин «На путях к Октябрю», стр. 186.

<sup>2</sup> Там же, стр. 187.

<sup>3</sup> Там же, стр. 191.

<sup>4</sup> Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 138—139.

<sup>5</sup> И. Сталин «На путях к Октябрю», стр. 192.

жданские организации и общественные «совещания», пытавшиеся барабанной дробью славословий Корнилову и угроз большевикам терроризировать широкие народные массы.

### III

Дирижерами разноголосого, шумного бума, гремевшего вокруг Корнилова, то скрытно, то явно, более тайно, чем открыто, являлись кадеты. Победы генеральско-кадетской контрреволюции, торжества помещиков и капиталистов жаждали все ненавистники революции — от Пуришкевича до Милюкова. Именно кадеты все делали для того, как писал тогда Ленин в статье «Русская революция и гражданская война», «чтобы Корнилову удалось залить Россию «плотками крови», в целях восстановления диктатуры буржуазии, помещичьей власти и монархии»<sup>1</sup>.

ЦК кадетской партии с Милюковым во главе был в прямых и непосредственных сношениях с Корниловым и всей его генеральской шайкой. Милюков обещал Корнилову богатую денежную помощь со стороны крупнейших финансистов, банкиров России: Вышнеградского, Путилова и других. По инициативе кадетов, под их гегемонией было сколочено в начале августа так называемое совещание общественных деятелей — конгломерат всех орудовавших в России контрреволюционных буржуазных и помещичьих партий. Фабрикант Рябушинский и помещик Родзянко, кадет Милюков и черносотенец Шульгин, генералы Юденич и Алексеев и многие им подобные «общественные деятели» и «военные авторитеты» составляли настоящий штаб генеральско-кадетской контрреволюции. Рядясь в кафтан великого гражданина русского Козьмы Минина Сухорука, в боевые латы великого патриота русской земли князя Дмитрия Пожарского, эта обезумевшая от страха перед революционным народом ватага фабрикантов и помещиков, купцов и генералов взывала «из сердца России» к «низинным людям», к «торговым людям», к «русским воинам» — «спасать землю русскую».

Что верховным вождем российской контрреволюции должен быть провозглашен Корнилов, — это было на устах у всей буржуазии. К нему — вожделенному генералу от монархической реставрации — «совещание» направило за подписью Родзянко высокопарный приветственный адрес, в котором «верховный вождь» заверялся, что «в грозный час тяжелых испытаний» вся «мыслящая Россия» смотрит на него с надеждой и верой. Сам бог при этом призывался на помощь генералу в его «великом подвиге». Вслед за октябристом Родзянко уже не в письменном виде, а устно, на Александровском вокзале Корнилова не менее выпендренно приветствовал от имени совета объединенной контрреволюции кадет Родичев и уверял покинувшего могилевскую фронтовую ставку ради московского Государственного совещания генерала, что он — символ единства, что на вере в него сошлась ни больше, ни меньше как «вся Москва», что «да здравствует генерал Корнилов» есть «всенародный клич надежды». Думский «златоуст» простер над маленьким, еще не коронованным диктатором руки, взывая: «Спасите Россию, и благодарный народ увенчает вас!..»<sup>2</sup>. Архимиллионерша купчиха Морозова, как свидетельствует Деникин в своих «Очерках русской смуты», рыдая, в умилении упала перед «архистратигом всея монархическия Руси» на колени.

Корнилов, которого московские барыни осыпали цветами, со своей свитой «проследовал» к Иверской иконе божьей матери (часовня которой находилась у ворот между нынешним Музеем Ленина и Историческим музеем), чтобы у Иверской найти подкрепление своим недостаточным силам.

<sup>1</sup> Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 208.

<sup>2</sup> «Из белых мемуаров», стр. 152. 1928.

Эти «силы» были сосредоточены в многочисленных офицерских черносотенных, монархических организациях, носивших самые фантастические «патриотические» названия: «Союз чести родины и чорядка», «Союз воинского долга», «Союз добровольцев народной обороны», «Военная лига», «Союз георгиевских кавалеров», «Батальон свободы», «Союз спасения родины», «Организация духа» и многие другие... Вся эта пестрая, разнузданная корниловская «опора», ненавидевшая большевиков, советы, демократию, занималась «патриотической» демагогией, сборами денег среди зажиточных слоев Петрограда, Москвы и других городов и была фактически агентурой нескольких более близких к Корнилову, Пуришкевичу и Милюкову военных организаций; среди них «Союз офицеров армии и флота», «Союз георгиевских кавалеров», «Союз казачьих войск», «Республиканский центр». Эти «союзы», готовые на погромы и убийства во имя контрреволюционной, монархической реставрации, и подогревали как самого Корнилова, так и его окружение разными посланиями и декларациями.

К этим организациям, инспирированным родзянками и милюковскими, присоединило затем свой «голос» милюковско-родзянковское «совещание общественных деятелей». Кульминацией всей шумной рекламы, напыщенных восторгов, «патриотических» демонстраций и венчаний на диктатуру явился третий день Государственного совещания, когда при появлении на трибуне Корнилова его стоя, восторженно приветствовали все «живые силы» российской контрреволюции.

Выступление Корнилова на Государственном совещании, являвшемся «заговором против революции, против народа»<sup>1</sup>, было резко вызывающим, демонстративным: он изложил на нем устно содержание кадетско-генеральской программы монархической реставрации. Орган московских большевиков «Социал-демократ» по поводу корниловских угроз насчет сдачи Риги и открытия немцами фронта на Петроград предупредил, что «тарнопольское поражение сделало Корнилова главнокомандующим, сдача же Риги может сделать этого генерала диктатором».

Керенский, этот, как отмечал Ленин, «корниловец, рассорившийся с Корниловым случайно и продолжающий быть в интимнейшем союзе с другими корниловцами»<sup>2</sup>, в дни московского Государственного совещания еще цеплявшийся за Корнилова как за эвентуального палача большевистского Петрограда, пытался сохранить его, замаскировать его монархическое, контрреволюционное существо. «На Московском совещании,— признавался впоследствии Керенский,— наша задача заключалась в том, чтобы создать такую обстановку, при которой выступление Корнилова не вызвало бы настроения против него в широких массах»<sup>3</sup>. Известно, что во время Государственного совещания в Москве большевики предлагали Керенскому арестовать Корнилова со всем его поездом. Но Керенский побоялся, не захотел тогда пойти на разрыв с Корниловым.

Но ничто не спасло ни Корнилова, ни его друга-врага Керенского. Пролетарская, солдатская Москва, а не та мифическая «вся Москва», о которой декламировал Родичев перед Корниловым, ответила по призыву большевиков мощной всеобщей забастовкой, потрясшей до основания всю затею генеральской диктатуры.

Но плод созрел и готов был упасть. Диктатура должна была быть провозглашена.

Обильное кровопускание в июльские дни не удалось. Его намеревались корниловцы устроить в последние августовские дни. Почему имен-

<sup>1</sup> Ленин, Соч. Т. XXI, стр. 485.

<sup>2</sup> Там же, стр. 212.

<sup>3</sup> «Из белых мемуаров», стр. 217.

но в эти дни? Их расчет был очень простой. 27 августа исполнялась полугодовщина свержения самодержавия. Надо было, следовательно, спровоцировать петроградский пролетариат на демонстрацию, а затем его, безоружного, на улицах и расстрелять. Если же он, как это не без основания полагали корниловские заговорщики, организованный большевиками и доверяющий большевикам, на эту провокацию не поддастся, то самим инсценировать «рабочую» демонстрацию и, воспользовавшись этим предлогом, обрушиться на революционный петроградский пролетариат, его организации и учреждения, на большевиков всей мощью кровавой расправы. Это кровопускание должны были совершить петроградские «патриотические» офицерские организации, а довершение кровавого дела ложилось на кавалерийские дивизии, которые Корнилов еще до Государственного совещания решил двинуть на Петроград, поручив общее руководство операциями этих дивизий махровому черносотенцу генералу Крымову.

#### IV

Машина провокаций была пущена в действие. Бросалось в глаза, что несмотря на противодействие со стороны рабочих организаций, со стороны партии большевиков кто-то еще не разоблаченный муссирует слухи среди рабочих, что 27—28-го числа рабочие должны выйти с демонстрацией на улицы Петрограда. Заговорщикам нужна была эта «рабочая» демонстрация. Они ее и подготавливали. 25 августа Савинков, посланный Керенским в ставку, говорил Корнилову: «Вам, конечно, известно, что примерно 27 или 28 августа в Петрограде ожидается серьезное выступление большевиков. Опубликование ваших требований... конечно, послужит толчком для выступления большевиков, если бы последнее почему-либо задержалось...» Савинков при этом предупредил, что действия должны быть самые решительные и беспощадные; на что Корнилов заявил, что иных действий он не понимает и что «раз будет выступление большевиков и Совета рабочих и солдатских депутатов, то такое будет подавлено со всей энергией». Полковник Барановский, присутствовавший при этом сговоре, со своей стороны, добавил: «Конечно, необходимо действовать самым решительным образом и ударить так, чтобы это почувствовала вся Россия»<sup>1</sup>.

Что им удастся спровоцировать петроградский пролетариат на самоубийственное выступление, корниловцы не сомневались. Их задача заключалась в том, чтобы не вышло «выступления большевиков» до того, как к Питеру подойдут основные карательные конные дивизии Крымова. Савинков предупреждал Корнилова, чтобы «не вышло недоразумений и чтобы не вызвать выступления большевиков раньше времени», то есть раньше сосредоточения к Петрограду конного корпуса. Поэтому генерал Крымов в своем секретном приказе требовал, чтобы части походным порядком вступили в Петроград только «по получении сведений о беспорядках, начавшихся в Петрограде, и не позднее 1 сентября». Генералы проявляли нетерпение. Генералы спешили.

Большевики, хотя не могли достоверно знать, что заварено на чертовой кухне генеральско-кадетской контрреволюции, видели, что творится, знали, к чему должны привести все керенско-корниловско-милюковские махинации. Большевики замечательно разгадали и своевременно разоблачили подготавливавшуюся провокацию.

Еще 22 августа товарищ Сталин в органе ЦК «Пролетарий», в статье «Полоса провокаций» мобилизовал внимание партии и петроградских рабочих, призвал их к бдительности в связи о нащупанными им приемами провокации со стороны буржуазии. «Провокация — испытан-

<sup>1</sup> Протокол пребывания Савинкова в Могилеве. Петроградский историко-революционный архив. Цит. «Контрреволюция в 1917 г.», стр. 208.

ное средство контрреволюции», — отмечал товарищ Сталин. Напомнив о фактах вероломной провокации французской буржуазии в 1848 и 1871 гг., товарищ Сталин указывал, что «нигде в мире не пользовалась буржуазия этим отравленным средством так нагло и безгранично, как у нас в России». Угрозы Рябушинского о «костлявой руке голода и нищеты», локауты тысяч рабочих — таковы факты провокации русской контрреволюции. «Кто решится сказать, — спрашивал Сталин, — что это случайность, а не план, рассчитанный на то, чтобы спровоцировать бойню и потопить в крови революцию?»<sup>1</sup>

Между тем заговорщические офицерские организации в Петрограде, корниловские офицеры, тысячами съехавшиеся по вызову ставки в Петроград под видом обучения «бомбометанию», действительно орудовали «нагло и беззастенчиво». Они, переодевшись в солдатскую форму, нарядившись в рабочую одежду, шныряли по заводам и казармам, сея слухи о готовящемся «выступлении большевиков» и агитируя за «демонстрацию» в день полугодовщины революции. Они не только провоцировали солдат и рабочих, но готовились сами в случае неудачи или только частичной удачи как заправские провокаторы выступить под видом большевиков, под личиной рабочих и солдат.

Милюков рассказывает, как на вопрос, обращенный к неизвестному Дутову, что должно было произойти 28 августа 1917 г., он, Дутов, ответил буквально следующее: «Между 28 августа и 2 сентября под видом большевиков должен был выступить я».

Провокации в последнюю пятидневку августа не прекращались. Большевики усиливают свои разоблачения. Корниловцы, вкуче и влюбле с Керенским, которым Сталин, большевики мешали в их кровавых провокациях, закрыли «Пролетарий» за сталинскую статью «Провокации продолжаются». В связи с этим вышедший вместо закрытого «Пролетария» орган ЦК «Рабочий», также руководимый товарищем Сталиным, писал 26 августа: «Мы хотим отметить одно странное совпадение. Каждый раз наши газеты закрывают в одном определенном случае, когда они призывают рабочих не поддаваться на провокацию. «Правда» была закрыта, когда она, после июльских дней, призвала рабочих и солдат к прекращению демонстрации; «Рабочий и солдат» был закрыт, когда в статье «Что будут делать питерские рабочие в день 12 августа?» призывал не устраивать в этот день уличных выступлений; и, наконец, «Пролетарий» закрыт на другой день после того, как в связи с прорывом рижского фронта он призывал рабочих и солдат к выдержке и спокойствию. Что же это значит? Чья рука так заботливо не дает рабочим знать, что партия предостерегает их от провокации? Чья же это провокаторская рука?» Это была провокаторская рука контрреволюционной буржуазии, во главе с кадетами представленной бонапартистским правительством Керенского. «Факт, — писал товарищ Сталин в статье «Мы требуем», опубликованной 28 августа в газете «Рабочий», — что вся буржуазная печать от «Русской Воли» и «Биржевки» до «Нового Времени» и «Речи» помогали Корнилову, усиленно распространяя в эти дни слухи о «заговоре большевиков».

«Факт, что партия кадетов теперь, как в июле, оказалась в одном лагере с предателями на фронте и злейшими контр-революционерами в тылу. Наша партия была права, выставляя кадетов, как вдохновителей буржуазной контр-революции»<sup>2</sup>.

И несмотря на нависшую угрозу закрытия «Рабочий» в этом же номере поместил следующее краткое энергичное заявление ЦК партии: «Темными личностями распускаются слухи о готовящемся выступлении и ведется провокационная агитация, якобы от имени нашей партии. ЦК

<sup>1</sup> И. Сталин «На путях к Октябрю», стр. 177.

<sup>2</sup> Там же, стр. 186.

призывает рабочих и солдат не поддаваться на провокационный призыв к выступлению и сохранить полную выдержку и спокойствие».

О том, что проделывали в эти дни корниловские провокаторы, сообщало совместное воззвание Исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, Петроградского совета профсоюзов и Центрального совета фабрично-заводских комитетов, в котором говорилось, что по городу распространяются слухи о готовящихся демонстрациях, что на 27 августа назначено выступление рабочих, что в буржуазных газетах предупреждают о готовящейся резне, что на заводы являются какие-то переодетые люди и зовут к вооруженным выступлениям. В этом воззвании давалась и оценка всему этому: «Эти слухи распускают провокаторы и враги революции. Они желают вызвать массы солдат и рабочих на улицу и в море крови потопить революцию».

За провокаторами никто не пошел. А раз рабочие и солдаты на провокацию не пошли, то смертельно струсил сам провокационный дел мастер. Тот же Дутов рассказывал, как он бегал в Экономический клуб, где председателем был знаменитый монархист и черносотенец думец Крупенский, и звал выйти на улицу, «да никто за мной не пошел», сознавался незадачливый атаман.

Пущенная в ход круто завинченная Милюковым — Корниловым — Керенским пружина генеральско-кадетской контрреволюции постепенно разворачивалась и создавала прямую угрозу революционному Петрограду, всему революционному народу. На Петроград с 25 августа двигался снятый с югозападного фронта 3-й конный корпус Крымова в составе трех кавалерийских дивизий: 1-й Донской казачьей, Уссурийской конной и 10-й кавалерийской дивизии, — которым была придана также снятая с югозападного фронта туземная, так называемая дикая дивизия. Боевая задача корпуса была сформулирована Корниловым в его поручении Крымову в следующих решительных генеральских выражениях: занять город, обезоружить гарнизон, обезоружить население, разогнать советы, особой артиллерийской бригаде потребовать от кронштадтского гарнизона разоружения крепости и перехода на материк...

Но заговорщики этим не ограничились. Они не только двигали кавалерийские дивизии на Петроград, но одновременно разоружали «мятежную» столицу выводом из нее революционных, преданных большевикам воинских частей. В своих дополнительных показаниях<sup>1</sup> посредник между Керенским и Корниловым, их прямой соучастник Савинков сообщал, что им «принимались меры к тому, чтобы Петроград не оказался в руках большевиков». Так, он отдал распоряжение об отправке обратно в Кронштадт 2 тыс. большевистски настроенных кронштадтских матросов. «Кроме того, — признавался автор «Коня бледного», — я предполагал приступить к арестам большевиков»; однако он по не зависевшим от него, но зависевшим от самих большевиков обстоятельствам этого сделать не успел. Опасность вплотную придвинулась к Петрограду — колыбели революции.

Большевики, разъяснявшие народу всю опасность корниловского мятежа, мобилизовавшие неустанно волю рабочих и солдат на отпор заговорщикам, обратились с горячим боевым воззванием к населению Петрограда, к рабочим и солдатам. В этом историческом воззвании, подписанном ЦК партии, Петроградским комитетом, военной организацией при ЦК большевиков, большевистской фракцией Петроградского и Центрального советов рабочих и солдатских депутатов, разоблачалась буржуазия, которая во главе с кадетами приветствовала корниловский мятеж и готова была аплодировать врагу народа, убийце свободы Корнилову за то, что он прольет кровь рабочих и солдат, за то, что он задавит народную революцию. «Торжество Корнилова, — говорилось

<sup>1</sup> Архив Октябрьской революции (АОР). Дело о Корнилове, № 27, л. 72.

в воззвании, — гибель воли, потеря земли, торжество и всевластие помещика над крестьянином, капиталиста — над рабочим, генерала — над солдатом». Особо резкой критике подверглось правительство Керенского, не решившееся по понятным причинам задавить вконец генеральско-буржуазную контрреволюцию. Население Петрограда призывалось на самую решительную борьбу с контрреволюцией. Это мужественное воззвание заканчивалось обращением большевиков к солдатам и рабочим: «В братском союзе, спаянные кровью февральских дней, покажите Корниловым, что не Корниловы задавят революцию, а революция сметит и сметет с земли попытки буржуазной контр-революции... Вы смогли свергнуть царизм, докажите, что вы не потерпите господства ставленника помещиков и буржуазии — Корнилова»<sup>1</sup>.

Петроградский пролетариат горячо и мужественно реагировал на это обращение к нему большевиков. Собрания и митинги проходили под большевистскими лозунгами. Загнанная после июльских дней в подполье партия большевиков, несмотря на репрессии и преследования со стороны Керенского, действовала самоотверженно, как подлинный вождь народа. Ее призывы упали на благодатную почву. Рабочие, руководимые большевиками, выносили постановления, целиком совпадавшие с тактикой большевиков: «Борясь с Корниловым, петроградский пролетариат будет бороться не за диктатуру Керенского, а за все завоевания революции». Энергией большевистских агитаторов, проникших в воинские части столицы, было достигнуто то, что солдаты быстро раскусили смысл корниловского похода. Как рабочие, так и солдатские многочисленные митинги в самых решительных выражениях требовали создания подлинно народной власти, вооружения рабочих, освобождения арестованных, ареста заговорщиков-генералов во главе с лидерами кадетов, октябристов и других контрреволюционных партий, разгона Думы, закрытия буржуазных газет.

Большевики, вынужденные после июльских дней вести полулегальное существование, оказались в центре и во главе защиты революционного Петрограда от генеральского мятежа. Корниловец Керенский очутился в положении волшебника, вызвавшего злого духа, которого он обратно загнать не мог. Керенский вынужден был отмежеваться от своего союзника-«врага». Он «опасался, что народные массы, поднявшись против корниловщины и разгромив ее, заодно сметут и буржуазное правительство Керенского, если оно не отмежуеться теперь же от корниловщины»<sup>2</sup>.

Яростный враг большевиков, смертельно ненавидевший и боявшийся их, сам лелеявший мечту о диктатуре, Керенский, крайне перепугавшийся двигавшихся на Петроград крымских дивизий, вынужден был обратиться за помощью к бесспорному авторитету большевиков, которые одни только и могли поднять солдат и рабочих на вооруженный отпор Корнилову. Но поднимая массы на вооруженное сопротивление Корнилову, большевики разоблачали всю антинародную тактику меньшевиков и эсеров, породившую керенщину и ее дальнейшее развитие и крайнюю разновидность — корниловщину.

Не прошло и двух месяцев после июльских дней, как положение резко изменилось в пользу большевиков. Подъем рабочих и солдатских масс сказался, между прочим, в перевыборах депутатов, в отзыве скомпрометированных керенщиной, а следовательно, и корниловщиной меньшевиков и эсеров. Цитадель эсеро-меньшевизма — Всероссийский центральный исполнительный комитет — вынужден был перед лицом двигавшейся на Петроград опасности создать 27 августа особый «Комитет народной борьбы с контрреволюцией», составленный по принципу

<sup>1</sup> Ленин. Соч. Т. XXI. приложения, стр. 486.

<sup>2</sup> «История ВКП(б)». Краткий курс, стр. 192. 1938.

представительства: 3 от большевиков, 3 от меньшевиков, 3 от эсеров, 5 от ВЦИК, 5 от исполкома советов рабочих и солдатских депутатов, 2 от профсоюзов, 2 от Петроградского совета. Во всем этом наспех составленном оркестре, где добрая половина его боялась подъема народных масс, продолжала соглашаться, ненавидела ленинцев-сталинцев, главную, подлинно революционную силу составляли большевики. Больше того, большевики незамедлительно и совершенно естественно стали у дирижерского пульта. Вооружения рабочих, освобождения арестованных в связи с июльскими днями — вот чего прежде всего потребовали и добились большевики.

Деятельность «Комитета народной борьбы с контрреволюцией» и подобных комитетов, созданных советами по районам Петрограда и в других городах России, целиком направлялась большевиками и активизировалась ими. Вооружению рабочих было посвящено особое внимание. Наиболее страшная Керенскому, соглашателям и особенно ненавидимая ими военная организация при ЦК большевиков взяла целиком в свои руки создание Красной гвардии — рабочих дружин, рабочей милиции. Это решающее дело — вооружение петроградского пролетариата — было по требованию большевиков легализовано решением «Комитета борьбы», признавшим желательным вооружение отдельных групп рабочих для охраны рабочих кварталов, фабрик и заводов под ближайшим руководством районных советов и под контролем «Комитета». Народ вооружался. Но крымовские казачьи дивизии еще не были остановлены; и питерцы, вооружаясь, по призыву большевиков, рыли окопы, возводили оборонные сооружения — готовились к энергичной защите города революции.

Но надо было не только вооружаться: надо было разоружать врага. Большевистские агитаторы, питерские пролетарии самоотверженно действовали среди двигавшихся казачьих частей. Соприкосновение по пути с местными рабочими, солдатами, железнодорожниками, с их советами, смелое, правдивое слово большевиков сделали свое дело: крымовские казачьи дивизии переставали и, наконец, к 30 августа перестали быть корниловскими.

Особую опасность представляла туземная, так называемая дикая дивизия, состоявшая из кавалеристов-джигитов мусульманских кавказских народов. По мысли незабвенного Кирова, навстречу дивизии была отправлена мусульманская делегация, в состав которой входили такие тогда авторитетные для дивизии лица, как внук Шамиля — Захит Шефит, председатель Всероссийского мусульманского союза Ахмед Шаликов, член союза горцев Северного Кавказа и Дагестана Айтек Намиток, товарищ председателя Всероссийского союза воинов-мусульман лейтенант флота Осман бек Тукумбетов и др.

Крымов, как и Корнилов, особо полагался на дикую дивизию. В секретном приказе от 25 августа «Начдиву Туземной» кн. Багратиону он предупреждал, что при вступлении дивизии в столицу «против виновных лиц гражданских и военных должно быть употребляемо оружие без всяких колебаний и предупреждений». В этом приказе точно было расписано, какие районы и улицы города должны быть немедленно заняты, какие гарнизоны должны быть прежде всего обезоружены, где, на какой площади должен расположиться штаб дивизии, где, на каком телеграфе будет находиться сам Крымов. Закачивался этот, во всех частях детально разработанный кавеньяковский приказ следующим 10-м пунктом: «Препровождаю вам при сем для вашего руководства и распространения среди жителей копии моего приказа № 1 и вновь подтверждаю о подавлении беспорядков и наведении порядка самыми энергичными жестокими мерами. Прилагаю план г. Петрограда с нанесенными на нем местами казарм, фабрик и заводов и сведениями о числен-

ности гарнизонов, рабочих и их вооружения. Генерал Крымов. Начальник штаба генерал-майор Дитерихс»<sup>1</sup>.

Но, как пелось в старой солдатской песне, «гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить». На пути дикой дивизии, как и всего корниловского нашествия, выросли большевистские агитаторы, ожившие снова советы, понявшие опасность, выросла мусульманская делегация. Вслед за тремя казачьими дивизиями и эта туземная дивизия выскочила из-под диктаторского пьедестала, сооруженного генеральско-кадетской контрреволюцией. Как генерал Крымов, так и командир дикой дивизии кн. Багратион, видя бесславный конец кавалерийского «похода» и чувствуя себя далеко не в безопасности среди распропагандированных и сагитированных большевиками дивизий, бросились в Петроград, который до того они в своем воображении уже видели павшим в крови к их генеральским столам. Столп корниловского мятежа — ген. Крымов, — которого так «глубоко уважал» корниловец Керенский за «его мужественное исповедание своей веры в диктатуру», по прибытии в Петроград, боясь ареста и допроса, как проигравшийся в пух и прах игрок, застрелился.

Решающая ставка корниловцев на крымский экспедиционный корпус оказалась битой.

Ленин в статье «Русская революция и гражданская война» отметил, что прямой обман корниловцами войск, которые за ними пошли, был раскрыт первой же встречей дикой дивизии и корниловских эшелонов с питерцами. Большевики добились ареста видных корниловцев, контрреволюционных офицеров.

Корниловщина была разгромлена. Всемирноисторическая заслуга в разгроме генеральско-кадетского мятежа, спасении революционного Петрограда от сдачи его немцам, спасении революционной России от кровавых оргий буржуазной диктатуры принадлежит большевикам, руководившимся в напряженной борьбе с корниловщиной тактикой, гениально разработанной Лениным и Сталиным.

## V

День за днем следили большевики, следили Ленин из своего финляндского подполья и товарищ Сталин в Петрограде за махинациями корниловцев. Товарищ Сталин непосредственно руководил Центральным Комитетом, деятельностью партии, ее органами печати. Систематически, нередко изо дня в день, помещал товарищ Сталин свои короткие, боевые передовые без подписи статьи в «Пролетарии», а затем, когда газету закрыли, — в «Рабочем». За один лишь август товарищем Сталиным было помещено 14 таких статей, начиная с 22 августа, то есть со времени корниловского выступления, до 1 сентября, то есть до его ликвидации, товарищ Сталин написал около половины из них. Эти статьи: «Полоса провокаций», «Разделение труда в партии социалистов-революционеров», «Союз желтых», «Мы требуем», «Заговор продолжается», «Против соглашения» — являлись руководящими директивами партии, разъяснявшими в чрезвычайно популярной, доходчивой форме смысл происходивших событий. Эти статьи учили тактике вооруженной борьбы с корниловщиной, борьбы, ставящей целью не поддержку корниловца и кавеньяковца Керенского, а его разоблачение, решительную защиту революции.

Товарищ Сталин в трудной обстановке калейдоскопически мелькавших событий последней декады августа с изумительной прозорливостью направлял активность партии и широких народных масс по единственно правильному пути, открыто указанному им в статьях в «Пролетарии» и «Рабочем».

<sup>1</sup> АОР, Дело о Корнилове № 4, л. № 6174.

Ленин в конспиративном письме, написанном им 30 августа в Гельсингфорсе и адресованном «в Центральный комитет РСДРП»<sup>1</sup>, дал обобщающую оценку происшедших вплоть до дня ликвидации корниловского мятежа событий, оценку, свидетельствующую о том замечательном великом идейном содружестве, которое всегда отличало на всех этапах истории нашей партии совместную деятельность Ленина и Сталина.

Отметив, что восстание Корнилова — «прямо-таки невероятно крутой поворот событий», требующий пересмотра и изменения тактики, Ленин при этом предупреждал, что, «как со всяким пересмотром, надо быть архиосторожным, чтобы не впасть в беспринципность». Вот почему Ленин прежде всего снова, как в статье «Слухи о заговоре» от 18—19 августа, разоблачал тех, кто, впадая в беспринципность, давая увлечь себя потоку событий, скатывался в корниловские дни до тактики блока с эсерами, до поддержки бонапартистского правительства Керенского. Что же должны были делать большевики?

Вот как сформулировал Ленин в письме в ЦК партии основы большевистской тактики в данный конкретный исторический момент: «Ни на иоту не ослабляя вражды к нему, не беря назад ни слова, сказанного против него, не отказываясь от задачи свержения Керенского, мы говорим: надо учесть момент, сейчас свергать Керенского мы не станем, мы и н а ч е теперь подойдем к задаче борьбы с ним, именно: разъяснить народу (борющемуся против Корнилова) слабость и шатания Керенского. Это делалось и раньше. Но теперь это стало главным: в этом видоизменение»<sup>2</sup>. И Ленин наметил в письме целую программу «частичных требований», которые должны были увлечь поднятые большевиками массы дальше, значительно приблизить, хотя и не прямым, а обходным путем, победу.

Крайне важно отметить, что еще до получения ленинского письма в ЦК и даже до написания его (30 августа) товарищ Сталин в статье «Мы победим», написанной 27 августа и помещенной в газете «Рабочий» 28 августа, развивая те же мысли, что и Ленин, перечисляет также ряд подобных и других «частичных требований», закончив статью следующими словами: «Партия заявляет, что единственным путем, необходимым для осуществления этих требований, является разрыв с капиталистами, полная ликвидация буржуазной контр-революции и переход власти в стране в руки революционных рабочих, крестьян и солдат. Таков единственный выход, могущий спасти страну и революцию от краха»<sup>3</sup>.

Совершенно естественен поэтому замечательный постскрипtum (P. S.), который Ленин сделал к своему письму: «Прочитав после написания этого шесть номеров «Рабочего», должен сказать, что совпадение у нас получилось полное. Приветствую от всей души превосходные передовицы». Это были передовицы товарища Сталина!

Ленинско-сталинская тактика в борьбе с корниловщиной одержала замечательную победу. Широчайшие народные массы повернули резко в сторону большевиков, в которых они еще яснее увидели подлинных патриотов, стоящих на страже народных интересов.

Подводя итоги разгрому корниловщины, «Краткий курс истории ВКП(б)» отмечает, что этот разгром показал обреченность генеральско-кадетской контрреволюции и запутавшихся в ее плену соглашателей, что большевистская партия, хотя и не была еще правящей партией, все же явилась решающей силой, вполне авторитетной как правящая сила, руководство которой народные массы принимали без колебаний, что советы

<sup>1</sup> Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 118—120.

<sup>2</sup> Там же, стр. 119.

<sup>3</sup> И. Сталин «На путях к Октябрю», стр. 189.

и организованные ими в дни корниловского мятежа революционные комитеты таят в себе величайшую силу революционного отпора. Поражение корниловского восстания открыло новую, вторую стадию в лозунге «Вся власть советам!» Этот лозунг, вновь ставший на очередь, означал уже «прямой подход революции к диктатуре пролетариата путем восстания» (Сталин) с целью передачи всей власти в стране советам, руководимым большевиками.

Товарищ Сталин в статье «Вся власть советам», написанной в середине сентября, со всем основанием поэтому отмечал, что советы ожили в огне борьбы, что они заняли опять свое место у руля, ведя революционные народные массы. «Первая линия окопов контр-революции взята», — констатировал товарищ Сталин. Вторая, последняя линия окопов была после тщательной подготовки взята во всемирноисторические, великие октябрьские дни 1917 года.



Эпопея всенародной борьбы против корниловского мятежа свидетельствует о тех неиссякаемых источниках революционной энергии, патриотических чувств независимости и свободолюбия, которыми так богат русский народ, которыми богаты все народы нашей великой родины. Этот короткий период генеральско-кадетской контрреволюции с новой силой обнаружил благотворную, решающую роль в исторических судьбах нашей страны славной большевистской партии Ленина—Сталина.

Именно большевики, руководимые Лениным и Сталиным, направили и повели трудящиеся массы страны на разгром корниловщины, угрожавшей самым основам России. Если бы победили корниловцы, была бы установлена палаческая, кровавая диктатура русской империалистской буржуазии, нашему народу пришлось бы испытать все неслыханные зверства, на какие только способны ненавидящие трудовые массы озверелые ставленники буржуазии, дорвавшиеся до власти. Кровавых примеров тому, что может свалиться на плечи народных масс, много в современной Европе: Германия Гитлера, Италия Муссолини, Венгрия Хорти, Финляндия Маннергейма, Румыния Антонеску.

Большевики спасли наш народ от готовых было обрушиться на него подобных средневековых ужасов, перед которыми бледнеют все те погромы, которые учиняли на Руси ее злейшие враги.

Но историческая заслуга большевиков перед нашей страной, перед всем человечеством этим не исчерпывается; она еще значительнее. Спасли страну от корниловщины, от опасности реставрации буржуазно-помещичьего строя и монархии, большевики путем разгрома генеральского контрреволюционного мятежа предотвратили опасность сдачи Петрограда немцам, распродажи России по частям германскому империализму и превращения нашей великой родины в зависимый от иностранного империализма придаток. К этому неизбежно должна была привести Россию преступная авантюра русских капиталистов, помещиков и генералов — корниловых, рябушинских, родзянок и милюковых.

Нацеливши Россию на социалистическую революцию, победоносно завершив ее, большевики под руководством Ленина и Сталина создали могущественнейшую социалистическую державу, замечательная жизнеспособность и непоколебимая устойчивость которой оказались проверенными в буре и грозе великой отечественной освободительной войны народов Советского Союза против растленных немцев и их сателлитов.

## ПЯТЬ ЛЕТ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ КИТАЙСКОГО НАРОДА

*Г. Войтинский*

В продолжение пяти лет китайский народ ведет справедливую, освободительную войну против Японии, за свою национальную независимость и государственную самостоятельность.

До 9 декабря 1941 г. Китай вел вооруженную борьбу против Японии как агрессора, не находясь официально с ней в состоянии войны. Япония же называла свое военное нападение на Китай и войну, возникшую в результате этого нападения, «инцидентом». Начало войны на Тихом океане ознаменовалось официальным объявлением со стороны Китая войны Японии, Германии и Италии. Это событие отражало изменившуюся обстановку на Тихом океане и создало более благоприятные условия для освободительной борьбы китайского народа. До этого времени Китай боролся один на один с противником, значительно превосходящим его в военно-техническом отношении, теперь же Китай, вступив в союз с могущественными державами — США и Великобританией, — находящимися в войне с Японией, укрепил свое международное положение, поднял авторитет национального правительства внутри страны и увеличил свои военно-технические возможности.

История пяти лет антияпонской войны китайского народа — это история вооруженного отпора агрессору, история национально-освободительного движения, направленного к объединению Китая на демократической основе, как сильного национального государства. Создание единого национального фронта в 1937 г. знаменовало собой новый этап в истории Китая и явилось главным условием развивающейся успешной борьбы китайского народа за сильный, независимый Китай. Несмотря на внутренние противоречия между отдельными, иногда весьма значительными группами, входящими в состав национального фронта, и на большие трудности, возникающие при преодолении этих противоречий, Китай в настоящее время является более объединенным и сплоченным, чем когда бы то ни было в прошлом.

История пяти лет национально-освободительной войны китайского народа чрезвычайно поучительна и представляет большой научный и политический интерес.



Еще задолго до 1937 г., а именно 18 сентября 1931 г., Япония начала войну против Китая, напав на его три северо-восточные провинции. Это произошло в условиях мирового экономического кризиса, когда Англия и США были заняты разрешением сложных проблем внутри своих стран, а Китай переживал междоусобную войну. Японские войска в продолжение нескольких недель сентября и октября 1931 г. оккупировали Манчжурию. Неделю далось Японии подчинение этого богатого края с 30-миллионным населением. В течение многих месяцев не прекраща-

лась упорная партизанская война китайских крестьян, ремесленников, рабочих, студентов и даже купцов и помещиков против японских армий. Однако партизанская война китайских народных масс в Манчжурии без поддержки регулярной армии китайского правительства не могла освободить край. Превосходство японской кадровой армии в военно-техническом отношении, а также в искусстве ведения войны над партизанскими отрядами и отдельными китайскими военными частями под руководством старых манчжурских генералов дало возможность японской армии оккупировать всю Манчжурию.

Но уже первые месяцы борьбы японской императорской армии с китайскими партизанами показали Японии, что она не может считать свое положение прочным в какой-либо одной части Китая, не подчинив своей военной власти весь Китай.

В январе 1932 г., еще воюя с манчжурскими армиями и партизанами, Япония внезапно напала на Шанхай — этот крупный центр китайской промышленности, торговой и культурной жизни и имеющий мировое значение порт. Несмотря на внезапность нападения, китайская 19-я армия успешно отражала атаки противника. В продолжение двух месяцев 19-я армия вместе с рабочими и студентами китайской части Шанхая (Чапей) героически отстаивала город. 19-я армия и ее замечательный командир Цан Тин-кай вызвали восхищение в китайском народе: эта армия нанесла престижу японской армии и флота в Шанхае большой урон. События в Шанхае получили отзвук во всей северной и центральной части страны и дали толчок к дальнейшему собиранию сил и подготовке освободительной войны в годы 1932—1936.



Япония, напав в 1931 г. на Манчжурию, рассчитывала, что ей удастся оторвать от Китая этот богатый край, создать из него плацдарм для дальнейшего наступления либо на север либо на юг, в глубь Китая, а затем проникнуть в его центральную часть по долине Ян-цзы и заставить китайское правительство после этого капитулировать и подписать соглашение, на основании которого Япония получила бы контроль над экономической и политической жизнью Китая.

Эти расчеты строились в надежде на то, что внезапные удары сильной японской военной машины по Китаю в условиях, когда последний переживал длящуюся много лет внутреннюю борьбу между отдельными военными и политическими группировками, поведут к еще большей децентрализации и к полному распаду Китая, что облегчило бы Японии возможность овладеть им. Расчеты на такой план обычно формулировались выражением «Захватить Китай китайскими руками!»

План овладения Китаем приводил, однако, Японию в столкновение с другими великими державами, заинтересованными в колониальном использовании этой страны. В целях нейтрализации этих держав японцы использовали лозунг борьбы против китайских коммунистов, изображая свое выступление против Китая как поход против коммунизма в Азии. В продолжение известного времени этот маневр помогал японцам, создавая в лагере китайской и международной реакции благоприятную обстановку для так называемой политики «умиротворения» по отношению к нападающей стороне.

Но Япония в своем плане овладения Китаем просчиталась в главном — в надежде «завоевания Китая китайскими руками». Несмотря на противоречия, а временами и острую борьбу между различными группировками внутри Китая, оккупация Манчжурии и дальнейшее наступление Японии в северной и южной частях страны укрепляли в Китае основную политическую тенденцию — тенденцию к объединению всех слоев китайского народа для борьбы единым фронтом против агрессора, посягающего на независимость и государственную самостоятельность Китая.

Еще в 1932 г. китайские коммунисты твердо стали на путь борьбы за национальное единство, за единый антияпонский фронт. Они неоднократно открыто выступали с предложением нанкинскому правительству, гоминдану и всем военно-политическим группировкам прекратить взаимную борьбу и объединиться перед лицом общей опасности в единый национальный фронт для организации вооруженной защиты страны.

В августе 1935 г. ЦК китайской компартии и ЦИК Китайской советской республики обратились к китайскому народу и перечисленным организациям с призывом создать единую всекитайскую антияпонскую армию. В августе 1936 г. китайская компартия обратилась к гоминдану с предложением прекратить взаимную борьбу и создать единый фронт двух партий для борьбы с японским империализмом. В начале февраля 1937 г., накануне III пленума гоминдана, китайская коммунистическая партия предложила гоминдану конкретную платформу для образования единого национального антияпонского фронта<sup>1</sup>.

Японские военные круги, как и японская дипломатия, чтобы воспрепятствовать созданию единого национального фронта в Китае, принимали всевозможные меры. В число таких мероприятий входили угрозы, шантаж, террор по отношению к отдельным политическим деятелям и шовинистическая демагогия, направленная к обману общественного мнения как в Японии, так и в Китае. Японские агенты, находившиеся в гоминдане и даже в китайском правительстве, во главе с предателем Ван Цзин-веем сеяли в массах панику и неверие в силы китайского народа, одновременно обеляя и прикрашивая агрессивные действия и планы Японии. Но этой «пятой колонне» в Китае не удалось сломить волю китайского народа, решительно вставшего на защиту своей страны. В ноябре 1935 г. во время заседания V конгресса гоминдана раздались выстрелы, убившие ближайшего сторонника Ван Цзин-вее Тан Ю-жэня и ранившие его самого. Эти выстрелы были лишь первым ответом народных масс Китая на попытки национальных предателей отравить сознание народа и ослабить его волю к борьбе против японского ига.

Ясно выраженная воля основных политических партий Китая и его государственных деятелей к защите независимости страны не привела к отказу Японии от агрессивных целей в Китае. В ответ на сопротивление гоминдана и национального правительства планам Японии последняя стала организовывать сначала в северной части Китая марионеточные правительства по типу Манчжоу-Го, в восточной же части, в Хубейской провинции, было создано так называемое «антикоммунистическое правительство». Но эти правительства не помогли Японии стабилизировать свое положение в захваченных районах Северного Китая, а попытки создать «нормальные», т. е. угодные Японии, условия развития хозяйственной жизни разбивались об упорный бойкот всех слоев китайского населения в этих районах. И хотя Япония сумела после захвата Манчжурии проникнуть в провинцию Жэхэ и в другие провинции Внутренней Монголии и северной части Китая, однако еще осенью 1935 г. Япония не могла считать прочными свои «достижения» в этой части Китая.

Летом 1935 г. в японских военных кругах созрел план подчинения непосредственно Японии пяти северных провинций Китая: Хэбэя, Чахара, Суйюаня, Шаньси, Шаньдуна. В Китае, в ответ на попытку осуществить этот план, в декабре 1935 г. поднялась мощная волна студенческих забастовок, возникших в университете в Бэйпине, подхваченных затем во всех крупных промышленных центрах страны и превратившихся во всенародное движение против оккупантов. Всеобщее возмущение народа против японских агрессоров связало руки тем из китайских военных и политических деятелей, которые готовы были пойти на принятие провокационных предложений японской военщины. План «мирного» захвата

<sup>1</sup> Мао Цзе-дун «Биографический очерк», стр. 62—65. Госполитиздат. 1939.

пяти провинций провалился. Известный военный японский разведчик Доихара — инициатор этого плана — потерпел фиаско и был отозван из Китая.

Последствия провала этого плана были далеко идущими: в процессе борьбы против захвата пяти северных провинций во всей стране начали создаваться предпосылки для образования единого национального анти-японского фронта. Одновременно назревали условия для борьбы против феодальных пережитков в структуре государственно-политической власти Китая, для борьбы за экономический подъем и за демократизацию страны.

Именно такой перспективы больше всего опасались воинствующие элементы господствующих классов Японии. Начав наступление на Китай, Япония ссылалась на то, что ее интересам угрожают децентрализация китайского государства и отсутствие в нем твердого порядка. Однако японские военные круги больше всего опасались объединения Китая. Японскому империализму всегда нужен был слабый, разрозненный Китай. Его агрессии всегда помогала борьба между феодальными милитаристами. Он всегда наживался из-за отсутствия у Китая своей промышленности. Китай, где одна провинция отделена была от другой таможенной стеной, где не было единой государственной власти, где пути сообщения находились в чужих руках, не был опасным противником для Японии. Китай, армия которого представляла собой полуфеодальную организацию, а народ был абсолютно бесправен, не мог защищаться от японского агрессора. Японские империалисты, стремясь сохранить именно такое положение в Китае, всегда боролись всеми способами против любых проявлений объединительных тенденций в Китае.

Поучительный вывод из первых лет японского наступления на Китай заключается в том, что японцы создали против своей воли условия для усиления центристских тенденций в Китае. Японское наступление, поставив под угрозу существование китайского народа и пробудив национальное самосознание во всех его слоях, начиная от крестьян, рабочих, студентов и кончая купцами и помещиками, ускорило объединительный процесс в стране. Этому объединению способствовала политика Японии в Манчжурии после захвата ее, политика подрыва экономической основы китайского населения и лишения его собственного национального облика. Японские власти в Манчжурии наложили руки не только на все богатства страны, но и на печать и на воспитание китайских детей. Большая часть китайской прессы была уничтожена, та же, которая осталась, была подчинена цензуре японских военных властей. Японцы создали учебники по истории Китая, в которых проводились идеи, оправдывающие власть Японии над Китаем.

Перспектива полного уничтожения независимости китайского народа глубоко всколыхнула Китай, вызвав у 450-миллионного населения неукротимое стремление к сопротивлению. На этой почве объединительная тенденция стала основной и определяющей чертой политической и экономической жизни страны. Началось сплочение всех слоев народа вокруг правительства Чан Кай-ши под знаком национального единства. Начиная с 1935—1936 гг. отдельные генералы, еще недавно рассматривавшие себя как самостоятельных военачальников и губернаторов, стали подчиняться центральному правительству. Осенью 1935 г. нанкинскому правительству во главе с Чан Кай-ши впервые удалось провести в Китае финансовую реформу, смысл которой заключается в том, что китайские банки, частные купцы и промышленники предоставили китайскому правительству в обеспечение бумажных денег серебро, получив взамен китайские государственные бумаги. Возникшая было летом 1936 г. угроза вооруженного столкновения между югозападными генералами и Чан Кай-ши была ликвидирована в пользу последнего без вооруженного конфликта. Только благодаря быстро возросшему во всех слоях народа

сознанию необходимости единства был мирно разрешен острый и опасный кризис в Китае, на который японцы возлагали особенно большие надежды, — кризис в провинции Шаньси в декабре 1936 г., когда Чан Кай-ши, задержанный и заключенный под стражу Чжан Сюэ-ляном, под давлением влиятельных кругов гоминдана и коммунистов был освобожден. Момент ликвидации этого кризиса стал исходным для дальнейшего развития центристских тенденций в Китае. Опасность, перед которой стояла страна в декабрьские дни 1936 г., как бы явилась предостережением, вызвавшим решительный поворот к объединению всех сил страны для подготовки всенародного сопротивления агрессору.



Первая половина 1937 г. проходит в Китае под знаком подготовки к созданию и оформлению единого национального антияпонского фронта. Рост сопротивления агрессору на основе национального единства укрепил и международное положение Китая. Выросла его внешняя торговля, увеличился приток денежных средств от миллионов китайских граждан, проживающих в Америке и в странах Южных морей.

Между тем положение Японии в первой половине 1937 г. ухудшилось как внутри страны, так и на международной арене. Провал японских планов овладения в 1935 г. пятью северными провинциями Китая способствовал в феврале 1936 г. военному путчу в столице Японии — Токио. «Молодое» японское офицерство, руководимое наиболее агрессивной частью военных кругов, родственное по своим методам социальной демагогии и шовинистической пропаганды германским фашистам, в феврале 1936 г., подняв бунт, убило нескольких министров, в том числе видного государственного деятеля Такахаси, и потребовало установления диктатуры фашистской военщины. Руководящие круги Японии испугались деморализующего влияния на японскую императорскую армию подобных методов навязывания своей воли со стороны кучки военных авантюристов, и путч был ликвидирован. Непосредственные участники путча были казнены, а вдохновители и организаторы отстранены от руководящих военных постов и от активной политической жизни.

Путч этот не остался бесследным. Он напугал общественное мнение Японии, показав истинный характер реакционной японской военщины, играющей нередко большую и опасную самодовлеющую роль в государстве. Этот путч вызвал рост демократического движения среди рабочих, интеллигенции и средних слоев населения. Буржуазная политическая партия минсейто и социалистическая партия сякай тайсюто<sup>1</sup> во время выборов в парламент 30 апреля 1937 г., через год и два месяца после путча, получили такое значительное число мест, какого они не имели никогда раньше. Они получили места за счет правых элементов других партий благодаря тому, что выборную кампанию проводили под антифашистскими и антимилиитаристскими лозунгами.

Одновременно с развитием общедемократического движения в Японии усилилась классовая борьба рабочих и крестьян. Буржуазная газета «Осаха» в передовой от 27 апреля 1937 г. писала: «С начала 1937 г. волна забастовочного движения приняла явно угрожающий характер. Для забастовочного движения за последние месяцы характерен не только количественный рост. Имеется кардинальное отличие и с точки зрения качества. Если до 1937 г. рабочие забастовки возникали в мелких и средних отраслях промышленности, то в 1937 г. они стали возникать в отраслях тяжелой промышленности, на крупных заводах и фабриках. Японская пресса констатировала в 1937 г. также рост движения крестьян

<sup>1</sup> Эти партии в 1940 г. под давлением военщины самораспустились.

и арендаторов, требовавших снижения арендной платы и удлинения сроков аренды. На этой почве происходили довольно частые конфликты между помещиками и арендаторами».

Международное положение Японии в конце 1936 г. и в первой половине 1937 г. также ухудшилось. Правительственные и военные круги изображали заключение 26 ноября 1936 г. антикоминтерновского пакта между Японией и фашистской Германией как достижение Японии на международной арене. На самом же деле, как известно, о этого времени начинается процесс изоляции Японии. Хотя и не столь резко, но систематически ухудшаются отношения между Японией и англо-саксонскими державами.

Война в Китае и ухудшившееся международное положение Японии в первой половине 1937 г. создали в стране большое финансово-экономическое напряжение. Японские военные круги требовали и добивались все большего увеличения военного бюджета, который в 1937 г. составлял от 40 до 50% общего государственного бюджета, равного 5,5 млрд. иен. Доходные же статьи бюджета составляли всего 1900 млн. иен; дефицит в 3,5 млрд. иен должен был покрываться путем займов и налогов.

Таким образом, после нескольких лет наступления в Китае Япония стояла в первой половине 1937 г. перед большими трудностями в результате провала своих планов «покорения Китая китайскими руками».

В этой обстановке правящие круги Японии предприняли, с одной стороны, мирные переговоры с наиболее сильной и заинтересованной в делах Тихого океана Англией и, с другой стороны, подготовку внезапной агрессии по отношению к Китаю.

В мае 1937 г., используя в качестве повода коронацию английского короля, японская миссия, посланная в Лондон для участия в коронационных торжествах, вела переговоры с английским правительством о возможных путях мирного разрешения спорных вопросов в Китае. Японская пресса повела пропаганду внутри страны и за границей о «мирной эре в отношениях с Китаем», об «экономическом сотрудничестве». В то же время именно в эти месяцы японские военные круги особенно интенсивно готовили внезапное нападение на Китай, стремясь преодолеть созданные предыдущей их политикой трудности для японского правительства. Внезапным ударом по Китаю эти круги намеревались задержать рост все более обостряющихся противоречий внутри Японии и поставить мир перед совершившимся фактом новых захватов в Китае.

Фактическим началом длящейся пять лет войны между Японией и Китаем было нападение 7 июля 1937 г. японских войск на китайские части у Люкоуцзяо. Японская пресса, как и официальные документы и выступления отдельных общественных деятелей Японии, определяли эту начавшуюся войну как местный «инцидент». Это было попыткой ублажить мировое общественное мнение и общественное мнение самой Японии. Удивительно, однако, то, что эти же круги продолжали и в последующие годы, когда японо-китайская война охватила большинство провинций Китая, настаивать на этой версии.

В ответ на вооруженное нападение Японии в июле 1937 г. китайский народ начал национально-освободительную войну. Япония сосредоточила в Китае большие военные силы, стремясь заставить китайское правительство капитулировать в короткий срок. Но уже через месяц после начала военных действий в северной части Китая Японии пришлось убедиться, что она имеет дело с нарастающим и упорным сопротивлением китайского правительства и всего китайского народа. Тогда Япония, рискуя крайне обострить свои отношения с Англией и Америкой, напала на главные торговые и промышленные центры Китая, где были особенно велики интересы Англии и Америки. Нападение на Шанхай 16 августа 1937 г. было предпринято военными кругами Японии в расчете на то, что оборона этого порта потребует исключительных усилий со стороны нан-

кинского правительства. Японцы надеялись, заставив нанкинское правительство мобилизовать главные силы здесь, тем самым ослабить возможность сопротивления на севере Китая и, сломив его волю к сопротивлению, быстро захватить весь Северный Китай с его богатыми природными ресурсами и сетью железных дорог. Они стремились отрезать военные силы Китая на севере от его сил на юге. Но нападение на Шанхай не только не ослабило сопротивления китайских войск на севере Китая, но еще более усилило его, вызвав небывалую волну национального подъема во всей стране. В сентябре 1937 г. 8-я народно-революционная армия (бывшая красная армия) нанесла жестокий удар 7-й японской бригаде под командой бывшего военного министра Японии генерала Итагаки. Успешная борьба 8-й народно-революционной армии имела далеко идущие последствия. Она показала, что китайцы в состоянии побеждать японскую регулярную армию.

Одновременно в условиях начавшейся национально-освободительной войны стал быстро завершаться процесс создания единого национального фронта в Китае. Силы, препятствовавшие этому процессу, все больше теряли свое влияние. Колеблющиеся элементы внутри гоминдана все больше становились на почву единого фронта. Наконец, 23 сентября 1937 г. глава национального правительства Чан Кай-ши в ответ на декларацию коммунистов сообщил представителям печати, что единый фронт гоминдана и коммунистической партии создан. Китайская красная армия была переименована в 8-ю народно-революционную армию и стала составной частью единой китайской армии. Командующим 8-й народно-революционной армией был назначен член политбюро китайской коммунистической партии, талантливый полководец Чжу-Де, а его помощником — член ЦК КПК Пэн Дэ-хуай. Советский район, образованный китайскими коммунистами на границе Чахара, Суй-Юани и Нинся, был переименован в Особый район Китайской республики, а в дальнейшем — в Пограничный район. Здесь была введена демократическая форма власти, основанная на известных трех принципах вождя китайского народа Сун Ят-сена. Китайская коммунистическая партия еще в августе 1937 г. заявила в своей декларации: «Осуществление трех народных принципов Сун Ят-сена необходимо для нынешнего Китая, и наша партия желает вести борьбу за последовательное проведение их в жизнь».

Эти три принципа заключались в следующем: 1) национализм. Китайская компартия видит прежде всего смысл этого принципа в том, что Китай должен быть совершенно независим и обладать суверенной государственной властью, а внутри страны должно быть установлено равноправие между различными национальностями, населяющими Китай. Сун Ят-сен именно так подробно обосновал этот принцип, как и два последующих, в своих известных лекциях в Кантоне в 1924 г.; 2) демократизм. Согласно Сун Ят-сену, в Китае должна быть установлена на основе этого принципа такая власть, которая исключала бы возможность для феодалов-милитаристов и политических авантюристов навязывать свою волю народу. Демократизм должен обеспечить участие самого народа в управлении страной. В условиях национально-освободительной войны, когда началась мобилизация всех сил народа на борьбу против японских империалистов, стало необходимым развязать инициативу и энергию народных масс. Это требует всемерного развития принципа демократизма, т. е. решительной демократизации государственного строя, — так разъясняли коммунисты и передовые гоминдановцы народным массам второй принцип Сун Ят-сена; 3) народное благоденствие, т. е. улучшение экономического положения трудящихся масс Китая: рабочих, крестьян, ремесленников, интеллигенции, мелких торговцев — третий принцип Сун Ят-сена. Для наиболее успешной организации всенародной обороны Китая совершенно необходимо, разъясняли последовательные китайские патриоты этот принцип, снять с китайского крестья-

янтства наибольшую тяжесть помещичье-феодалного гнета: непомерную арендную плату, множество налогов, ликвидировать административный и судебный произвол в деревне. Точно так же необходимо облегчить экономическое положение рабочих, ремесленников, интеллигенции и мелких торговцев.

Агитация за проведение в жизнь трех принципов Сун Ят-сена в условиях национально-освободительной войны приобрела в 1937—1938 гг. исключительно большое политическое значение. Народные массы Китая все больше и больше проникались сознанием, что успех освободительной войны и независимость китайского государства тесно связаны с последовательным проведением в жизнь трех принципов Сун Ят-сена. Борьба за демократизацию государственного строя, за преодоление феодальных пережитков в экономике, в политике и в быту разворачивалась все шире по мере роста национально-освободительной войны. Освободительная война и демократизация страны стали двумя сторонами одного и того же могучего процесса.

Правящие круги Японии всеми силами стремились препятствовать созданию единого фронта в Китае и помешать процессу демократизации страны. Предатель национальных интересов Китая Ван Цзин-вей открыто выступил как агент Японии и делал все возможное для того, чтобы спровоцировать внутренние конфликты в лагере единого фронта. Все способы были использованы им для достижения этой цели: террористические акты против наиболее видных китайских патриотов, шантаж, фальсификация исторических фактов, перекрашивание предателей под цвет гоминдана, а прежде всего использование трудностей войны для разжигания борьбы между членами разных политических групп, для сеяния недоверия и подозрений среди честных патриотов. Ван Цзин-вей и его приспешники, представляющие собой «пятую колонну» Японии в Китае, стремились уверить не искушенных в политике людей, что Япония не преследует захватнических целей в Китае, а желает лишь «экономического сотрудничества» с ним, и, с другой стороны, что бесполезно сопротивляться Японии, ибо она сильнее Китая и все равно его победит. В этой своей предательской деятельности клика Ван Цзин-вея не стеснялась даже ссылаться на высказывания Сун Ят-сена, извращая их и стремясь ослабить волю китайского народа к сопротивлению.

Для характеристики сложности внутреннего положения Китая в это время необходимо напомнить, что упомянутые здесь предатели народа во главе с Ван Цзин-веем находились еще в гоминдане и занимали видные и ответственные посты, до конца 1938 года. Другой особенностью, показывающей, в каких сложных и трудных условиях пришлось Китаю мобилизовать свои силы для освободительной войны, является то, что в важнейших центрах Китая, в том числе во всех морских портах, было очень велико экономическое и политическое влияние Японии, сосредоточены были ее вооруженные силы. Под покровительством этих сил предатели из среды китайского народа делали свое черное дело. В этих центрах находились концессии иностранных держав, которые, не желая рисковать своим положением, фактически препятствовали мобилизации сил Китая в крупных китайских городах.

Все перечисленные выше обстоятельства: превосходство Японии над Китаем в военно-техническом отношении, трудности мобилизации материальных и людских ресурсов Китая, находившегося на положении полукolonии, и, наконец, предательская роль Ван Цзин-вея и его приспешников, находившихся в гоминдановском партийном и государственном аппарате, — дали возможность Японии к концу 1937 г. захватить крупные центры в северной части Китая (Бейпин, Тяньцзинь), а также центры внутренней Монголии (Чахар, Суйюань), столицу провинции Шанси — Тайюань, — столицу Китая — Нанкин — и, наконец, самый крупный порт Китая — Шанхай.

Уже на этом этапе расчеты японской военщины на молниеносную войну и на капитуляцию национального правительства Китая провалились. Япония оказалась втянутой в длительную и изнурительную войну. Японии не удалось попытки окружить китайскую армию и уничтожить ее живую силу. Неудачей кончились для Японии и попытки окружить и уничтожить 8-ю народно-революционную армию. Последняя, как известно, нанесла японцам большой урон и вышла из окружения. Мало того. С конца 1937 г. и в особенности в начале 1938 г. в тылу у японских войск, по всей территории Северного Китая, развернулось партизанское движение, руководимое штабом 8-й народно-революционной армии.

Одновременные действия японской армии в районе Шанхай — Нанкин также не дали японцам ожидаемых результатов: им не удалось разбить 87-ю и 88-ю китайские дивизии, защищавшие Шанхай. Несмотря на то что японцы высадили войска в Ханьчжоу и попытались ударить на Шанхай одновременно с севера и юга, китайская армия вышла из Шанхая в полном порядке и отошла к заранее подготовленным позициям.

Главнокомандующий китайской армией Чан Кай-ши в декларации 17 декабря 1937 г. после оставления Нанкина и Шанхая заявил, что задачей Китая является «до конца сопротивляться Японии и добиться окончательной победы». Тогда же Чан Кай-ши созвал военную конференцию в Ханькоу, затем создал военный совет, привлекая к участию в нем генералов из армий провинций Гуанси, Гуандун и Сычуань, а также представителей 8-й народно-революционной армии.

Захват столицы и других крупнейших промышленных и культурных центров страны не только не привел к капитуляции китайское правительство, но, произведя громадное впечатление в народе, укрепил его волю к борьбе и решимость организовать сопротивление и активную оборону страны.

Подводя итог этому этапу освободительной войны, китайская коммунистическая партия в своей декларации от 25 декабря 1937 г. заявляла: «Хотя мы сдали ряд городов и потерпели временные военные неудачи вследствие превосходства военной техники японской армии — мы этого не отрицаем, — наша героическая борьба показала небывалое пробуждение сознания и сплочения сил нашего народа. Бойцы и командиры нашей армии проявили в этой борьбе чудеса героизма и самоотверженности. Эта борьба положила начало созданию единой государственной власти, единой армии. Она подняла уверенность нашего народа в возможность победы над врагом, нанесла ряд ударов японским захватчикам, частично расстроила их силы, увеличила трудности»<sup>1</sup>.

Китайское правительство сделало выводы из временных неудач армии осенью 1937 года. Первый из них заключается в том, что необходима большая централизация и сплоченность китайских армий, состоявших из военных частей разных провинций; что необходимо органическое объединение этих армий и подчинение их центральному руководству, а также укрепление дисциплины. Коммунисты поставили кроме того вопрос о большей бдительности и более решительной борьбе против «пятой колонны».

Японская армия, не добившись после захвата Шанхая и Нанкина капитуляции китайского национального правительства, предприняла большое наступление на важнейший узел железнодорожных магистралей Китая — Сюйчжоу. Этим была поставлена задача соединения северного и центрального японских фронтов для общего наступления. Здесь китайская армия нанесла жестокий удар японцам 10 апреля 1938 г. под Тайерчжуаном. Весть об этой победе Китая облетела тогда весь мир и нанесла

<sup>1</sup> Мао Цзедун. Указ. соч., стр. 75.

немалый урон престижу японской армии. После пяти месяцев борьбы за Сюйчжоу, во время которой японская армия потеряла более 150 тыс. человек, китайцам все же пришлось оставить этот стратегический пункт. Началась героическая оборона известных трех городов в центре Китая: Ханькоу, Ханьяна и Учана, носящих общее название Ухань.

Для захвата Уханя японцы мобилизовали большие военные силы. На этом участке фронта японцы применяли соединенные силы пехоты, бронетанковых частей, артиллерии, авиации и военных судов на Янцзы. Последнее имело особенно большое значение, так как артиллерия военных судов облегчала японцам высадку десантов. Несмотря на значительное превосходство в военно-техническом отношении японцам лишь с большим трудом удавалось захватывать китайскую территорию. В 20-х числах июля 1938 г. японцы дошли до Цю-цзяна. Здесь их наступление было остановлено. Героическая борьба китайских войск, задержавших напор японцев на Цю-цзян, вошла славной страницей в историю освободительной войны китайского народа.

Японским военным кругам становилось все более ясным, что им не удастся захватить Ухань прямой атакой, поэтому они предприняли большой стратегический маневр с целью отрезать Ухань от основной базы снабжения его оружием и боеприпасами и тем самым вынудить китайские войска оставить этот важный экономический и стратегический центр Китая. Базой, снабжающей Ухань, в то время являлся крупнейший порт в Южном Китае — Кантон. Япония еще с самого начала 1938 г. начала захват стратегических позиций на юге Китая, в частности она захватила порт Амой и высадил десант в Сватоу. Но здесь японцы рисковали конфликтом с Англией, что до известного момента играло большую сдерживающую роль. Однако чемберленовская политика «умиротворения» агрессора, приведшая летом 1938 г. к заключению мюнхенского соглашения, окрылила агрессивные элементы Японии. В октябре 1938 г. японцы решили атаковать внезапно Кантон, расположенный в нескольких часах езды от английского крупного порта на Тихом океане — Гонконга<sup>1</sup>. Захватив Кантон, японцы начали форсированное наступление с юга на север, на Ханькоу. Это вынудило китайское правительство после пяти месяцев упорной, героической обороны Уханя оставить этот жизненно важный центр Китая. Этим в основном завершается первый этап национально-освободительной войны китайского народа — этап активной обороны и накопления сил.

Захват Уханя, куда была перенесена в свое время, после падения Нанкина, резиденция национального правительства, не ослабил волю китайского народа и его правительства к дальнейшей борьбе в защиту независимости Китая. Национальное правительство переехало дальше на запад, в Чунцин — старинный город Сычуаньской провинции. Сюда же, на запад, были эвакуированы многие китайские фабрики и заводы из Шанхая, Ханькоу и других центров страны. В Чунцин и другие города Сычуана приехали представители китайской торговой и промышленной буржуазии; сюда стали стекаться также большие средства и вклады в фонд национальной обороны от китайских купцов и промышленников, проживающих в Америке, в странах Южных морей и в Европе. Культурные ценности Китая, уцелевшие во время войны, были перевезены в глубь страны. В частности эвакуировались из захваченных районов Китая Китайская академия наук, крупнейшие университеты и другие научные учреждения. На запад, в глубь страны, стали переселяться десятки миллионов китайского населения (по некоторым иностранным источникам, от 40 до 50 млн. человек), не желавшие оставаться в окку-

<sup>1</sup> Мюнхенская политика Чемберлена сыграла немалую роль в облегчении японцам захвата Гонконга в 1942 году.

пированных Японией провинциях. Все это вместе отражало непреклонную решимость китайского народа продолжать защиту своей родины.

Организовав на западе при поддержке народных масс новый политический, административный и экономический центр страны, китайское правительство, несмотря на то что Японии удалось захватить основные железные дороги и порты, крупнейшие приморские города и отрезать важные районы Северного Китая, богатые полезными ископаемыми, стало сравнительно быстро осваивать западные и югозападные районы. Создавалась впервые в новых местах промышленность, строились шоссе, укреплялась обороноспособность страны. Вместе с тем китайскому правительству удалось в этих условиях благодаря неукротимой воле народа отстаивать свою национальную независимость, укрепить свои внешнеторговые и дипломатические отношения с крупнейшими странами мира.

В начале 1939 г. Китай мог уже сказать, что кончился этап отступлений и исключительно оборонительной тактики. Китайское национальное правительство поставило своей задачей подготовить силы к контрнаступлению в целях освобождения захваченных территорий. С начала 1939 г. участились крупные победы китайских войск. Японским войскам нередко приходилось с трудом оборонять ранее захваченные ими территории, а в некоторых местах и отступать. В Хунаньской провинции китайцы отбили у японцев главный город — Чанша, имеющий большое экономическое и стратегическое значение; в Западном Хубее китайцы отбили атаки японцев на реке Ян-цзы-цзян у города-порта Ичана, имеющего большое торгово-промышленное, а также оборонное значение для столицы Китая — Чунцина. В Северном Китае планы Японии захватить район провинций Шаньси и Шенси потерпели неудачу. Широкое партизанское движение и силы 8-й народно-революционной армии в продолжение долгого периода сковывают здесь почти половину всей японской оккупационной армии в Китае.

В августе 1940 г. в северной части Китая было проведено так называемое сражение 100 полков, явившееся самым большим партизанским выступлением против японских оккупационных войск в Китае. В нем участвовало 500 тыс. человек из 8-й народно-революционной армии и партизанских отрядов Северного Китая, а также 150 тыс. человек гражданского населения, помогавших 8-й армии и партизанам. Целью этого выступления было разрушение всех коммуникаций, связывающих Бейпин с японскими армиями во всех местах Северного Китая. Партизаны сняли рельсы протяжением в 200 миль с Чжендин-Тайюаньской и Датун-Тайюаньской железных дорог, тем самым разорвав связь между двумя северными фронтами Японии в Китае. Рельсы были использованы для обороны китайских районов. Партизаны взорвали большое количество мостов и повредили около 500 миль шоссе, Ими было снято много телеграфных проводов и спилены тысячи телеграфных столбов. Характерно, что несмотря на двухмесячную подготовку к этому нападению оно явилось для японцев неожиданным<sup>1</sup>.

Оккупация ряда важнейших экономических и стратегических центров Китая и обширной территории, как мы видим, не означала ни конца войны в Китае, ни даже приближения этого конца. Не оправдались надежды Японии и на раскол Китая путем создания так называемого центрального правительства во главе с Ван Цзин-веем. Созданное Японией в захваченной ею столице Китая — Нанкине — ванцзинвеевское правительство с самого начала оказалось изолированным от китайского народа стеной недоверия и ненависти. Оно презираемо китайским народом и держится исключительно силой японской оккупационной армии. Чтобы преодолеть стену изоляции, окружающую созданное японцами

<sup>1</sup> См. «Pacific Affairs». June 1941.

правительство, Япония разрешила Ван Цзин-вею и его подручным пользоваться именем гоминдана, иметь «гоминдановский комитет», говорить о трех принципах Сун Ят-сена (конечно, в специально указанном японцами духе) и издавать соответствующие этой цели органы печати. Вместе с тем японцы пытались поднять престиж ванцзинвеевского правительства, разрешив ему иметь в Токио своего посла, добившись признания этого правительства «со стороны стран оси» и, наконец, дав ему «взаймы» 300 млн. иен. Но все эти мероприятия не могли обмануть общественное мнение Китая, рассматривающего Ван Цзин-вея как изменника и агента чужой страны.



К началу второй мировой войны, осенью 1939 г., Япония глубоко застряла в Китае, не разрешив за время двухлетней войны ни одной из поставленных ею в Китае задач. Китай не покорен и не ослаблен, так как японцам не удалось спровоцировать гражданскую войну. Наоборот, за эти годы Китай более чем когда бы то ни было раньше показал свою волю к сопротивлению агрессору и к созданию сильного, централизованного демократического государства. Эта воля явилась и является движущей силой всего хозяйственного и общественного развития Китая после двух лет войны за национальную независимость.

Япония, считая необходимым решительно подавить национальные силы Китая, заключила в сентябре 1940 г. военный союз с Германией и Италией, рассчитывая на то, что после капитуляции французского правительства перед гитлеровской Германией такой союз усилит Японию, даст ей возможность приступить к захватам на Тихом океане. Лейтмотивом всех высказываний видных деятелей Японии, а также статей публицистов и журналистов Японии в это время является: «Надо скорее кончить войну в Китае, чтобы иметь свободные руки для действий на Тихом океане». Но война в Китае еще не закончилась, сопротивление национального Китая росло, и война по-настоящему только развязывалась.

Наиболее агрессивные военные круги Японии возлагали большие надежды на спровоцирование конфликта между новой, 4-й народно-революционной армией, руководимой коммунистами и находившейся в провинции Аньхой, и некоторыми военными частями центрального гоминдановского правительства. В этом широко задуманном провокационном плане главную роль должны были играть предатель Ван-Цзин-вей и его агентура. Этот план сводился к тому, чтобы, вызвав вооруженное столкновение в лагере национального Китая, усилить позиции капитулянтских элементов и противников демократизации страны в гоминдане, в правительстве, в общественных организациях и, ослабив таким образом Китай изнутри, дать возможность Японии победоносно закончить войну в нужное для нее время. Однако и этот план провалился.

Несмотря на нападение на 4-ю армию, вероломно совершенное в январе 1941 г. одним из генералов гоминдана, связанным со ставленниками Ван Цзин-вея, 4-я армия не была разгромлена и быстро оправилась от внезапного удара. Назревавший конфликт между гоминданом и коммунистической партией, чреватый опаснейшими для Китая последствиями, был в первой половине 1941 г. ликвидирован благодаря усилиям коммунистической партии и передовых элементов гоминдана.

Вероломное нападение гитлеровской Германии на СССР получило свое отражение и в развитии событий на Дальнем Востоке. Япония стала еще сильнее стремиться к быстрейшему завершению войны в Китае на основе подчинения его. Между тем дальнейшее наступление японцев еще больше усиливало сопротивление национального Китая агрессору, укрепляя фронт борьбы китайского народа за независимость.

Вторая половина 1941 г., до начала тихоокеанской войны, протекала в Японии в условиях напряженной подготовки к этой войне. Но Япония

вступила в войну против Англии и Америки, все же не закончив войны в Китае. Для исхода войны на Тихом океане и национально-освободительной войны китайского народа этот факт имеет первостепенное значение.

С началом тихоокеанской войны национально-освободительная война китайского народа вступила в новую полосу своего развития. Теперь эта война сплетается с войной всех свободолюбивых народов против агрессоров. Союз Китая с Соединенными Штатами Америки и Англией, сотрудничество со всеми свободолюбивыми народами укрепили веру китайского народа в свою грядущую победу над Японией. Объединительная тенденция в рядах различных слоев китайского народа, вдохновляемых перспективой создания сильного, централизованного демократического государства, еще больше усилилась. Нельзя считать, что в Китае полностью уже покончено с угрозой внутренних конфликтов и борьбы партий и групп в лагере национального единого фронта. «Пятая колонна» в Китае еще не ликвидирована. Сторонники Ван Цзин-вэя еще имеются в порах государственных и общественных организаций свободного от оккупации Китая, точно так же как там сохранились еще и противники демократизации государственного строя. Но не подлежит никакому сомнению, что объявление Китаем 9 декабря 1941 г. официально войны Японии, а также Германии и Италии и подписание им 1 января 1942 г. декларации 26 держав о совместной борьбе до победоносного конца против гитлеровской Германии сыграли большую роль в деле консолидации всех сил национального Китая, нанесли удар по ванцинвеевцам, капитулянтам и антидемократическим элементам внутри страны.

Международное положение Китая сейчас благоприятствует его национально-освободительной войне, как никогда раньше. Китай находится на стороне прогрессивных сил мира. В войне на Тихом океане он является участником единого фронта, вместе с Англией, США, с народами Индии, Голландской Индии и других стран антигитлеровского блока. В блоке демократических держав, ведущих борьбу против фашистских агрессоров, Китай выступает как самостоятельная великая сила в отличие от первой мировой империалистической войны, когда Китай являлся лишь объектом чужих интересов.

Вступив на путь освободительной войны пять лет тому назад, Китай твердым шагом идет к победе над Японией и к объединению всей страны на основе национальной независимости и демократического государственного строя.

## КРОВАВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ НЕМЦЕВ В КЕРЧИ

Б. Вольфсон

Ранним утром 30 декабря 1941 г. перед высадившимися на Керченском полуострове десантом красных моряков развернулась страшная картина: в четырех километрах от города, в Багеровском рву, лежало семь тысяч граждан города и его окрестностей, растерзанных германскими фашистами и их приспешниками — полицейскими и шпионами. Ров на протяжении километра, шириной в четыре метра, на глубину в два метра был полон трупами женщин, детей, стариков, подростков. Возле рва были замерзшие лужи крови. Там же валялись детские палочки, игрушки, ленточки, вырванные пуговицы, перчатки, бутылочки с сосками, обрубки рук, ног и других частей тела. Все это было забрызгано кровью, мозгами. На краю рва лежит истерзанная молодая женщина. В ее предсмертных объятиях акуратно завернутый в белое кружевное одеяло грудной младенец. Рядом с нею лежат простреленные разрывными пулями 8-летняя девочка и мальчик лет 5. Их ручки вцепились в платье матери. Рядом с этой женщиной лежит труп еще одной женщины. Как бы ища спасения, в ее колени уткнулся лицом 10-летний мальчик. Вот лежит труп молодой красивой женщины лет 30. Ее руки судорожно уцепились за косы. Перед смертью в отчаянии она рвала свои роскошные волосы. Рядом с нею лежит седая старушка — очевидно, мать убитой, — обе она застыли на морозе после долгих мучений от полученных ран. Видавшие виды на фронтах отечественной войны бойцы Красной Армии были потрясены нечеловеческой жестокостью и кровожадностью немецких фашистов.

Тов. Молотов в ноте о чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах охарактеризовал злодеяния фашистов в Керчи как «одно из самых кровавых преступлений германской армии на советской земле».

За что же гитлеровские бандиты так зверски расправились с мирными жителями Керчи? За что гитлеровские негодяи расстреляли слепого 65-летнего Замлинскую я ее 2-месячного внука? За что они убили 70-летнего Александра Сазонова, 70-летнего калеку Сулеймана Ашарова, 96-летнего

Ивана Федорова, 94-летнюю Маркман Д. и много тысяч других?

Как указывает в ноте тов. Молотов, истребление мирного населения — явление не случайное, а проводится в жизнь по указанию германского командования, сверху. Истребление населения оккупированных районов является одним из основных пунктов «программы» германского фашизма. «Нужно уничтожить двадцать миллионов человек. Начиная с настоящего времени это будет одной из основных задач германской политики, задач, рассчитанных на длительный срок: остановить всеми силами плодovitость славян» — вот программная установка, данная маньяком Гитлером своим тупым и жестоким солдатам.

★

Через несколько дней после вторжения немцев в Керчь германское командование организовало городскую управу. Оно вытаскило на свет некоего Токарева, 60-летнего грязного старика, бывшего при царизме городским головой, и назначило его на эту же должность. Затем был укомплектован аппарат городской полиции — исключительно из уголовных преступников, осужденных советской властью за хулиганство, грабежи, воровство и бывших в тюремном заключении не меньше пяти лет. В управу были приглашены старый шпион, осужденный советским судом по делу Промпартии, некий Яшин, и другие негодяи. Первым шагом этой управы был приказ: жителям города сдать немецкому коменданту все продовольствие, имеющееся в каждой семье. За обнаруженное несданное продовольствие свыше «нормы» владелец подлежал расстрелу. Приказом № 2 городская управа приказала жителям немедленно зарегистрировать всех кур, петухов, уток, индеек, овец, коров, быков, телят и весь рабочий скот. Всем владельцам домашней птицы было строго запрещено пользоваться ею для своих нужд без особого разрешения немецкого коменданта. После опубликования этих приказов начались повальные обыски по всем домам и квартирам. Гестаповцы бесчинствовали. За каждый лишний килограмм фасоли или мяса негодяи расстреливали главу семьи. В городе, на базаре никакой торговли не про-

изводилось. Магазины были пусты. По улицам ходили только солдаты и гестаповцы. Мирное население попряталось, город замер.

Прибывший в Керчь со специальными полномочиями берлинского гестапо начальник отдела по истреблению мирного населения (существует такой отдел в берлинском гестапо) некий Фельдман<sup>1</sup> 24 ноября приказал всем жителям Керчи и ее окрестностей зарегистрироваться в трехдневный срок. Регистрация происходила в помещениях городской управы и гестапо по советским паспортам. Уже при самой регистрации гестаповцы грабили людей, приходивших к ним. У многих женщин регистратор снимал с рук понравившиеся ему часики.

Свои зверства немцы начали с расстрела 245 детей школьного возраста. Согласно приказу немецкого коменданта, все школьники обязаны были явиться в школу в указанный срок. Явившиеся 245 школьников с учебниками в руках были отправлены немецким директором за город, в заводскую школу, якобы на прогулку. Там озлобленным и проголодавшимся детям директор предлагал горячий кофе с пирожками, отравленный ядом. Тех детей, которым кофе не хватало, немецкий фельдшер вызвал в «амбулаторию» и смазал им верхние губы сильнодействующим ядом. Через 10—15 минут все дети младших возрастов были умерщвлены. Школьники же старших классов были вывезены на грузовиках за восемь километров от города и расстреляны из пулеметов. Туда же были впоследствии увезены и свалены отравленные дети.

28 ноября, вечером, по городу был вывешен приказ гестапо № 4, по которому жители города, зарегистрированные в гестапо, должны были 29 ноября, с 8 часов утра до 12 часов дня, явиться на Сенную площадь, имея с собой трехдневный запас продовольствия. Явиться было приказано всем, без различия пола, возраста, независимо от состояния здоровья. За неявку на площадь немцы угрожали публичным расстрелом. К 12 часам дня на Сенную площадь собралось около 5 тысяч человек: беременные женщины, юноши и девушки, дети всех возрастов и глубокие старики. Они думали, что немцы вызвали их для направления на работу в колхоз Марвенталь. Только отдельные смельчаки не явились на вызов гестапо. Всех явившихся на Сенную площадь отправили в городскую тюрьму, и здесь, в тюремном застенке, немецкие звери показали, на что они способны, когда в их власти находятся безоружные и беззащитные люди. Фашисты отобрали у всех заключенных ножи, бритвы, иголки, булавки и все железные предметы — все то, что в минуту отчаянья человек может использовать в целях самозащиты. Но этого было мало гнусным фашистским убийцам: они решили довести обреченную толпу несчаст-

ных до полного изнеможения. С этой целью они несколько дней подряд морили их жаждой, кормили соленой хамсой, не давая ни капли воды. Лишь немногие, найдя выходы у окон, ухитрялись утолять жажду снегом, добытым через решотку, а вся многотысячная толпа была осуждена на мучительную пытку.

Истребление мирного населения, обреченного в тюрьму, проводилось немцами по заранее разработанной инструкции гестапо. Всех заключенных немцы предварительно ограбили. Сначала заключенным было предложено сдать коменданту тюрьмы ключи от своих квартир с указанием точного адреса. Затем всех арестованных ограбили в самой тюрьме. Немцы отобрали у них все ценные вещи: часы, деньги, кольца, украшения и т. д.; сапоги, валенки, ботинки, костюмы, пальто — все было снято с заключенных. Красивых женщин и девочек-подростков фашистские негодяи отделяли от общей массы заключенных и заперли в отдельную камеру. Их гитлеровцы подвергли особо уточненным пыткам. Изнасиловав полуживых женщин и подростков, надругавшись над своими жертвами, негодяи отрезали им груди, вспарывали животы, отрубали руки, ноги, выкалывали глаза. Во дворе тюрьмы в первые дни изгнания немцев из Керчи нашими бойцами была обнаружена комната, где лежала груда девичьих тел, изуродованных фашистами. Молодые девушки были до того дико и цинично истерзаны, что фотограф не решился наводить аппарат на это страшное зрелище. В тюрьме, в специальных камерах пыток, немецкие палачи подвергали людей всевозможным мучениям. Заключенным ломали руки, ноги, вспарывали животы и т. д. Однако и этого немецким фашистам было недостаточно: они оборудовали сарайчик, в котором содержали немецких овчарок, моря их голодом. В сарай фашисты вталкивали несчастных обреченных, которых свирепые и голодные собаки тут же загрызали. Местом казни керчан гитлеровцы избрали противотанковый ров, вырытый осенью прошлого года в четырех километрах от города. Первыми вывозили на расстрел измученных и изуродованных женщин с грудными детьми и стариков. Они еле передвигались от слабости, многие из них падали в обморок. Здоровых мужчин, юношей и людей с крепким телосложением фашисты оставили на последнюю очередь.

Уничтожив мирное население в городе, фашисты приступили к истреблению населения колхозов, совхозов, рабочих поселков. В поселке Самострой № 1, находящемся в 12 км от Керчи, бандиты расстреляли свыше 400 человек, в районах Камыш-Буруна, Рудстрога и ГРЭС — несколько сот человек, в небольшом поселке Еня-Кале, Аджмушкае, Старом Караване и других населенных пунктах фашисты замучили несколько тысяч человек. В поселке Старый Карантин, где не было тюрьмы, немецкие бандиты уничтожали людей в их собственных квартирах. 25 ноября немецкие банди-

<sup>1</sup> Как установлено, Фельдман прибыл из Берлина со специальным заданием из гестапо — организовать массовое истребление населения Керченского полуострова.

ты подложили противотанковую мину под дом, в котором проживала семья колхозника Остапенко. Обитатели дома об этом не были предупреждены. В 2 часа дня дом взлетел на воздух, а под его обломками были заживо погребены: Остапенко Емельян Яковлевич, 50 лет, его жена Екатерина Алексимовна, 49 лет, и их внучата: Анна, 3 лет, и Миша, 8 лет. Таким способом фашисты уничтожили свыше 40 семей; фашисты расстреляли учительницу средней школы Александру Николаевну Зиниченко только за то, что она отказалась служить переводчицей у немцев, осмысляя на плохое знание немецкого языка.

Фашисты истребляли всех: русских, евреев, украинцев, татар, караимов, крымчаков и греков. Евреев истребляли с особым ожесточением, подвергая особо унижительным и зверским пыткам перед казнью. Возле станции Семь Колодезей на двух высотках было обнаружено свыше 360 расстрелянных керчан, которых немцы первоначально пытались увести с собой. Вся дорога от Керчи до Феодосии и дальше была усыяна трупами жителей города и районов.

★

Из 7-тысячной массы расстрелянных людей случайно уцелело несколько десятков человек. Автору этих строк удалось отыскать некоторых из них и побеседовать с ними. Привожу несколько небольших отрывков из рассказов этих людей.

Рабочий рыбзавода И. С. Вайнгардт, которому удалось выбраться из могилы, рассказывает: «Не доезжая Багерovo, перед противотанковым рвом машина стала. Фашисты велели нам выходить. У машины нас ждали трое полицейских и 8—9 немцев с автоматами. Они окружили нас и погнав в направлении рва. Когда подошли ближе, мы увидели полный ров убитых людей. Началось страшное. Женщины стали кричать, прижимать к себе детей, умолять палачей не трогать крошек, но немцы стали их бить прикладами и загонять в ров. Фашисты загонят человек пять, расстреляют, а остальные ждут своей очереди. Мы с женой отошли немного в сторону. Жена говорит мне: давай попросимся. Мы обнялись и обнявшись вошли в ров, под расстрел. Раздалась выстрелы — и мы упали. Чувствую, что одна пуля попала мне в руку, другая в бок. Боли не чувствовал, но кровь крепко лалась. Жене пули попали в голову. Потом чувствовал, что фашисты начали засыпать нас землей и утаптывать ногами. Тут я потерял сознание».

Вот отрывок из рассказа тов. Ярового Митрофана Игнатьевича, 42 лет, рабочего совхоза Мариенталь: «Часов в 8 утра из камеры немцы вывели 10 человек арестованных, минут через 10—15 еще 20 человек, через полчаса — еще 20. Нас в камере осталось 12. Через полчаса немцы вывели нас, оставшихся, вывели во двор, велели нам отвести руки назад. Выстроили нас по 3 человека, к нашей группе приваля из другой камеры 10 евреев и подвели к машине. Нас повезли в Багерovo. Немцы

нас предупредили, что кто оглянется назад, тому без предупреждения пуля в лоб. Вслед за нашим грузовиком шла машина с коновоем автоматчиков. Привезли нас немцы к противотанковому рву, остановили машину на шоссе и потянули на место казни. Фашисты поставили нас лицом, ко рву для того, чтобы расстреливать в затылок. Когда им была подана команда стрелять, я потерял сознание и упал в ров. Сколько времени я был без памяти, не знаю. Но когда я пришел в себя, лежа во рву под трупами, я слышал крики женщин и детей, которых фашисты привозили ко рву и так же расстреливали, как нас. К вечеру стало тихо. Это немцы уехали обедать».

Следующий отрывок из рассказа Софии Лифшиц нельзя читать без глубокого волнения: «1 декабря с утра комендант тюрьмы вызвал меня, детей и мужа в коридор. Там он отобрал у нас вещи, ключи от квартиры, записал наш адрес и посадил в грузовую машину. Когда в грузовике набралось 20 человек, немцы повезли нас к противотанковому Багеровскому рву. Как только машина подъехала туда, полиция стала стягивать нас с грузовика: кого за руки, кого за ноги. Меня фашисты тоже стянули с машины. Я упала на землю и стала умолять полицейского со слезами, чтобы он отпустил моих детей. Но он стал гнать меня за толпой ко рву. В это время прибежал второй полицейский и стал снимать с меня пальто. Я ему говорю: «Зачем с меня снимаешь пальто? На что оно тебе? Тысячу лет жить не будешь». В ответ на эту реплику полицейский сильно ударил меня резиновой палкой по голове. У меня потемнело в глазах, и я свалилась в ров, потеряв сознание. Дети, которые были возле меня, держась за мою юбку, тоже свалились со мною в ров. Когда немцы стали раздевать моего мужа, он стал кричать «Караул!» и отбиваться от них. Ему удалось вырваться от этих бандитов и прибежать ко мне и детям. За ним гнались полицейские и били его резиновыми палками по голове. Одежда на нем была изорвана. Весь он был в крови. Стоя возле меня, он кричал: «Деточки мои, куда вы идете? Куда вас ведут? Вот вам дорога, бегите и спасайтесь!..» В это время я вторично потеряла сознание. Затем я очнулась, стала грызть снег. Лежала я долго. Все время я слышала крики расстреливаемых женщин, плач детей. Одна девочка все кричала: «Ой, дядя, за что вы меня бьете!» После расстрела каждой группы немцы подходили ко рву и достреливали маленьких детей, которые были еще живы. Я лежала на снегу вверх спиной, не шевелясь. Вдруг я услышала выстрел и почувствовала острую боль в ногах. Меня ранило в икры обеих ног. Я закусила губы и не дрогнула. Когда стемнело, я почувствовала, что меня засыпают землей. Я стала задыхаться и тогда осторожно и тихо освободила голову. Я увидела, что уже ночь и светит луна. Когда почувствовала, что замерзаю окорчатилью, я вылезла из-под земли, но мои раненые ноги меня плохо слушались. Я подползла к де-

тям. Абраша мой лежал с открытыми глазами. Я думала, что он живой, и стала шопотом звать его: «Абраша, Абраша!», — но он не отвечал мне. Абраша и Мариш были мертвы. Деткам моим фашисты прострелили головы. Чтобы согреться, я сняла с Абраши пальто, надела его на себя, поцеловала детей и пошла, не зная куда.

У рва и в самом рву ежеминутно происходили сцены одна трагичнее другой. Дети прощались с родителями, мужа — с женами. Вот что рассказывает 20-летний Анатолий Игнатьевич Болдженко, ныне боец Красной Армии, которому посчастливилось выбраться невредимым из немецкого рва смерти: «Когда нас подвели к противотанковому рву и выстроили возле этой ужасной могилы, мы еще думали, что нас привезли сюда для того, чтобы засыпать ров землей и закопать трупы. Я даже думал, что полицейский скоро даст нам лопаты. Мы не верили, что нас расстреляют. За что? Но когда раздались выстрелы из наведенных на нас автоматов, то я понял, что расстреливают нас. Я моментально кинулся в яму и притаился между двумя трупами. Так, невредимым, в полуобморочном состоянии, я пролежал долго, почти до вечера. Лежа в яме, я слышал, как некоторые раненые кричали жандармам, достреляющим живых: «Добей и меня, мерзавец!», «Ох, ле попал, негодяй, еще бей!» Затем, когда немцы уехали на обед, один наш односельчанин из ямы крикнул: «Подымайтесь, русские, кто живой!» Я встал, и вдвоем мы стали раскидывать трупы и вытаскивать живых. Я был весь в крови. Над рвом стоял легкий туман или пар от остывающей теллой груди тел, дышания умирающих и пролитой крови. Мы вытащили Науменко Федора и моего отца, но отец был убит наповал разрывной пулей в сердце. Поздней ночью я добрался к своим знакомым в деревню Батерово и там дождался прихода Красной Армии. Наднях я ухажу в Красную Армию, куда меня призывает военкомат. Там, на фронте, я отплачу немцам за все, за моего отца, за родных, за соседей и за всех».

Вот отрывки из рассказа 18-летнего татарина Ибрагима Газиева: «Пролежал я так во рву часа 3—4. В это время привозили еще несколько машин с людьми, которых также немцы расстреляли. Там были мужчины, были женщины с маленькими, даже грудными детьми. В перерыве между отходом одной машины и приходом другой

я слышал, как один палач говорил другому: «О! Вон баб везут, сейчас будет свадьба!» Вскоре действительно к яме подошли машины с женщинами. Они стали кричать, плакать, держат ребят на руках и не пускают их к яме, а немцы стали хватать детей, кидать в яму и расстреливать».

Кто назовет нам зверя, свирепее гитлеровского бандита?! Такого зверя в природе нет. Какле бешеные суки вскормили этих двуногих зверей? Что это за скоты, которые наслаждаются и утешаются смертью тысяч беззащитных женщин и детей?

Неугасима ненависть каждого честного человека к этим кровопийцам; ответом на кровавые зверства этого отребья человечества может быть только их бесщадное истребление. Мы никогда не забудем и не простим этим людоедам моря крови, пролитой ими в Керчи<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Небезынтересна судьба предателей, выслужившихся у германских фашистов своими зверствами в Керчи. 29 декабря, вечером, в связи с наступлением наших доблестных частей на Керчь, немецкий комендант города любезно предоставил для полицейских и их вещей грузовую машину и одну легковую для «господина городского головы» Токарева и его близких для срочного выезда из Керчи.

Всем предателям уместиться в одном грузовике нельзя было. Многие тащились пешком вслед за машиной. Но долго идти им не пришлось: в 7 км от Керчи их нагнал немецкий комендант и предложил немедленно освободить грузовик для раненых немцев, а легковую машину «господина Токарева» очистить для господ офицеров. Прибывшие на грузовике 24 негодяя вместе с подошедшими 97 предателями, по приказанию немецкого коменданта, были завлечены в балку и все, до единого, расстреляны из пулеметов. Очевидно, боясь разоблачений, немцы решили от них избавиться. Предатель Токарев и его ближайшие друзья, увидя, какую расправу учинили немцы над своими лакеями, предпочли бежать от них, оставив свои чемоданы в машине. Токарев вернулся в Керчь. Двое суток он прятался у соседки под кроватью. На третьи сутки пионеры, увидев во дворе кровавого изменника, сообщили об этом милиции. В тот же день он был водворен в тюрьму, а позднее судим со всей бандой керченских негодяев. Все они понесли заслуженную кару.

## ЗАЭЛЬБСКИЕ СЛАВЯНЕ В БОРЬБЕ С НЕМЕЦКОЙ АГРЕССИЕЙ В X—XII ВВ.

Н. Грацианский

Пытаясь представить старинный немецкий «натиск на Восток» — «*Drang nach Osten*» — как борьбу высшей «культурной» немецкой расы против «некультурного» варварства, современные немецкие фашисты утверждают, что заэльбские славяне накануне немецкой агрессии не умели даже как следует пахать землю и что именно немцы научили их правильным приемам земледелия, торговле, государственной жизни и вообще всему высокому немецкому «благоправитю» (*Gesittung*). Немцы, по утверждению фашистов, несли за Эльбу «мир и охрану». Защищая восточную границу, они якобы защищали высшую цивилизацию от нашей. Здесь, говорит один из фашистов, они воздвигли оплот, который, подобно римскому валу, будто бы ограждал западную культуру от поглощения ее варварством. Этому намеренному извращению фактов необходимо противопоставить истинную историю «натиска на Восток». Необходимо, во-первых, выявить истинный культурный уровень заэльбских славян накануне немецкого завоевания; во-вторых, необходимо показать, что это завоевание не насаждало, а разрушало культуру и сопровождалось кровавыми опустошениями славянского края.

Заэльбские славяне, о которых у нас будет идти речь, принадлежат к группе западных славян, к той же группе, к которой относятся чехи и поляки. Жили они на южном побережье Балтийского моря и прилегающих островах — приблизительно между Эльбой (Лабой) и ее притоком Салой, с одной стороны, и нижним течением Вислы — с другой. На юге граница этой территории соприкасалась с Чехией, на юговостоке — с Польшей. Здесь жили четыре группы заэльбских славян: сербы-лужичане (или лужицкие сербы) между Салой и притоком Одера — Бобром; ободри-ты и лютиты — севернее по Эльбе, а также между Эльбой и Одером; наконец за Одером до Вислы жили славяне-поморяне.

Славянский край представлял собой обширную равнину со множеством лесов, а также множеством рек, озер, заводей и морских заливов. Это был богатый край, густо населенный, изобиловавший всякими естественными благами и славившийся плодородной, хотя местами заболоченной поч-

вою. Писатель XI в. Адам Бременский говорит о славянской территории, что она густо населена и чрезвычайно обильна всякими плодами — *frugibus opulentissima*<sup>1</sup>. Писатель XII в. Гельмольд называет славянскую землю «землею обширною, богатою хлебом и тучными пастбищами, обильною рыбой, мясом и всякими благами». Специально об о. Руяне тот же Гельмольд говорит, что он «изобилует плодами, рыбой и дикими зверями»<sup>2</sup>. Особенно подробно и восторженно говорят о богатствах славянской территории немецкие миссионеры, посетившие в первой половине XII в. славянское Поморье и оставившие «жития» главного деятеля поморской миссии — Оттона Бамбергского. «Там, — повествует одно «житие» о Поморье, — невероятное изобилие рыбы в море, а также в пресных водах, озерах, прудах»<sup>3</sup>. На денарий (мелкая серебряная монета) можно купить целый воз жирных свежих сельдей. «Вся страна изобилует множеством дичи — оленей, диких быков и коз, медведей, вепрей, свиней и (иных) всяких зверей. (Там множество) масла от коров, молока от овец, жира от баранов и козлов; (там) обилие меда, пшеницы, конопля, мака, всякого рода овощей... и фруктовых деревьев»<sup>4</sup>. «Страши эта, — читаем мы в другом месте того же «жития», — дает жителям великое множество рыбы и диких зверей; она изобилует зерном, овощами и семенами. Нигде не найти больше меда, нигде нет более тучных пастбищ, лугов... Меды их и пиво, типично приготовленные, превосходят фалернские вина»<sup>5</sup>.

\* Переработанный доклад, прочитанный автором на научной сессии кафедр МГУ и Цединститута им. Либкнехта совместно с Институтом истории Академии наук СССР.

<sup>1</sup> *Adami Gesta Hammaburg (Adami Gesta). eccl. pontificum*, II, 18.

<sup>2</sup> *Helmoldus «Chronica Slavorum»*, II, 12.

<sup>3</sup> *Harbordus «Dialogus de vita Ottonis»*, II, 41.

<sup>4</sup> *Ibidem*.

<sup>5</sup> *Ibidem*, II, 1.

Из всех этих описаний богатств славянского края явствует, что заэльбские славяне усилению занимались земледелием и что земледельческая культура стояла у них на относительно высоком уровне, не уступая в этом отношении земледельческой культуре тогдашних немцев. Данные языка свидетельствуют о том, что уже в X в. западные славяне знали и практиковали трехполье. Слова «озимь», «ярина» — старые славянские слова. Землю они обрабатывали легкой сохой с железным лемехом (раляшником), именовавшейся у западных славян радлом. В эту соху впрягалась одна лошадь или пара быков. Взорные утверждения фашистов, что славяне не умели пахать землю, основаны главным образом на том, что славяне не знали тяжелого плуга с запряжкой в несколько пар волов, распространенного в Центральной Европе. Но употребление легкой сохи, а не тяжелого плуга объясняется природными условиями славянского края, где приходилось пахать землю по лесным полянам (часто среди пней) и нешироким речным долинам и где, следовательно, тяжелый плуг с его многоволоковой запряжкой применить было трудно и даже невозможно. Легкая соха была наилучшим орудием обработки почвы в природных условиях жизни заэльбских славян, подобно тому как она была наилучшим орудием обработки почвы в Московско-Суздальской Руси, обильной лесами, реками и болотами. Если же немцы ввели позднее за Эльбой тяжелый плуг, то это потому, что с течением времени природные условия заэльбского края изменились: уменьшились и исчезли леса, высохли топи и болота. Словом, употребление славянами сохи никак не есть, вопреки утверждениям фашистов, признак низкого состояния земледелия за Эльбой. Зная трехполье, славяне знали, как свидетельствуют о том немецкие миссионеры, технические культуры — сеяли коноплю, лен, мак; они практиковали также огородничество и садоводство. Как видно из сообщений немецких миссионеров о Поморье, у славян было также развито скотоводство. Разводился крупный скот (быки, коровы, кони) и мелкий (овцы и козы). Особенно славились рослые и выносливые поморские кони, вскармливаемые на тучных пастбищах Поморья<sup>1</sup>.

Жили славяне рассеянными деревнями; каждая из таких деревень представляла собой поселение кровного союза — большой семьи. Несколько семей-деревень группировались вокруг крепости, или городища, куда население укрывалось в минуты опасности. Городища эти окружались валами и тыном, а также рвами, наполненными водой. Наряду с такими малыми городищами были крупные — военные и религиозные центры целых племен и даже союзов племен. Таков Бранибор на притоке Эльбы — Гавеле, — центр племени гаволян, совершенно неприступный из-за окружающих болот в летнее время. Такова знаменитая Ретра в земле ратарей — центр объединения четырех племен воинственных лю-

тичей — обиталище бога Сварожича. Это «седалище идолослужения», по Адаму Бременскому, имело девять ворот и со всех сторон окружено было озером<sup>2</sup>. Такова Аркона на о. Руяны, расположенная на высокой скале, с ее храмом почитаемого во всей славянской земле бога Святовита. Такова Кореница — тоже на о. Руяны, — местопребывание семируккого Руявита. У моря, при больших заливах и на морских островах были расположены настоящие торговые города славян с многочисленным постоянным населением в них. Еще в начале IX в. славился своей торговлей Рерик в земле ободритов (недалеко от Висмара). Адам Бременский оставил восторженное описание города Воляни на острове в устье Одера, называемого также Юмной, Винетой. Эта nobilissima civitas, по Адаму, «величайший из городов Европы», куда съезжались купцы из христианских и языческих стран, в частности из русских земель и из Саксонии. Там каждый чувствовал себя в безопасности. Там было обилие всех северных товаров<sup>3</sup>. Это описание Адама Бременского, без сомнения, преувеличено, но все же оно определенно свидетельствует о большом торговом значении Воляни на Балтийском море. Из других торговых городов заэльбских славян следует назвать Старград у вагров, Микелин у ободритов, Дымин и Велегош у лютичей, Штеттин, Камину, Колобрег, Белград в Поморье. Про Штеттин — эту «матерь городов» Поморья — немецкие миссионеры говорят, что там проживало 900 больших семей<sup>4</sup>. Эти же миссионеры свидетельствуют о наличии в славянских городах улиц, площадей, помостов, храмов и иных больших зданий. Жители этих городов, а также жители о. Руяны наряду с торговлей практиковали пиратство, причем особенно прославились своими морскими экспедициями руяне, доходившие до берегов Англии. Торговали славяне со Швецией, Данией, Русью и всем побережьем Балтийского моря. Предметами вывоза в славянской торговле были соль, хлеб, рыба, невольнички. Немецкие миссионеры, поселившиеся в первой половине XII в. Колобрег в зимнее время, нашли его совсем опустевшим, «так как почти все его жители... отплыли в море, на острова для торговли»<sup>5</sup>.

Наряду с торговлей заэльбские славяне знали промышленность. На первом месте надо в данном случае поставить солеварение, центром которого был уже упомянутый Колобрег. Отсюда соль шла на север, в частности на Русь и в Польшу. Славяне знали также изготовление сукон, полотна, выделку кож, гончарное дело, ювелирное дело. Славяне умели искусно наводить мосты через реки (я их услугами пользовались в данном случае немцы); они были хорошими плотниками. С особенной тщательностью и любовью строили и отделяли славяне свои храмы. Титмар

<sup>2</sup> Adami Gesta, II, 18.

<sup>3</sup> Ibidem, II, 19.

<sup>4</sup> Herbordus. Op. cit., II, 25.

<sup>5</sup> Ibidem, II, 39.

<sup>1</sup> Herbordus. Op. cit., II, 23.

Мерсбургский, описывая храм Сварожича в Ретре, говорит, что он был художественно выстроен из дерева и что с внешней стороны его стены были украшены разными изображениями богов и богинь — *mirificis insculptae*, — удивительным образом вырезанными по дереву<sup>1</sup>. Немецкие миссионеры, описывая святилища — так называемые «контини» в Штеттине в Поморье, — говорят, что одна из них была построена с удивительным искусством: ее стены изнутри и извне были украшены резными изображениями людей, птиц и зверей, представлявшими столь естественно и верно, что казалось, будто они живут и дышат». Изображения эти были раскрашены, и краски отличались такой устойчивостью, что ни снег, ни дождь не могли попортить или смыть их<sup>2</sup>. Саксон Грамматик (XII в.) говорит о художественной отделке святилища в Арконе и храма Руявита в Коренице (на Руяне).

Немецкие писатели, описывая славянский край, в один голос говорят о богатстве и изобилии этого края. Гельмольд замечает о руянах, что у них совсем не найти нищих<sup>3</sup>. То же немецкие миссионеры сообщают о Поморье<sup>4</sup>. Естественно, что богатства заэльбской территории возбуждали жадность немецких феодалов, и недаром к славянской земле они применяли библейское описание изобиловавшей всеми благами земли обетованной.

Из всего сказанного следует, что не может, конечно, быть и речи о некультурности славянина за Эльбой. Но, в то время как у славян феодальный строй только еще зарождался (с разложением родового быта), у немцев он в основном уже сложился. Это давало немцам большие преимущества в политических и военных отношениях. Они были более сплочены и организованы. У них было профессиональное конное рыцарское войско, организованное на началах левной системы, и с этим войском трудно было бороться славянской пехоте. Из описания битв славян с немцами видно, что перевес немцам сплошь и рядом давала именно их тяжелая, павильрная конница.

Все же славяне около двух с половиной столетий противостояли немецкой агрессии и, переходя в наступление, неоднократно наносили кровавые поражения немцам. Они брали немецкие города и уничтожали немецкие полчища в открытом поле. Об этих поражениях немецкие хроники не любят распространяться и говорят о них только мимоходом. Например лишь в нескольких словах упоминает историк ободритов Виддукинд о поголовном истреблении ободритами в начале правления Оттона I целого немецкого войска вместе с вождем его Гайолом<sup>5</sup>. Некоторые славянские племена сопротивлялись (в X в.) всей силой

немецких императоров саксонской династии, Таковы воинственные ратаре, жившие к югу от р. Пены. Сам Оттон I, усмиривший герцогов в Германии, наложивший руку на Италию, одержавший решительную победу над мадьярами, в период расцвета своего могущества ничего не мог поделать с ратарами, попрежнему не признававшими его власти. Озлобленный упорным сопротивлением этого отважного племени, Оттон предписывал своим военачальникам принять против него самые жестокие меры. «Вы знаете, — писал император, — как часто нарушали они клятву, сколько учинили обид. Никак поэтому не заключайте с ними мира... Поднимитесь на них со всеми своими силами и уничтожением их положите конец этому делу. Мы сами пойдем на них, если будет необходимо»<sup>6</sup>. Виддукинд сообщает, что, обсудив письмо Оттона I в народном собрании, саксонские князья все же решили держать с ратарами мир, так как была война с датчанами и «недоставало войска, чтобы вести две войны одновременно». С конца X в. почти весь славянский край прогнал от себя немцев и фактически освободился от их власти. Славяне большими массами стали вторгаться в Саксонию, и немцы с большим трудом отстаивали свою территорию. В 1055 г. лютичи ворвались в Саксонию и одержали блестящую победу над немцами: множество немцев было убито и взято в плен. В следующем году император Генрих III снарядил большое войско в славянскую землю. Лютичи загнали это войско в болотистую местность в углу, образуемом впадением Гавелы в Эльбу, и нанесли ему страшное поражение. В битве погибли сам маркграф Старой марки Вильгельм и два графа со множеством воинов. Те, кому удалось уйти от славянского меча, утонули в Гавеле и Эльбе<sup>7</sup>. Рассказывают, что император Генрих III умер от огорчения, узнав об этом поражении. В последней трети XI в. ободритский князь Крутой, воспользовавшись смутами в Саксонии, отодвинул границы своего княжества до устьев Эльбы и в течение 30 лет наводил ужас на немцев. Он захватил Нордальбингию (теперешнюю Западную Голштинию), наложил «тяжелое иго рабства» на покоренных немцев и два раза брал Гамбург<sup>8</sup>. В 1147 г. славяне отбили огромное ополчение немецких феодалов, двинувшихся в крестовый поход за Эльбу. Ободритский князь Никлот, узнав о сборах крестового войска, первый дерзнул в наступление и опустошил землю вагров (Восточная Голштиния), истребив и захватив в плен осевших здесь немецких поселенцев. В частности Никлот сжег Любек со всеми стоявшими в любекской гавани кораблями, причем захваченный в пьяном виде экипаж этих кораблей не оказал славянам никакого сопротивления. Когда в славянский край

<sup>1</sup> Thietmari «Chronicon», VI, 17.

<sup>2</sup> Herboldus. Op. cit., II, 32.

<sup>3</sup> Helmoldus. Op. cit., II, 12.

<sup>4</sup> Herboldus. Op. cit., II, 7.

<sup>5</sup> Widukindus «Res gestae Saxonicae», II, 20.

<sup>6</sup> Ibidem, III, 70.

<sup>7</sup> Bertholdi. Chronicon 1056. Lambertii Annales, anno 1056. Ann. Hildesheim. 1056.

<sup>8</sup> Helmoldus. Op. cit., I, 25, 26; ср. Adami Gesta, III, 63.

вторглись немецкие крепостцы, подкрепленные датчанами, чехами и поляками, славяне заперлись в крепостях. Немцы не могли взять эти крепости и помешать осажденным делать успешные вылазки. Тем временем славянские мореходы с о. Руяны нанесли урон вражеским кораблям, стоявшим у побережья. Все это охладило пыл крепостцев, и они ушли восвояси, удовлетвоваввшись тем, что славяне изъявили им лишь видимую покорность<sup>1</sup>.

Ободритский князь Никлот до самой своей смерти геройски сражался с немцами. После смерти Никлота борьбу с немцами продолжал его сын Прибыслав, бравший немецкие крепости в славянской земле и не раз наносивший поражение немцам. Немцы несмотря на все свои усилия никак не могли справиться с славянами и, лишь привлекая на свою сторону славянскую знать, через нее стали утверждать свое влияние в славянском крае. Народ, однако, долго и упорно боролся против немцев и противостоял онемечению: еще в XVIII в. славянская речь звучала на обоих берегах Эльбы.



Что же несли завоеватели-немцы в богатый и вольный славянский край с его своеобразным культурным укладом? Как повлияла немецкая агрессия на весь строй жизни заэльбского славянина? Уже с самого начала (с X в.) эта агрессия ознаменовалась злодейскими жестокостями немцев по отношению к славянам. Генрих Птицелов после 20-дневной осады города сербского племени промочей — Ганы — перебил все укrywшееся в пеще взрослое население, а детей обратил в рабство<sup>2</sup>. За этим актом вопиющего злодейства немцев в славянской земле последовало множество других, ему подобных. Тот же Генрих на славянской границе, около Мерзбургга, селил всяких злодеев, избавляя их от уголовных наказаний, с условием беспощадной борьбы с славянами, по отношению к которым все считалось дозволенным<sup>3</sup>. Саксонские короли первые стали практиковать варварские убийства и увечья славянских пленников. Тот же Птицелов убил 800 славян, попавших к нему в плен в битве при Ленцине (929)<sup>4</sup>. То же проделал с 700 славянскими пленниками, взятыми в битве при Раксе (955), прославленный фашистами Оттон I. А у одного из пленников — советника убитого в сражении славянского князя Стойпнева — Оттон велел выколоть глаза, вырвать язык и в таком виде бросить среди убитых<sup>5</sup>. Позднее известный немецкий хищник — Генрих Лев — в слепой ярости против славян велел повесить перед осажденной им крепостью славянского князя Братислава. Другой хищник — Гуцельн, — чтобы держать в страхе покоренных ободритов Зверинской области, приказывал вешать сла-

вян, если их встречали не на дорогах и если они не представляли удовлетворительного объяснения причин своего пребывания в данном месте<sup>6</sup>. С кровавыми жестокостями немцы соединяли самое подлое вероломство. Прославляемый немцами разбойник маркиграф Герон пригласил к себе однажды на пир 30 славянских князей и во время пира всех их умертвил<sup>7</sup>. Это было неслыханным нарушением правил гостеприимства, которое свято чтит славяне, и она ответили на это общим восстанием. Все эти злодейства, конечно, ожесточали славян, вызывая ответные с их стороны меры.

Там, где нельзя было взять силой, немцы действовали подкупом, пытаясь найти среди славян изменников и предателей. К чести славян, надо сказать, что таковые являлись исключением, и мы знаем, собственно, одного лишь изменника — взятого в плен немцами Тугомира, которому принадлежало право на княжескую власть у гавелов. Подкупленный немцами, он притворно бежал из немецкого плена домой и, признанный своим племенем как князь, предал Оттону крепость Браннбор, незадолго перед тем отвоеванную славянами у немцев<sup>8</sup>.

Само собой разумеется, что немецкие феодалы думали не о насаждении культуры за Эльбой, а исключительно о добыче: они захватывали у славян плодородные земли и обременяли покоренных непосильной данью. О жадности и вымогательствах саксонских князей, властвовавших над славянами, единогласно свидетельствуют хроники того времени. Гельмольд клеймит ненасытную алчность (*insatiabilis avaritia*) саксов, «более склонных умножать дани, нежели приобретать для Господа души»<sup>9</sup>, т. е. обращать их в христианство. По словам Адама Бременского, славяне легко могли бы быть обращены в христианство, «если бы этому не мешала жадность саксов», которые «сначала расстроили христианскую веру в славянской земле алчностью, а потом вынудили покоренных к восстанию жестокостью; теперь же пренебрегают спасением тех, кои хотели бы пребывать в вере, только ради вымогательства денег»<sup>10</sup>.

Очень хорошо охарактеризовал (в половине XII в.) хищническую политику немецких феодалов в славянской земле князь Вагрий Прибыслав. На увещание немецкого епископа обратиться в христианство Прибыслав сказал: «Поставленные над нами (немецкие) князья так жестоко с нами обращаются, что из-за поборов (*vectigalia*) и тяжчайшего рабства лучше бы нам не жить, а умереть». С небольшой территории Вагрий (Восточная Голштиния) герцог (речь идет о Генрихе Лье) взял, по словам Прибыслава, в течение года тысячу марок, да еще граф (Голштинин) — сто. Но и этого

<sup>1</sup> Helmoldus. Op. cit., 63.

<sup>2</sup> Widukindus. Op. cit., I, 35.

<sup>3</sup> Ibidem, II, 3.

<sup>4</sup> Ibidem, I, 36.

<sup>5</sup> Ibidem, III, 55.

<sup>6</sup> Helmoldus. Op. cit., II, 14.

<sup>7</sup> Widukindus. Op. cit., II, 20.

<sup>8</sup> Ibidem, I, 21.

<sup>9</sup> Helmoldus. Op. cit., I, 22.

<sup>10</sup> Adamus. Op. cit., III, 22.

было мало немецким хищникам: они ежедневно утесняли жителей до полного истощения (*usque ad exanationem*). «Что нам остается, — заявил Прибыслав, — кроме как броситься в море и жить с морскими пучинами»<sup>1</sup>.

Насилия немцев действительно заставляли многих славян «бросаться в море» и менять мирные занятия земледелием на вольное ремесло пирата. Многие, спасаясь от немцев, уходили в дремучие леса, оставляя свои насиженные места, свои пащи. Гельмольд говорит о подвижности славянского населения (*omne hoc hominum genus vagum semper et mobile*) и о том, что славяне строят плетневые хижины, которые не жалко было бы покинуть в случае надобности<sup>2</sup>. Все это результат войны и немецких насилий. Все это является симптомом понижения культуры в связи с разорением богатого славянского края. Прямой насмешкой над исторической действительностью звучат поэтому уверения фашистов о том, что немцы несли за Эльбу культуру, мир и охрану.

Со времени Оттона I славянам стали навязывать христианство, которое будто бы просвещало язычников и несло им высокую западноевропейскую культуру. Однако хорошо известно, что христианство, навязываемое насильно заальбским славянам, совсем не имело здесь прогрессивного значения. У южных и восточных славян принятие христианства, как известно, знаменовало собой начало письменности на родном языке и, следовательно, давало толчок развитию национальной культуры. Ничего подобного не наблюдалось у славян за Эльбой. Здесь христианство, проповедуемое на чужом языке, наоборот, подавляло местную культуру и являлось радикальным средством онемечения и притом онемечения не в смысле приобщения к христианско-немецкой культуре, а в смысле подавления всякого сопротивления иноземным завоевателям. Немцы никогда и не помышляли о том, чтобы дать равноправие славянам-христианам, которые наравне с язычниками одинаково страдали от немецкого рабства. Когда немецкий епископ в ответ на сетования вагского князя Прибыслава, жаловавшегося на утеснения немцев, объяснял эти утеснения язычеством славян и советовал им креститься, Прибыслав с горечью заметил: «Дайте нам права саксов в отношении наших земель и наших доходов, и мы охотно будем христианами, построим церкви и будем уплачивать десятины»<sup>3</sup>.

Но немцы как раз равноправия славянам и не дали. Христианизация была средством чисто политическим, орудием и символом самого невыносимого рабства и была ненавистна славянам, как результат тяжелого немецкого ига. Вот почему все восстания славян против немцев шли под знаком борьбы с христианством, под знаком восстановления язычества. По словам Гельмольда, славяне предпочитали лучше погиб-

нуть, чем быть христианами и платить подати саксам<sup>4</sup>. Духовенство сплошь было немецкое (славяне не допускались в его ряды), и для него проповедь евангелия была просто средством вымогательства и обогащения. Славянский правитель города Гавельберга (на р. Гавеле), оправдывая поведение жителей, отрекшихся от христианства и торжественно справлявших праздник Яровита, говорил Оттону Бамбергскому, что их довел до этого своими утеснениями местный епископ; никто поэтому не желает слышать от него проповеди евангелия: «Все лучше готовы умереть, чем выносить иго такого рабства»<sup>5</sup>. Об епископах старградских, которым подчинены были ободриты, Гельмольд говорит, что «щедротами великого государя Оттона они наделены были избытком благ земных», именно, получили в славянской земле обширные поместья, дворцы, города и кроме того собирали со всей земли ободритов дань (*tributum*), платимую взамен десятины, именно: «с каждой сохи по мере зерна, 40 пучков льна и 12 полновесных серебряных монет, да еще по монете в пользу сборщика». «А в славянскую соху, — поясняет Гельмольд, — впрягается пара волов или один конь»<sup>6</sup>. Итак, с земли, обрабатываемой парой волов или одним конем, славянин должен был платить целых 13 серебряных монет, да еще меру зерна и 40 пучков льна. Это была, конечно, тяжелая дань, и она означала, что славянское население, в сущности, работало на немцев. И все эти насилия и вымогательства проводились под флагом христианства.

Представление о «культурности» немца и «некультурности» славянина имеет очень почтенную давность: оно ведет свое начало от свящ. Гельмольда, писавшего свою «Славянскую хроникку» — «*Chronica Slavorum*» — в XII веке. Будучи проникнут библейскими традициями, Гельмольд полагал, что язычник неспособен ни на что хорошее. Язычники в глазах Гельмольда — *natio prava atque perversa* (народ злой и испорченный), кто бы они ни были, и поэтому Гельмольд считал себя вправе целиком переносить характеристику саксов-язычников, данную писателем X в. Видукиндом, на язычников-славян своего времени. Не раз уже отмечалось, что у христианских писателей раннего средневековья выработалось своего рода шаблонное представление о язычниках, у которых не могло быть никакой культуры: культура, с их точки зрения, давалась только христианством вместе с моральным перерождением человека. В немецкой историографии долго повторялась эта «библейская» точка зрения Гельмольда; повторяют ее и современные немецкие фашисты. Историческая наука давно развеяла миф о некультурности язычников вообще и заальбского славянина-язычника в частности. Немецкие писатели, и в том числе сам Гельмольд, когда они забывают свое шаблонное представле-

<sup>1</sup> Helmoldus Op. cit., I, 83.

<sup>2</sup> Ibidem, I, 2.

<sup>3</sup> Ibidem, I, 83.

<sup>4</sup> Ibidem, I, 25.

<sup>5</sup> Ebbonis «Vita Ottonis», III, 3.

<sup>6</sup> Helmoldus Op. cit., I, 12.

ние об язычнице, а попросту шутят о славянах, отмечают в их характере много хороших черт в связи с патриархальным укладом их жизни. Адам Бременский говорит о жителях города Вольми, что «в отношении нравов и гостеприимства не найти людей честнее и добродушнее»<sup>1</sup>. Гельмольд сообщает о рюниках — самых закоренелых язычниках, что они отличались многими добрыми качествами: гостеприимством, уважением к родителям, помощью больным и престарелым людям<sup>2</sup>. Особенно Гельмольд хвалит добродушное славянское гостеприимство, которым сам неоднократно имел случай пользоваться. Немецкие миссионеры, побывавшие в городе Велегоща, у литовцев, были очень удивлены, встретив ласку и гостеприимство «в царстве дьявола»<sup>3</sup>. Те же миссионеры сообщают о поморянах, что кража и обман им совсем не известны. У них нет ни замков, ни ключей; они не запирали своих жилищ и сундуков и очень удивлялись, когда видели запертыми ящики немецких миссионеров<sup>4</sup>. Славяне отличались свободолюбием и готовы были жертвовать жизнью, защищая свою независимость. Смысл борьбы славян с немцами очень хорошо охарактеризовал еще в X в. историк Видукинд. «И вот, — говорит он, — проходят многие дни, когда с переменным счастьем одни (подразумевается, саксы. — Н. Г.) сражаются из-за обширной власти, другие же (славяне. — Н. Г.) — за свободу»<sup>5</sup>.

Что же давало немецкое христианство славянам в смысле повышения их морального уровня? Действительно ли немцы крещением в «христианскую веру» перерождали морально славянина? Конечно, нет. Славяне судили о христианской вере по поведению немецких христиан, учивших в их земле кровавые насилия и злодеяния и способных на всякие проявления вероломства и подлости. Славяне не видели, чему бы можно было поучиться у этих хищников. И недаром славяне Поморья говорили немецким миссионерам в ответ на предложение креститься: «У христиан есть воры,

есть разбойники; они отрубают (друг другу) носы, вырывают глаза; всякие преступления и кары учиняет христианин по отношению к христианину. Да минуат над вера сия!»<sup>6</sup>.



Стремление немецких провиантов и современных фашистов доказать, что немец сражался за Эльбой за культуру и что он нес туда «мир и охрану», сплошь основано, как видим, на лжи, на подтасовке исторических фактов. Не повышение, а понижение материальной и духовной культуры несли немецкие хищники в славянские земли за Эльбой. Они разоряли и опустошали привольный и богатый славянский край, нарушали мирный ход жизни славян, расстреливали весь их простой, патриархальный быт, превращали свободолюбивых людей в рабов, которые должны были исповедовать веру своих господ и безропотно отдавать им все плоды своего труда, все свои силы.

Если фашисты говорят, что они сейчас продолжают на Востоке политику их предков, то это верно в том смысле, что *Draug nach Osten* был и останется — и в старом и в новом (фашистском) его проявлении — не чем иным, как одним сплошным кровавым разбоем в грандиозном масштабе. Не немцы, а славяне боролись за Эльбой против варварства и против варваров. Они так же, как и мы сейчас, отстаивали от хищников свою родную землю, свои семьи, свою свободу, свое счастье. Вот почему они так особенно близки нам в настоящее грозное время, когда наша доблестная Красная Армия, носительница славных боевых традиций и боевой отваги русского народа, а с нею и все мы боремся за нашу землю, за лучшее будущее всего человечества.

Мы крепки своим единством, помощью союзников и потому уверены в победе, славяне же были раздроблены и одиноки в борьбе с немецкими хищниками в тем не менее противостояли им на протяжении столетий, неоднократно одерживая над ними славные победы. Героическая стойкость заэльбских славян, их горячая любовь к своему вольному краю так же должны служить нам примером и так же должны воодушевлять нас на борьбу, как и славные образы наших знаменитых предков.

<sup>6</sup> Herbordus. Op. cit., II, 26.

<sup>1</sup> Adamus. Op. cit., II, 19.

<sup>2</sup> Helmojdus. Op. cit., II, 12.

<sup>3</sup> Ebbonis. Op. cit., III, 7.

<sup>4</sup> Herbordus. Op. cit., II, 41.

<sup>5</sup> Widukindus. Op. cit., II, 20.

# СООБЩЕНИЯ

## ВЛАДИМИРСКОЕ ОПОЛЧЕНИЕ 1812 ГОДА

С. Капошина, А. Козлова

I

В истории войн, которые приходилось вести русскому народу против различных внешних врагов, народные ополчения всегда играли большую положительную роль. Известно, например, какое значение имело ополчение Милынина и Пожарского при освобождении России и Москвы от иноземных захватчиков. Велика была и роль народного ополчения в Отечественной войне 1812 года.

Правители крепостной России боялись своего народа, и не случайны те колебания, которые проявил Александр I перед опубликованием манифеста об ополчении. Но настоятельная необходимость в ополчении была настолько велика, что 6 июля<sup>1</sup> 1812 г. последовал манифест, в котором говорилось: «Полагаем мы за необходимо нужное собрать внутри государства новые силы, которые, нанося новый ужас врагу, составили бы вторую ограду в подкрепление первой и в защиту домов, жен и детей каждого и всех»<sup>2</sup>.

Начался всеобщий набор ополченцев. Патриотический подъем охватил русский народ. Народные массы устремились в ополчение. Московское дворянство и купечество жертвовали крупные суммы на его создание<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Даты заносятся по старому стилю.

<sup>2</sup> «Отечественная война и русское общество». Т. V, стр. 44. 1912.

<sup>3</sup> Правда, то же московское купечество тотчас же взвинтило цены на оружие, спрос на которое сильно возрос. Если до воззвания шпаги продавались по 6 руб. за штуку, то после воззвания они стоили по 30—40 руб.; цена на ружья возросла с 15 до 80 рублей. Московскому военному губернатору графу Растищину пришлось открыть цейхгауз, чтобы остановить «преступное лихоимство купцов московских», и в цейхгаузе ружья продавались по 2—3 руб., а сабли — даже по 1 рублю. «Но, к сожалению, — писал К. Н. Вестужев-Рюмин, — все это оружие к употреблению не годилось, ибо ружья и карабины были или без замков или без прикладов, или стволы у них согнуты, или измяты, сабли без эфесов, у других клинки сломаны, зазубрены и дур-

18 июля последовал дополнительный манифест об ополчении в 16 губерниях. Эти 16 губерний были распределены по округам следующим образом: в первый округ входили Московская, Тверская, Ярославская, Владимирская, Рязанская, Тульская, Калужская, Смоленская губернии; во второй — Петербургская, Новгородская и третий — Казанская, Нижегородская, Пензенская, Костромская, Симбирская, Вятская.

Одновременно были созданы два комитета: по сбору и вооружению людей и по приему пожертвований. Ополченцы должны были быть снабжены провиантом на три месяца и одеты. Амуниция ополченца состояла из русского кафтана с кушаком, шаровар серого крестьянского сукна, русской рубашки с косым воротником, платка на шее, фуражки и сапог. Кафтаны полагались такой ширины, чтобы можно было надевать под них овчинные полушубки, которые носили скатанными поверх рванца. Рванцы предназначались для пепших, а у конных кроме того были мешки для овса. В рванце должны были быть одна запасная рубашка, двое холстинковых штанов, рукавицы, две пары портянок, опухи, запасная пара сапог и сухари на три дня.

Из ополченцев формировались конные и пехотные полки. Полки делились на батальоны и сотни, за исключением петербургских, которые делились на дружины. Командный состав формировался из отставных генералов, офицеров и чиновников. Полковым начальникам жалованья никакого не полагалось. Относительно батальонных начальников предусматривалось, что людям без достатка должно выдаваться пособие полковыми начальниками. Сотенные получали жалованья по 30 руб., а все прочие офицеры — по 20 руб. в месяц. Урядники и писаря получали по 1 руб. 25 коп. в месяц и провиант, а остальные ополченцы — по 1 руб. в месяц и провиант.

В ополчение могли вступать все желающие. Известный литератор, редактор жур-

нале, что было в цейхгаузе, то скучнее уже было купцами» («Россия и Наполеон. Отечественная война в мемуарах и документах», стр. 71. 1912). Сам Растищин впоследствии признавался, что ополчение было вооружено безвредными и бесполезными пиками.

нала «Русский вестник», С. Н. Глинка, рассказывает о патриотическом одушевлении студентов Московского университета. Среди документов Владимирского архива имеется отношение командующего Владимирским ополчением князя Б. А. Голицына об удовлетворении просьбы студента Императорского московского университета Карцева о зачислении его в 6-й полк Владимирского ополчения.

Патриотический подъем, охвативший весь народ, особенно, после занятия Москвы Наполеоном, прекрасно охарактеризован поэтом Батюшковым: «Зла много, потеря частных людей несчетна, целые семейства разорены, но все еще не потеряно: у нас есть миллионы людей и железо. Никто не желает мира. Все желают не мира, истребления врагов»<sup>1</sup>. Этой цели истребления врагов русский народ отдал все свои мысли и подчинил все свои интересы, создав народное ополчение — грозную силу для неприятеля.

## II

Владимирцы, как и вся страна, сознавая грозную опасность, нависшую над Россией, также стали на ее защиту, составляя и пополняя свое ополчение.

Географическое положение Владимирской губернии — к востоку от Московской — определяло ее значение в Отечественной войне 1812 года. Можно было ожидать, что после занятия Москвы французская армия сделает попытку двинуться дальше на восток; в хлебные места, за провиантом. Следовательно, защита границ Владимирской губернии была острой необходимостью. Кроме того вся эвакуация Москвы проходила через Владимир. В этом городе было сосредоточено и наибольшее количество раненых солдат. Жители охотно брали раненых в свои дома и сами за ними ухаживали. По сообщению губернатора, все квартиры жителей города были заняты ранеными, не говоря уже о больницах в разных учреждениях.

Московское население эвакуировалось в Нижний Новгород через Владимир. Владимирскому губернатору А. Н. Супоневу пришлось развернуть большую деятельность, связанную с эвакуацией Москвы и ее ценностей. В города Владимирской губернии были вывезены из Москвы многие учреждения и различные материальные исторические ценности, например в Муром были вывезены московские святыни. Через Владимир и по владимирским трактам проходили большие партии пленных французов. Администрация губернии должна была доставить их на места назначения. Кроме того нужно было пропустить через свои города и по своим дорогам Нижегородское и Костромское ополчения, направлявшиеся к своим сборным пунктам у границ Московской, Тульской и Рязанской губерний. Для ополченцев необходимо было организовать провиантские базы и магазины, закупить для

них продовольствие, наконец, в губернии создавалось свое ополчение, которое надо было обмундировать и снабдить провиантом.

Владимирская администрация, найдя единодушный отклик и полную поддержку у населения губернии, успешно справилась с этими сложными задачами. Архивные документы с положительной стороны обрисовывают фигуру владимирского гражданского губернатора А. Н. Супонова, проявившего много энергии и распорядительности в такое тяжелое время. Впоследствии Супонов получил крупную награду за свою работу.

Большая и трудная роль, выпавшая на долю Владимирской губернии, была вместе с тем ролью чрезвычайно почетной и благодарной. Население губернии, главным образом крестьянство, с честью вышло из всех затруднений, создав крупную воинскую организацию — народное ополчение, отличившееся в Отечественной войне 1812 года.

Вскоре после получения царских манифестов, во Владимире было созвано губернское дворянское собрание. Губерния, насчитывавшая 312 тыс. крепостных крестьян, должна была поставить не менее 15 тыс. воинов. Каждый помещик, по решению дворянского собрания, должен был выставить одного ополченца от 15—20 душ. Помещики, имевшие менее 15 душ, освобождались от поставки ратников. Дворянским собранием было решено, что в ополчение должны зачисляться воины от 20 до 45-летнего возраста, вступать же в него разрешалось и лицам или несколько моложе или несколько старше указанного возраста при условии физической пригодности для несения военной службы.

25 июля 1812 г. дворянским собранием была произведена следующая раскладка воинов по губернии: по Владимирской округе — 1154 воина, Суздальской — 738, Гороховецкой — 1493, Ковровской — 1271, Вязниковской — 982, Юрьевецкой — 1528, Покровской — 1292, Меленковской — 1219, Александровской — 687, Переяславской — 945, Судогодской — 684, Шуйской — 1523, Муромской — 1570. Из этого количества ополченцев сформировалось 6 полков.

По существовавшему положению, дворянство губернии должно было избрать из своей среды общего начальника ополчения. Решением дворянского собрания командующим Владимирским ополчением был избран 24 июля князь Борис Андреевич Голицын.

По уездам дворянские собрания избирали начальников ополченских полков, которые утверждались Александром I. Большинство голосов владимирское дворянство избрало следующих начальников полков: 1-го полка — генерал-майора Меркулова, 2-го — полковника Спиридова, 3-го — полковника Зубова, 4-го — полковника Поливанова, 5-го — полковника Черепанова и 6-го — полковника Нефедьева. Формирование полков происходило по уездам.

Следующая таблица показывает количество воинов, входивших в состав каждого полка по округам:

<sup>1</sup> «Двенадцатый год в воспоминаниях и переписке современников», стр. 206. 1912.

Полк	Округи	Число воинов
2-й полк — полковник Спиридов	Владимирский . . . . .	1 154
	Судогодский . . . . .	684
	Меленковский . . . . .	677
		<hr/> 2 515
6-й полк — полковник Нефедьев	Муромский . . . . .	1 570
	Меленковский . . . . .	542
	Гороховецкий . . . . .	404
		<hr/> 2 516
1-й полк — полковник генерал-майор Меркулов	Вязниковский . . . . .	962
	Гороховецкий . . . . .	1 091
	Шуйский . . . . .	442
		<hr/> 2 495
3-й полк — полковник Зубов	Ковровский . . . . .	1 271
	Шуйский . . . . .	1 081
	Суздальский . . . . .	182
		<hr/> 2 514
5-й полк — полковник Черепанов	Юрьевский . . . . .	1 528
	Суздальский . . . . .	576
	Переяславский . . . . .	410
		<hr/> 2 514
4-й полк — полковник Поливанов	Покровский . . . . .	1 292
	Александровский . . . . .	681
	Переяславский . . . . .	535
		<hr/> 2 508 <sup>1</sup>

Таким образом, было положено начало формированию Владимирского ополчения.

Патриотический подъем населения Владимирской губернии выражался не только в формировании ополчения. Жители городов, сел и деревень выявляли свою любовь к родине, жертвуя все, что могли, что необходимо было русской армии. Особенно внимания заслуживает высокопатриотическое письмо семидесятилетнего отставного офицера Зузина на имя губернатора: «Случай нынешних военных действий вызывает российское дворянство на воспомоществование, и теперь каждый должен жертвовать всем своему отечеству... имеющей в семье одного сына, в котором надеялся при старости моих лет найти спокойствие и под призором его окончить последние дни мои, но в прошедшую французскую войну он убит... семидесятилетняя старость моя к пятидесятилетнему служению в обер-офицерском чине по военной, в статской службе ныне не позволяет мне уже стать на поле сражения, но имея рвение... видя отечество, требующее помощи от всех и каждого, при самом моем расстроенном состоянии, так как я никаких доходов не имею, кроме получаемого... моего жалования, из годового оклада которого жертвую по 100 рублей во все продолжение военных действий... милостивый то-

сударь, если какие могут встретиться по нынешним обстоятельствам комиссии, то покорнейше прошу, Ваше превосходительство, что я не взирая на старость лет своих, все возлагаемое на меня комиссией и поручения Ваши в нынешних случаях, готов с рвением исполнить до последних сил я для моей жизни»<sup>2</sup>.

Многочисленные списки пожертвований, сохранившиеся в архивах, свидетельствуют о том, что русский народ отдавал для нужд армии все, что мог. Жертвовали муку, деньги, холст, драгоценности, оружие, одежду и т. п. На имя владимирского губернатора непрерывно поступали рапорты от местного начальства разных уездов о количестве собранных от населения пожертвований. Так, городской голова Вязниковской округи сообщает владимирскому губернатору: «Я и ведомства моего крестьяне, ревнуя усердием к пользе отечества, за нужное предположили в уме своем по случаю настоящего времени пожертвовать от избытков своих на продовольствие воинам, сформированных во Владимире 2-х пехотных полков, ржаной муки от имени моего трид-

<sup>1</sup> Владимирский филиал Ивановского госархива, ф. 244, д. 2599, л. 11.

<sup>2</sup> Там же, ф. 14, д. 1877, л. 10.

цать и от крестьян, жертвующих сорок, всего 70 кулей девятипудового веса»<sup>1</sup>.

Крестьяне Шуйского округа, Васильевской вотчины графа Шереметева, пожертвовали на продовольствие Владимирского ополчения 500 руб. деньгами. Жертвовали крестьяне и других уездов. В рапорте на имя владимирского губернатора юрьев-польский земский исправник сообщал: «Во вверенном управлении моему округу казенного ведомства всего Куминского участка крестьяне пожертвовали ржаной муки 1706 пудов 20 фунтов и вотчины графа В. Толстого села Глумова и деревни Шереметовской крестьяне 125 пудов»<sup>2</sup>. Всего по Юрьев-Польской округе пожертвовано было более 10 тыс. пудов.

Крестьяне Гороховецкого уезда пожертвовали 7993 пуда муки. Но этим не исчерпывались взносы: пожертвования продолжали поступать и дальше. В общей сложности на формирование Владимирского ополчения в первый комитет по сбору пожертвований поступило амуниции на 679 206 руб. и 3-месячного провианта на 146 129 рублей. Всего по Владимирской губернии собрано было пожертвований на сумму свыше 800 тыс. рублей.

Дворяне, поняв серьезность обстановки, принимали деятельное участие в формировании воинских частей для борьбы с Наполеоном: организовывали отряды ополченцев, поставляли воинов, снаряжали их и сами становились в ряды командного состава ополчения. Гороховецкий уездный предводитель дворянства Мещерский несмотря на решение владимирского дворянства о поставлении с каждых 15—20 человек одного воина, выставил 10 ратников с 71 душой принадлежащих ему крестьян.

Но были и такие, которые отнеслись равнодушно к судьбам родины и, преследуя личные выгоды, стремились уклониться не только от личного участия в ополчении, но и от поставки воинов. Многие дворяне старались забыть свои решения, которые они принимали в связи с царским манифестом. Передовые люди той эпохи стыдились своей принадлежности к дворянскому сословию, к той его части, которая обнаружила отсутствие сознания долга перед страной. В этом отношении весьма показательными являются записки князя, впоследствии декабриста, С. Г. Волконского, в которых автор описывает свой разговор с Александром: «Тут он (Александр) мне сделал следующие вопросы: 1) каков дух армии? — Я ему отвечал: Государь, от главнокомандующего до всякого солдата, все готовы положить свою жизнь к защите отечества и Вашего Императорского Величества. 2) А дух народный? — На это я ему отвечал: Государь, Вы должны гордиться им: каждый крестьянин — герой, преданный отечеству и Вам. 3) А дворянство? — Государь, — сказал я ему, — стыжусь, что принадлежу

к нему, — было много слов, а на деле ничего»<sup>3</sup>.

Из дошедшей до нас обширной переписки начальника Владимирского ополчения с губернским и уездными предводителями дворянства видно, что часть и владимирского дворянства была не на высоте. В этих письмах Голицын настоятельно требовал суровых мер воздействия по отношению к дворянам, уклонявшимся от участия в ополчении. Даже многие из тех дворян, которые служили в ополчении, пытались под разными предлогами оставить службу и вернуться в свои имения. Этим попыткам Голицын давал решительный отпор.

Интересно в этом отношении письмо Голицына к владимирскому губернскому предводителю дворянства от 12 февраля 1813 г.: «На отношение вашего сиятельства от 4 февраля, коим изволите уведомить меня, что служащий во Владимирском ополчении корнет Цвилленев по причине разных домашних расстройств и смерти матери его подал к вам прошение об увольнении от настоящего служения, сим отвечаю, что не один г. Цвилленев удален от дома своего и тем расстраивается состояние каждого, не один он имеет детей, которым нужно приращение и воспитание, но многие дворяне с ним в равне, а некоторые еще и более чувствуют расстройство в теперешнем их положении. Следственно, уважив просьбу г. Цвилленева, можно дать повод всем дворянам, в ополчении находящемуся подавать подобные просьбы, чем и потеряется необходимый в службе порядок, а потому покорнейше прошу, ваше сиятельство, дать знать г. Цвилленеву, чтобы он на срок явился в полк»<sup>4</sup>.

Материалы переписки характеризуют Голицына с весьма положительной стороны: он стремился создать образцовый порядок в ополчении, воспитать в нем крепкий воинский дух, всячески заботился об ополченцах, приказывая полковым начальникам лично просматривать одежду и обувь каждого воина. Еще при формировании ополчения Голицын писал начальникам полков: «Учрежденный в губернском городе Владимире первый комитет сообщил мне сего месяца... о постановлении своем относительно сбора людей во Владимирское ополчение представляемых, распорядясь таким образом, чтобы люди к приему были готовы, снабжены одеждою, оружием, провиантом к 20-му числу сего месяца... почему согласно постановлению комитета рекомендую вам к оному числу прибыть в Муром, взяв с собою батальонных и сотенных начальников, также должностных и обер-офицеров»<sup>5</sup>.

Истинный патриотизм, подлинную любовь к родине проявило подневольное, крепостное крестьянство, вынесшее на своих плечах все тяготы войны с Наполеоном. Оно охотно становилось в ряды воинов ополче-

<sup>3</sup> «Двенадцатый год в воспоминаниях и переписке современников», стр. 212. 1912.

<sup>4</sup> Владимирский филиал Ивановского госархива, ф. 244, л. 1677, л. 134.

<sup>5</sup> Там же, д. 2599, т. 1, л. 12—13.

<sup>1</sup> Владимирский филиал Ивановского госархива, ф. 14, л. 187, л. 15.

<sup>2</sup> Там же, л. 20.

ния. Для русского крестьянина рекрутский набор представлял всегда большое несчастье, и в обычное время рекрутчина была для него ненавистной. Но в 1812 г. рекрутские наборы следовали один за другим, и народ, стремясь на борьбу с ненавистным врагом, встречал их с большим воодушевлением.

И среди других слоев населения—чиновников и лиц духовного звания—были люди, изъявлявшие желание вступить в ряды ополчения. Одними из первых вступили в ополчение губернский секретарь Жемчужников и коллежский регистратор Катков.

Владимирское ополчение было сформировано в довольно короткие сроки. В течение 5 недель все 6 полков были полностью укомплектованы, обмундированы, снабжены провиантом и отправлены на места назначения, где они и развертывали свои действия во время войны 1812 года.

Полки Владимирского ополчения делились на батальоны, а последние—на сотни; соответственно этому был подобран и командный состав батальонных и сотенных начальников. Формируя большую воинскую силу в числе 6 полков, организаторы ополчения испытывали, как пишет Голицын, «великую нужду» в медицинских чиновниках. Поэтому Голицын привлек к работе в ополчении отставного лекаря Витмана, который работал без всякого вознаграждения и «единственно»,— как пишет тот же Голицын, — имея усердие к общественной пользе»<sup>1</sup>. Владимирские ополченцы, одетые и вооруженные самим народом, преисполненные непоколебимой волей к борьбе против иноземных захватчиков, вливались в регулярную армию и, укрепляя ее силы, способствовали изгнанию врага с родной русской земли.

### III

В задачу Владимирского ополчения на первом этапе входила главным образом охрана рубежей Владимирской губернии от вторжения неприятельских отрядов.

Весь сентябрь и большую часть октября войны Владимирского ополчения охраняли рубежи Владимирской и частично Московской губерний, успешно вылавливая и уничтожая отдельные отряды французских фуражиров и мародеров, охраняя жителей и их имущество от грабежа. Кроме этого отряды Владимирского ополчения должны были вести разведывательную службу: узнавать расположение частей неприятельской армии, своевременно обнаруживать появление неприятельских отрядов и тотчас же доносить об этом командующему ополчением для ликвидации врага. Разведывательные отряды ополченцев неплохо справлялись с возложенными на них задачами. Так, штабс-ротмистр Богданский рапортовал полковнику 6-го полка Нефедьеву: «Сего числа был я командирован от вашего высочайшего повеления для открытия неприятеля с командой мне вверенного Павлоградского гусарского полка... встретился я с неприятелем по ту сторону Вохны в правую ру-

ку к деревне Буньковой гораздо превосходящее с его стороны было, нежели находилось у меня. Неприятельские части наверно полагать были до 200 человек кавалерии, которая напала на меня с командою... Отражаясь с неприятелем, удачно его опрокинул и преследовал за деревню Вохну, по дороге, лежащей к Богородску, за 4 версты в лес, с неприятельской же стороны убитых 7 человек, одна лошадь и четверо взяты в плен с находящейся у меня команды—все люди возвратились здоровы...»<sup>2</sup>.

Очень интересны документы, характеризующие боевую деятельность 1, 4 и 5-го полков. Начальник 1-го полка генерал-майор Меркулов командовал первой линией ополчения по рубежу Владимирской губернии. В его распоряжении находилось несколько гусарских, драгунских и казачьих команд. Этот полк в своей деятельности отличился тем, что им было взято в плен большое количество французских фуражиров, мародеров и шпионов. Начальник 4-го полка, полковник Поливанов, уже 3 сентября 1812 г. выступил со своим полком к Москве, но, узнав по дороге, что она занята неприятелем, отступил к Богородску, а затем к Покрову, где «показал особенную деятельность к излавливанию французских фуражиров и шпионов и к безопасению прилежащих селений от неприятеля, по пятам коего вступил в город Богородск»<sup>3</sup>.

Из обширной переписки 4-го полка вырисовывается яркая картина боевой деятельности этой части. Полк не только отражал и уничтожал неприятельские отряды, но организовывал и вооружал население прилегающих сел и деревень для отпора врагу. Приведем полностью некоторые донесения Поливанова, представляющие особый интерес. 1 октября 1812 г. Поливанов пишет Голицыну: «По предписанию вашего сиятельства прибыл я на большую Стромынскую дорогу, что из Москвы в Юрьев, где и расположился двумя батальонами в селе Филипповском на реке Шерне и двумя батальонами в Киржаче на реке Киржач при дороге от Троицы. К сведению о неприятельских партиях через разведывание получил, что из Москвы по оной дороге были наезды до Клязьмы—отгоняют скот и забирают хлеб. Партии сии состояли по очному показанию обывателей от 100 до 500 человек конных с фурами, кои ежедневно возвращались с добычею в Москву. Со стороны же Богородска отряды также бываю в левой стороне в 20 верстах отсюда, а с правой по Троицкой дороге ничего не замечено, хотя слухи от Москвы, идущих есть, что пошли войска по Троицкой и Дмитровской дорогам. Жители охотно вооружаются пиками, конные вооружаются для разбегов, кои составилось уже 50 человек. Город Киржач помогать будет стрелками. Забочусь усилить сколько можно более. Между тем неблагоугодно ли будет, вашему сиятельству, сколько-ни-

<sup>1</sup> Владимирский филиал Ивановского госархива, ф. 244, д. 2603, л. 64.

<sup>2</sup> Там же, ф. 244, д. 2599, т. I, л. 131.

<sup>3</sup> Там же, д. 2603, л. 91.

будь уделить из пришедших или идущих к вам казаков, дабы в случае надобности мог я действовать наступательно»<sup>1</sup>.

Когда Поливанов узнал о вторжении неприятельских отрядов в Дмитров, он написал командующему ополчением следующее: «Узнав о взятии неприятелем г. Дмитрова и предусматривая опасность Александровского уезда, предписал я снова отправленному в тот край с отрядом капитану Казариннову на случай неприятельского нападения внушить жителям бодрость к сопротивлению и уверить их в готовности моей давать по требованию их помощь. На сие доносит он мне, что все жители готовы встретить неприятеля вооруженною рукою на конях и пехие. Сего-ж числа рапортом донес мне с передовых постов майор Токстой, что неприятель из Богородска совсем к Москве выступил и более его по Стромьинскому тракту в округе не находится, о чем имею вашему сиятельству донести»<sup>2</sup>.

Большую деятельность проявил 4-й полк и по выявлению шпионов. Им были задержаны 3 октября 1812 г. два человека, «по найденным у первого из них неприятельской печатной публикации и письменному прошуску и разнообразным о том их показаниям, (были) признаны подозрительными»<sup>3</sup>.

Полковник Поливанов был известен в русской армии и ранее. Старый ветеран, участник прежних войн против Наполеона, он сыграл интересную роль во время неудачного Фридляндского сражения в 1807 году. Предвидя полное поражение и капитуляцию русской армии, генерал Беннигсен послал Поливанова к Наполеону для переговоров якобы о сдаче русской армии. Поливанов вел переговоры всю ночь, а то время как русская армия отступала. Утром, увидев отступление русской армии, Наполеон пришел в ярость, пригрозив Поливанову:

— Вы заплатите мне за это своей головой.

Увидев, что хитрость увенчалась успехом, Поливанов с радостью ответил Наполеону:

— Что стоит моя голова, когда армия спасена<sup>4</sup>.

После окончания этой войны Поливанов вышел в отставку и занимал должность покровского уездного предводителя дворянства. Война 1812 г. снова призвала Поливанова к деятельному участию в боевых действиях против Наполеона.

Когда Наполеон покинул Москву, Поливанов с радостью, понятной для русского сердца, сообщал Голицыну, что «...в ночь с 11 на 12 число сего октября слышна была жестокая канонада в стороне Москвы...»

и что «...Москва неприятелем вовсе оставлена...»<sup>5</sup>.

Боевая деятельность 5-го полка протекала в Богородском уезде, где ополченцы охраняли спокойствие жителей уезда, пресекая грабительские действия французских мародеров.

Для неприятеля ополченцы представляли грозную силу. Боясь ополченцев, части наполеоновской армии нередко обращались к бегству. Один из начальников отряда ополченцев рапортовал командующему ополчением Голицыну: «Спешу сообщить вам, милостивый государь мой, что вверенное мне ополчение, с самого прибытия в оборные места, на границе Рязанской губернии в бивуаках расположенное, кроме разъездов вашим сиятельством любозытствуемых, приведено в порядок совершенной готовности встретить неприятеля и отражать покушение в поисках его.

Жители благополучного края здешнего обеспечены мерами бдительной осторожности и одержимой волнами цепью. Неприятель как будто сведущий о том бежит с мест ополчением нашим занимаемым и страшится приближения к нам»<sup>6</sup>.

Все современники войны 1812 г., имевшие возможность наблюдать ополченцев в боях, единодушно отмечали героическое, упорное сопротивление, которое они оказывали врагам.

Владимирское ополчение во взаимодействии с регулярными частями русской армии, как и ополчения других губерний, сыграло значительную роль в разгроме «великой» армии Наполеона. Отряды ополченцев, охраняя рубежи губерний, не допустили прорыва частей неприятельской армии ни в северо-восточную, ни в юго-восточную области страны.

Большую помощь ополченцам оказывали жители сел и деревень, составляя конные разъезды для патрулирования по дорогам. Совместно с партизанскими отрядами ополченцы успешно отражали попытки вторжения неприятельских отрядов за границы Московской губернии, задерживали и уничтожали французских фуражиров и мародеров.

#### IV

Деятельность Владимирского ополчения была тесно связана с выдающимся человеком и полководцем — Михаилом Илларионовичем Кутузовым.

Вовлечение широких народных масс в оборону родины Кутузов считал одним из верных способов уничтожения войск Наполеона и изгнания их из России. От Кутузова исходили непосредственные распоряжения об организации, передвижении и деятельности отрядов, в том числе в Владимирского ополчения.

Среди многочисленных документальных материалов, характеризующих роль этого ополчения, особое место занимают личные

<sup>5</sup> Владимирский филиал Ивановского госархива, ф. 244, л. 2, л. 43.

<sup>6</sup> Там же, д. 2599, т. I, л. 156.

<sup>1</sup> Владимирский филиал Ивановского госархива, ф. 244, д. 2, л. 27.

<sup>2</sup> Там же, л. 31.

<sup>3</sup> Там же, л. 33.

<sup>4</sup> «Хроника рода Поливановых», стр. 14, 1894.

распоряжения, отношения и письма Кутузова, адресованные им начальнику Владимирского ополчения Голицыну и владимирскому губернатору Супонову.

В первые же дни своей деятельности главнокомандующего Кутузова проявил большое внимание к снабжению русской армии и пополнению кавалерийских частей конским составом. В письме к владимирскому губернатору от 6 сентября Кутузов писал: «Покорно прошу ваше превосходительство как можно скорее и поспешнее для армии поспешнее, сообразуясь с узаконенными ценами во вверенной вам губернии, 500 лошадей — большого, среднего и малого состава, выдавая каждому из продавщиков квитанции, дабы он мог быть удовлетворен за оных из казны деньгами. По искупке же таким образом вышеозначенного числа лошадей, прислать их немедленно, отрядив нарочно для сего чиновников»<sup>1</sup>.

В сентябре Кутузов предупреждал Голицына, что в случае наступления неприятеля ополчению надо будет отойти к Владимиру. В одном из отношений к Голицыну фельдмаршал обращал внимание командующего ополчением на необходимость сохранения транспорта с сухарями для армии, направляющегося из Торосла, Твери и Ржева на Москву. А так как Москва в это время уже была занята Наполеоном, то транспорт с сухарями по распоряжению генерал-майора Гладкова направлен был через Киржач и Покров на Владимир. Хотя Кутузов и высказывает уверенность в том, что Голицын примет необходимые меры к сохранению провианта, к тому, чтобы «команды сказанные и транспорты не подвергнуть неприятелю», он с величайшей заботой дает Голицыну точные указания о том, что нужно сделать для спасения этого провианта и доставления его во Владимир. Голицын непосредственно сносился с Кутузовым, сообщая ему о всех столкновениях ополченских отрядов с неприятелем.

На долю Владимирского ополчения выпала ответственная и почетная роль — одному из первых войти в Москву после оставления ее Наполеоном и заняться организацией управления. В предписании от 19 октября командующему Владимирским ополчением Кутузов пишет: «По занятию нашими войсками Москвы, я покорнейше прошу вашего сиятельства, отправить с командующим вами ополчением в столицу и заняться управлением до прибытия туда воинских и гражданских властей. В то же время не оставьте о том, уведомить гражданского губернатора Обрезкова, дабы он взял нужные меры к учреждению земской полиции, опирающейся отсюда. Московский гарнизон в 3 батальонах на прежнем его местопребывании. Весьма желательнее, чтобы ваше сиятельство без потери малейшего времени занялись образованием почты, чем много облегчите и ускорите внутреннее сообщение»<sup>2</sup>.

По прибытии в Москву ополчение должно было заниматься наведением порядка в городе, только что оставленном французской армией, нести караульную службу, очищать улицы и исправлять повреждения. Учреждения и жители обращались к ополчению с просьбой о скорейшем оказании помощи в бедствиях, принесенных неприятелем. Так, Голицын получил ходатайство от главного смотрителя странноприимного дома Москвы, разрушенного французами, о прирешении инвалидов, выброшенных неприятелем из дома. Кроме этого, ополчению приходилось заботиться о жителях и удовлетворять их нужды. В этом отношении большую помощь оказывал лекарь ополчения Витман, который, по сообщению Голицына, «своим искусством и готовностью не мало принес пользы жителям сей столицы, поверженным в крайнюю нищету и болезни»<sup>3</sup>.

Владимирскому ополчению за два месяца пребывания в Москве пришлось провести большую работу по восстановлению разрушений в городе, подготовке казарм для гарнизона и др. Полковник Голубанов получил от главнокомандующего благодарность за очищение Кремля.

Связь Кутузова с Владимирским ополчением продолжалась и во время пребывания ополчения в Москве. Прозорливый, блаженный Кутузов принимал меры к обнаружению и устранению шпионажа в России. В связи с этим Владимирское ополчение получало особые задания от фельдмаршала. Исключительный интерес представляет деловое письмо Кутузова командующему Владимирским ополчением: «Препровождается сим к вашему сиятельству надворный советник Штыков для последнейшего собрания и доставления ко мне следующих сведений:

- 1) сколько находится в Москве жителей во время пребывания в оной неприятеля,
- 2) нет ли из их числа таковых, которые были в сношении с ним и буде есть, то кто именно,
- 3) собрать все выданные неприятелем прокламации, для представления ко мне,
- 4) нет ли и по сие время каких-либо от неприятеля шпионов.

Во всем сем покорнейше прошу, ваше сиятельство, оказать отправляемому от меня г-ну Штыкову всякое ваше по местному начальству пособие и неоставление»<sup>4</sup>.

Деятельность Владимирского ополчения по приведению в порядок Москвы после оставления ее французами была впоследствии высоко оценена. Выполняя эту задачу, Владимирское ополчение получало указание выступить в поход на запад.

## V

Жалкие остатки голодной, оборванной, замерзающей французской армии были изгнаны из пределов России, Русская армия, выполняя свою историческую миссию изгнания врага из России и освобождения

<sup>1</sup> Владимирский филиал Ивановского госархива, ф. 244, д. 2599, т. 2, л. 41.

<sup>2</sup> Там же, ф. 244, д. 2599, т. I, л. 192.

<sup>3</sup> Там же, ф. 244, д. 2603, т. 6, л. 14:

<sup>4</sup> Там же, ф. 244, д. 2599, л. 167.

Европы, перешла западные границы и вступила в страны, покоренные Наполеоном.

Вместе с регулярными частями русской армии ополчения различных губерний, не принимавшие до этого непосредственного участия в боевых действиях, также были двинуты на запад, где они участвовали в ряде боевых операций. Тверское, Ярославское, Калужское и Тульское ополчения осаждали Данциг; Костромское и Рязанское — блокировали Глогау; Казанское и другие были в боях под Дрезденом; некоторые отряды ополченцев, например 1-й конный полк Тульского ополчения, дошли до Парижа. Владимирское ополчение, прошедшее до этого большой боевой путь, должно было следовать до западных русских пограничных городов и крепостей. 11 декабря 1812 г. по распоряжению Александра I, Владимирское ополчение выступило в гор. Витебск и весь 1813 год находилось в западных пограничных городах. Полки же его были расположены следующим образом: 1-й — в крепости Бобруйск, 3-й — в Клеве, 5-й — в Борисове, 6-й — в Могилеве на Днестре, 2-й и 4-й — в Минске. В этих местах Владимирское ополчение занималось также изгнанием отдельных неприятельских групп, вылавливанием шпионов и приведением в порядок городов после пребывания в них французов.

С этой задачей ополчение справилось столь же успешно, как и с предыдущими. 1-й полк даже получил особый аттестат следующего содержания: «Владимирского ополчения первый полк, находясь в содержании караула в крепости Бобруйске под командою г. генерал-майора и кавалера Меркулова и в отсутствие его правящего полком г. майора и кавалера Прокудина-Горского, содержан ими в полной воинской дисциплине, благоустройстве и исправности, служба исполняема была и все возлагаемые по оной порученности с ревностным усердием сверх сего неусынную свою деятельность и отличный порядок в соблюдении воинской дисциплины того полка гг. офицеры и нижние чины немало истребили разбойников и подозрительных людей, оказавшихся здесь через влиятельные неприятеля. Общество, где полк расположен... изъявляет свою благодарность, в признательность чего в отличие перед прочими приятным долгом справедливости почел я дать (сей аттестат) за подписом моим»<sup>1</sup>.

22 января 1814 г. был издан указ о роспуске ополчения и возвращении ополченцев по домам. Началась большая подготовка к отправлению ополченцев во Владимирскую губернию. Все полки должны были собраться в Могилеве, и оттуда, по выработанному маршруту, идти до Владимира, откуда ополченцы направлялись уже по местам своего жительства, в свою родную губернию. После боевых подвигов ополченцы должны были вернуться в приведенном в порядок обмундировании. Для этого был принят ряд мер. Для подготовки к роспуску ополчения на акцировку, провиант и другие нужды была ассигнована сумма в 15 тыс. рублей. Всем полковым начальникам Голицына предписывал: «Заняться исправлением теплой и прочной одежды и обуви для нижних чинов вверенного вам полка. А для сего должны вы пересмотреть сии вещи у каждого воина и все, что есть худого, починить, все же неспособное к употреблению заменить новым. Так как каждый воин имеет кафтан, полушубок, теплые шаровары, сапоги, рукавицы и шпагу, то рекомендую... ежели что из сих вещей найдете худыми для починки сего употребить платье, оставшееся в полку от убыли воинов, а для вящего сбережения людей, можно позволить воинам в дороге иметь лапти, лишь бы оные были крепкие и с теплыми онучами. В городах проходить в сапогах, которые для сего иметь в ранцах»<sup>2</sup>.

За время своей деятельности, с августа 1812 г. по март 1814 г., ополчению пришлось перенести большие трудности и в длительных переходах, и в стычках с неприятелем. Занимая опустошенные французами местности, ополченцы терпели голод и болезни. Все это сильно отразилось на численном составе ополчения. Из общего количества 15 тыс. воинов во Владимирскую губернию вернулось 6945 человек.

Возвращавшихся домой ополченцев население торжественно встречало, подносило им подарки. Русский народ чествовал победителей. Русское крестьянство, составлявшее ополчение, точно так же как и русская армия, отстояло национальную независимость России.

<sup>1</sup> Владимирский филиал Ивановского госархива. ф. 244, л. 1, т. 3, л. 43

<sup>2</sup> Там же, д. 2603, т. VI, лл. 16—17.

## МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КАЗАХСТАНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI ВЕКА \*

А. Миллер

Восстановление Казахского союза. Хакк-Назар. Бездарные пре-емники Касым-хана<sup>1</sup> крайне ослабили бы-лую мощь Казахского союза. Казахи тер-пели поражения от всех соседей: монголов, узбеков, ногайцев. В степи царили между-усобицы и смуты. Казахские султаны, видя бессилие своих ханов, переходили под власть моголистанских и ногайских князей. Казалось, Казахский союз окончательно распался. Один современный историк даже писал, что казахи «совершенно исчезли».

Однако этот тяжелый период продолжал-ся недолго. В казахском народе таились силы, благодаря которым стало возможно новое, еще более прочное чем прежде объ-единение. Свободолюбивые степняки не могли примириться с унижительным подчи-нением их султанов чужеземным владель-цам. Стихийно то в одном, то в другом углу казахской степи создавались много-численные отряды. Они еще не ставили пе-ред собой определенной политической це-ли. Свое неосознанное недовольство они выражали набегами на торговые пути, гра-бежом караванов, угоном скота. Но, по сути дела, это был стихийный протест про-тив чужеземного господства, начальный этап борьбы за собственную этнографиче-скую территорию. Нехватало лишь достой-ного вождя, способного возглавить и объ-единить разрозненные выступления.

Таким руководителем казахского народа явился сын грозного Касым-хана — Хакк-Назар. Свои детские и юношеские годы Хакк-Назар провел среди ногайцев. Там приобрел он военные навыки, развил свои таланты незаурядного полководца. Там же, среди ногайцев, Хакк-Назар подготовил почву для восстановления того блока меж-

ду ногайцами и казахами, которому сужде-но было сыграть решающую роль в воз-рождении Казахского союза.

В то время значительная часть ногайских улусов экономически и политически тяго-тела к казахам. В середине XVI в. это тя-готение усилилось, так как к районам но-гайских кочевий приблизилась Московская Русь.

Завоевание Казани и Астрахани русски-ми поставило ногайцев перед необходимо-стью выбирать: перейти ли в полную зави-симость от Москвы или же сомкнуться с восточными соседями — казахами и узбе-ками — и передвинуться со своими улуса-ми на Восток. Третья возможность, напри-мер вооруженное сопротивление русским, была для ногайцев исключена: слишком они были слабы, истощены бесконечными войнами, голодом, повальными болезнями. По свидетельству современников, ногайцы в 50-х гг. XVI в. дошли до последней сте-пени разорения. Проезжавшим в то время через ногайскую территорию иностранним путешественникам страна казалась необи-таемой. Ногайский мурза Исмаил писал московскому царю Ивану Грозному: «Улу-сы наши животиною обмерли и голодные есмь».

Поэтому ногайские владельцы раздели-лись на две враждующие партии: одна из них, во главе с мурзой Исмаилом, пред-ставляла интересы западной части улусов, тяготевших к Москве, а другая, во главе с родным братом Исмаила мурзой Юсу-фом, выражала стремления восточных но-гайцев, кочевавших по ту сторону Урала и поддерживавших торговые и прочие свя-зи с Средней Азией.

Партия Исмаила стояла за безоговороч-ное подчинение московскому царю. Войну с русскими Исмаил считал для себя ги-бельной. Юсуф, напротив, придерживался восточной ориентации. В 1557 г., после па-дения Астрахани, он окончательно порвал отношения с Исмаилом. Собрав своих сы-новей и состоявшие в их подчинении улу-сы, он ушел за Урал и поставил себя под защиту казахов. Вслед за ним откочевали многие другие улусы в Крым и другие места.

Раскол среди ногайцев оказал большое влияние на политическую жизнь Средней Азии. С мурзой Исмаилом осталось ни-чтожное количество улусов. Казахи не только освободились от прежнего сильного врага, но и приобрели в лице Юсуфа мощ-ное подкрепление. Отныне казахи снова сделались важным политическим фактором в Средней Азии.

Хакк-Назар искусно использовал сложив-шуюся обстановку. Его возвышению содей-

\* От редакции:

Настоящая работа является частью чет-вертой главы учебника по истории Казах-ской ССР. По решению дирекции Институ-та истории АН СССР и руководящих ор-ганов Казахской ССР, ответственными ре-дакторами учебника назначены: чл.-корр. АН СССР проф. А. М. Панкратова и секре-тарь ЦК КП(б) Казахстана по пропаганде тов. А. М. Абдыкалыков. В коллективе ав-торов учебника, кроме научных сотрудни-ков Института истории АН СССР, входят также работники алмаатинских научных учреждений: казахского филиала Академии наук СССР, казахского филиала Института Маркса — Энгельса — Ленина, а также местные историки, филологи, литераторы и др.

<sup>1</sup> Касым-хан — первый хан, который объ-единил под своей властью всех казахов. Умер около 1520 года. — *Ред.*

ствовала сохранившаяся в народе память о его отце Касыме и знаменитом прадеде Жаныбеке Благословенном («Аз Жаныбек»). В конце 50-х гг. Хакк-Назар провозглашен был ханом: по стародавнему обычаю, в его юрту внесли и разостлали на земле белую кошму; мулла прочел хотбу<sup>1</sup>: четыре человека, взявшись за четыре конца кошмы, подняли на ней нового хана.

Царствование Хакк-Назара продолжалось около 20 лет. За это время Казахский союз приобрел крупное, международное значение. Недаром народные предания окружили Хакк-Назара особой славой. С его именем они связали важнейшее событие в государственной жизни казахов — образование трех жузов<sup>2</sup>: Старшего, Среднего и Младшего. Башкирские предания даже приписали ему господство над всеми ногайцами, башкирами, Казанью, Сибирью, Астраханью, Бухарой, Хивой и Ташкентом.

В действительности, хотя владения Хакк-Назара и не были столь обширны, он подчинил своей власти всю казахскую степь. Его влияние распространилось также на казахские кочевья в Моголистане. Когда моголистанский хан Абд-ур-Рашид попытался вытеснить казахов из Моголистана, Хакк-Назар дал ему вооруженный отпор. В одном из сражений в 1560 г. Хакк-Назар наголову разбил монгольские войска под командованием султана Абд-уль-Латифа, сына Абд-ур-Рашида. Сам Абд-уль-Латиф был ранен, попал в плен к казахам и здесь умер от ран. Успехи казахов настолько обеспокоили моголистанского хана, что он собрал огромное войско и ценою больших жертв заставил Хакк-Назара отступить за пределы Моголистана.

С этого времени Хакк-Назар избрал центром своей деятельности западные районы казахской степи. Отряды Хакк-Назара держали под постоянной угрозой Ташкент, взимая дань со всех проходящих караванов. Перед Хакк-Назаром трепетали ногайские мурзы, оставшиеся на прежних кочевьях. Его боялся даже сибирский хан Кучум, жаловавшийся однажды московскому послу: «Нынеча... мне война с казакским царем, и одолеет... меня царь казакский и сядет на Сибири».

К 70-м гг. XVI в. вести о могуществе Хакк-Назара разнеслись далеко за пределами его ханства. В 1573 г. Иван Грозный направил Хакк-Назару своего первого посла. Посол не доехал до Казахстана: по дороге он был захвачен в плен отрядами Кучума. Тем не менее в следующем, 1574 г. Иван Грозный даровал известным купцам братьям Строгановым грамоту на право беспощинной торговли с казахами. За установлением торговых связей последовали и политические сношения между Мо-

сковой и Казахстаном. В конце 70-х гг. Хакк-Назар говорил, что он «с царем и великим князем в миру».

Наибольшую заинтересованность в сближении и даже союзе с Хакк-Назаром проявил могущественный владетель Бухары, Герата и Хоросана — Абдулла, сын Искендер-хана. Видный государственный деятель и опытный дипломат, Абдулла видел в казахах серьезную военно-политическую силу. Абдулла стремился использовать эту силу для укрепления своей власти, особенно в тех граничивших с казахской степью районах, где возникали мятежи со стороны непокорных вассалов. С этой целью Абдулла заключил с Хакк-Назаром «клятвенный договор», по которому обе стороны обязались поддерживать друг с другом мирные отношения.

В 1579 г. крупный феодал Баба-султан восстал против Абдуллы. Силой захватив Ташкент, Баба-султан убил назначенного Абдуллой правителя Ташкента (своего старшего брата) и отложился от Бухары. Абдулла предпринял поход против мятежника. Хакк-Назар поддержал Абдуллу: казахский хан в этом случае руководствовался не только «клятвенным договором», но и собственными государственными интересами. Ташкент, а также города низовьев Сыр-Дарьи издавна служили предметом борьбы между казахами и узбеками. Для правящих классов бухарского ханства эти города являлись важными торговыми центрами, при посредстве которых можно было осуществлять хозяйственно-политическое влияние на жизнь степей. Казахов же они привлекали кроме того, как объект военной добычи и как надежное укрытие на случай поражения в бою. Соперничество между казахами и узбеками приводило обычно к тому, что эти города пользовались значительной самостоятельностью, а суверенитет бухарских ханов был формальным. До тех пор пока казахи не могли полностью овладеть этими районами, они предпочитали, чтобы там сохранялась слабая власть бухарских наместников. Мятеж Баба-султана в случае его конечного успеха в корне изменил бы положение Ташкента: вместо формального суверенитета отдаленного государя была бы установлена действительная власть местного феодала, опирающегося на солидную военную силу; казахский хан потерял бы возможность держать Ташкент под угрозой; надежда захватить этот привлекательный центр была бы надолго потеряна.

Поддержка казахов сыграла решающую роль в подавлении мятежа Абдуллой. В апреле 1579 г. близ Ташкента Баба-султан потерпел поражение. Однако он сумел ускользнуть от преследования и скрылся в казахской степи. Стремясь разрушить союз Абдуллы с Хакк-Назаром, Баба-султан прибег к хитрости. В мае 1579 г. в ставку Абдуллы явился лазутчик от Баба-султана с донесением о том, будто казахи дали приют Баба-султану и его единомышленникам, сговорились с ним о совместных действиях против Абдуллы и готовятся напасть на бухарские владения. Абдулла не

<sup>1</sup> Хотба, или хутбе, — мусульманская молитва с упоминанием имени царствующего государя: царя, султана, хана и т. п.

<sup>2</sup> Жуз — казахское название государственно-территориального объединения казахов; в русской литературе обычно применялся термин «орда».

поверил лазутчику, приказал задержать его и тем временем запросил казахского хана о его подлинных намерениях. Вскоре от Хакк-Назара прибыл посланец. Хакк-Назар заверял Абдулла в неизбежности своей дружбы и подтверждал обязательство соблюдать «клятвенный» мирный договор. Хакк-Назар также сообщал, что в его руки попали сын Баба-султана и некоторые его эмиры; казахи готовы выдать пленников Абдулле живыми или мертвыми. Абдулла выразил полное удовлетворение объяснениями казахского хана. Лазутчик Баба-султана был казнен за ложный донос. Казахи получили от Абдуллы в награду за помощь четыре города по среднему течению Сыр-Дарьи.

Все же спустя короткое время Баба-султан новой хитростью добился своей цели. Он сделал вид, будто покоряется Абдулле, и заключил с ним в августе 1579 г. мир. Одновременно он заявил казахам, что уступает им важные области: Туркестан и Сабрана, — и потребовал за это, чтобы казахи выступили против Абдуллы. Действительно, некоторые казахские султаны, соблазненные возможностью легкой наживы, объединились с приверженцами Баба-султана и в конце 1579 г. совершили набег на бухарские владения за Сыр-Дарьей. Захватив скот и другую добычу, казахи вернулись обратно. Бухарский хан был возмущен этими событиями. Передача Туркестана и Сабрана казахам вовсе не входила в планы Абдуллы. Он рассматривал казахов как полезных союзников, но опасался чрезмерного их усиления. Набег на бухарские владения еще больше восстановил Абдулла против казахов. Союз между Абдуллой и Хакк-Назаром распался.

Баба-султан воспользовался моментом и весной 1580 г. возобновил вооруженную борьбу против Абдуллы. Хакк-Назар пребывал в бездействии: он, видимо, считал сближение с Баба-султаном ошибкой; но склониться перед Абдуллой и добровольно возвратить Туркестан он тоже не хотел. Нерешительность Хакк-Назара подорвала его авторитет среди казахских султанов. Начались внутренние раздоры. Объявив во всем происшедшем Баба-султана, Хакк-Назар подумывал уже о том, чтобы лишить Баба-султана жизни. Но Баба-султан предупредил действия своего противника.

В апреле 1580 г. Баба-султан встретился на берегу реки Шерабхане с присланными Хакк-Назаром для переговоров представителями. Среди них были сыновья Хакк-Назара и другие казахские султаны. В результате переговоров было решено направиться совместно к Хакк-Назару в ханскую ставку. По дороге Баба-султан, сидя верхом, вдруг схватил под уздцы лошадь ехавшего рядом с ним казахского султана и подал условный знак своей свите. Прежде чем казахские султаны смогли опомниться, люди Баба-султана обнажили мечи и зарубили всех казахов. Тотчас после этого Баба-султан отправил вооруженный отряд в ставку Хакк-Назара. Ничего не подозревавший казахский хан был застигнут

врасплох: Хакк-Назар разделил участь своих сыновей.

Бухарский протекторат. Со смертью Хакк-Назара казахское государство лишилось энергичного руководителя. Казахским ханом сделался престарелый, немощный телом и духом восьмидесятилетний султан Сыгай. Своим провозглашением он был обязан лишь тому, что остался после Хакк-Назара старшим в Жааныбековом роде. Сыгай сделал попытку отомстить за вероломное убийство своих родичей. В июне 1580 г. он настиг Баба-султана на берегу реки Талас и вступил с ним в бой. Но Баба-султан разбил Сыгай, захватил его кибитки и скот и ушел на запад, к Сыр-Дарье.

При хане Сыгае Казахский союз уже не играл самостоятельной политической роли. Возраставшее могущество Абдуллы бухарского и сознание собственного бессилия побудили Сыгай искать покровительства узбеков. В 1581 г., когда Абдулла выступил из Самарканда в новый поход против Баба-султана, Сыгай со своим старшим сыном Тевеккелем и другими султанами явился в лагерь Абдуллы и формально поставил себя под протекторат бухарского хана. Абдулла принял Сыгай весьма благосклонно. Именно такие, вассальные отношения казахов соответствовали его планам. По случаю прибытия Сыгай Абдулла устроил торжественный пир, обласкал казахского хана и пожаловал ему как своему вассалу в качестве удела Ходжент.

Сделавшись бухарским вассалом, Сыгай отошел от руководства казахами. Он уехал в свой новый удел Ходжент и хотя потом наезжал в лагерь Абдуллы, но фактически не Сыгай, а его сын Тевеккель стоял во главе казахских отрядов, участвовавших в военных действиях против Баба-султана.

Тевеккель отличался исключительной отвагой. По свидетельству современников, слава о его храбрости распространилась по всему Дешти-кипчаку. Абдулла назначил Тевеккеля командиром головного полка и посылал в наиболее ответственные экспедиции. Неоднократно Тевеккель вырубал бухарские войска из опасных положений, добывал скот и продовольствие, когда иссякали съестные припасы, и неутомимо преследовал противника по неизведанным пространствам казахских степей.

Осенью 1581 г., когда Абдулла вернулся в свою столицу и расположился на отдых, Тевеккель остался при дворе бухарского хана. Молодой казахский султан пользовался большим благоволением со стороны своего покровителя. Абдулла поместил Тевеккеля в ханском загородном дворце вместе со своим сыном и наследником Абд-уль-Мумином. В день праздника Курбан-байрам Абдулла устроил в этом дворце традиционное развлечение: стрельбу из лука по золотым и серебряным шарам, привешенным на верху высокого шеста. Тевеккель вышел победителем на состязании. Абдулла щедро награждал его сверх оставленных ему, по обычаю, сбитых драгоценных шаров.

Жизнь при бухарском дворе тяготила Тевеккеля. Пока продолжалась борьба против общего врага — Баба-султана, Тевеккель не покидал Абдуллы. Но эта совместная цель — уничтожение Баба-султана — была единственным связующим звеном между казахами и бухарцами: во всем остальном и в особенности в вопросе о принадлежности Ташкента и городов, расположенных в низовьях Сыр-Дарьи, политические стремления казахов и бухарцев резко противоречили друг другу.

В начале 1582 г. Абдулла предпринял новый, решительный поход против Баба-султана и его сторонников. Тевеккель со своими отрядами сопровождал Абдуллу. Перейдя Сыр-Дарью, бухарские войска взяли город Сайрам и оттуда двинулись на Туркестан. Баба-султан при приближении бухарцев бежал в Дешти-кипчак. Абдулла преследовал его по пятам. К весне 1582 г. бухарские войска дошли до хребта Улуту. Здесь Баба-султану тоже удалось ускользнуть. Сговорившись с ногайскими мурзами, он скрылся в их кочевьях. Абдулла вынужден был вернуться на юг, ограничившись посылкой отдельных отрядов в погоню за Баба-султаном и его приверженцами. Тевеккель принял участие в преследовании бежавших сторонников Баба-султана, а затем расположился на Ак-курганской яйле, где под его присмотром пались табуны коней бухарского войска.

Однако Баба-султан недолго пробыл у нагайцев: неугомонный заговорщик, он задумал перебить ногайских мурз и овладеть их краем. Мурзы узнали о заговоре. Баба-султану пришлось бежать от нагайцев. Свою последнюю надежду Баба-султан теперь возлагал на то, что сумеет обратиться в район города Туркестана и там снова собрать сторонников. С этой целью он тайно послал в Туркестан двух калмыков-лазутчиков. Но это и погубило Баба-султана.

Калмыки-лазутчики, прибравшиеся к Туркестану, были схвачены людьми Тевеккеля. Немедля Тевеккель, взяв калмыков в проводники, отправился на розыски Баба-султана. На этот раз поход увенчался успехом. В августе 1582 г. Тевеккель, вернувшись в бухарский лагерь, доставил Абдулле голову Баба-султана.

Так закончилась долголетняя борьба с мятежным ташкентским феодалом. Тевеккель получил от бухарского хана в награду дорогую одежду, деньги и богатый удел — Аферидкент, бывший удел Искендер-хана, отца Абдуллы.

Завершение борьбы с Баба-султаном вконец изменило отношения между казахами и Бухарой: общей цели больше не существовало. Ташкент и Туркестан окончательно признали над собой власть Абдуллы. Последний перестал нуждаться в поддержке казахов. В свою очередь казахи, стремившиеся сами к обладанию этими районами, видели теперь в лице Абдуллы не союзника, а соперника.

В том же, 1582 г. умер хан Сыгай. Как отмечали современники, он скончался, «оставшись один» на чужбине, в Кумушкенте, близ города Бухары. Тевеккель еще не-

сколько месяцев оставался при бухарском дворе, но в начале 1583 г., во время возвращения бухарцев из похода на Анджиан и Фергану, он неожиданно, без объяснения причин, покинул Абдуллу и удалился к себе в Дешти-кипчак.

Период бухарского протектората над казахским ханством закончился. Тевеккель стал собирать силы для борьбы против Бухары, за обладание Ташкентом и Туркестаном.

Борьба за Ташкент. Возвратившемуся на родину Тевеккелю пришлось прежде всего добиваться, большей частью с оружием в руках, утверждения своих прав на отцовский престол. С момента гибели Хакк-Назара в казахской степи снова воцарились смуты и разброд. Хан отсутствовал: он превратился в служилого человека при бухарском дворе. Многие султаны перестали признавать его власть. В каждом из трех жузов сложились собственные династии. Около трех лет боролся Тевеккель в Дешти-кипчаке за ханский титул. К 1586 г. ему удалось сломить сопротивление большинства непокорных султанов и воссоздать объединение казахских жузов под своей верховной властью. Но в отличие от времен Хакк-Назара Казахский союз при Тевеккеле был гораздо менее прочным. Старший жуз жил совсем обособленной жизнью. Надежной опорой Тевеккель-хану был только средний жуз.

Сложнее стало также международное положение казахского государства. В 1583 г. Абдулла, после смерти Искендер-хана, провозгласил себя главою всех шейбанидов. Его обширная монархия располагала крупными военными силами.

В этих условиях борьба за Ташкент, задуманная Тевеккелем, представлялась крайне трудным, почти безнадежным предприятием. Тем не менее Тевеккель упорно ставил ее главной целью своей внешней политики. Им руководило стремление воплотить в жизнь давнишние чаяния казахов-кочевников, тяготевших к оседлым районам Средней Азии; он считал, что без осуществления этого основного требования не сумеет укрепить свой авторитет и восстановить силу, единство и независимость Казахского союза.

Первую попытку захватить Ташкент Тевеккель сделал в 1586 году. Он знал, что Абдулла-хан с основной массой войск находился в то время на юге своего государства. Собрав многочисленный отряд, Тевеккель внезапно вторгся в пределы ташкентского округа. У Шерабхана его встретили казахи, вооруженные гораздо хуже ташкентцев. Они не имели даже панцирей. Защитой от стрел служили им лишь шубы и ержаки<sup>1</sup>. Поэтому ташкентцы били казахов слабым противником и бросались на них без всякой предосторожности. Но казахи стойко отразили натиск и, перейдя к контратаке, быстро сместили ташкентцев. В

<sup>1</sup> Ержак — одежда из лошадиной шкуры.

ташкентском войске возникла паника. Теперь казахи казались испуганным ташкентцам опасным врагом. Как писал в свое время узбекский летописец, казахи в представлении узбеков были «отчаянные головы, в бою бесстрашные, явившиеся, подобно волкам, одетыми все в шкуры, с лицами, подобно коже на щитах, съезженными и полными морщина».

Несмотря на то что ташкентское ополчение было разгромлено, Тевеккель все же не смог овладеть городом. На помощь Ташкенту спешно прибыло из Самарканда сильное войско под командованием брата Абдуллы. Тевеккель не решился принять бой и скрылся в степь. Отправленная за ним погоня потеряла его след.

Через два года — в 1588 г. — Тевеккель снова попытался захватить Ташкент — на этот раз путем восстания, организованного его агентами в самом Ташкенте. Восставшие свергли бухарского наместника. Одним из казахских султанов был провозглашен ташкентским ханом. Но Абдулла быстро подавил мятеж, Ташкент остался под властью Бухары.

Неудача не обескуражила Тевеккеля: он продолжал исполнять готовиться к новому выступлению. В поисках внешней поддержки Тевеккель даже обращался к московскому царю Федору Ивановичу. В 1594 г. он направил в Москву своего посла. Ближайшим поводом для отправки посольства послужило желание Тевеккеля вывозить из русского плена своего племянника Ураз-Мухаммеда (впоследствии казимовский царь), гостившего в 1588 г. у одного самаркандского владельца и захваченного там русским воеводой Даниилом Чулковым. Но, помимо просьбы о возвращении Ураз-Мухаммеда, посол Тевеккеля сделал московскому правительству важные политические предложения. Казахский посол не скрыл от царя и от Бориса Годунова, что отношения между казахами и бухарцами напряженные и что между ними существует не мир, а перемирие. «С бухарским ханом теперь в миру на время», — говорил посол Тевеккеля. Ввиду этого казахский посол просил Годунова отпустить вместе с ним в Казахстан находившихся в то время в Москве представителей иранского шаха, чтобы Тевеккель мог сговориться с ними о совместных действиях против Абдуллы. Посол также вручил царю грамоту от Тевеккеля, содержавшую формальную просьбу признать казахского хана в московское подданство.

Царь Федор Иванович благосклонно отнесся к предложению Тевеккеля о переходе в московское подданство. Но оказать казахам реальную помощь далекая Москва не могла. Последний к Тевеккелю в 1596 г. вместе с возвращавшимся казахским послом переводчик Вельямин Степанов привез ответную грамоту царя Федора: московский царь сообщал Тевекке-

лю, что принимает его в подданные, и обещал прислать «снаряд огнестрельный» (т. е. пушку); за это Тевеккель должен своими силами смирить и Абдуллу бухарского и Кучума сибирского; что же касается Ураз-Мухаммеда, то царь отпустит его лишь при условии, если Тевеккель заменит представит в аманаты (заложники) своего собственного сына. Таким образом, переговоры с Москвой закончились не совсем успешно. Тевеккель отказался от мысли о принятии подданства царю и решил вести борьбу против Бухары самостоятельно.

Благоприятная обстановка сложилась для казахов в 1597—1598 годах. Монархия Абдуллы вступила в это время в полосу острого политического кризиса. Разнородные элементы, входившие в ее состав, стали проявлять настойчивые сепаратистские стремления. Внутри самой ханской фамилии возникли раздоры: против Абдуллы выступил его сын Абд-уль-Мумин, поддержанный многими феодалами.

Тевеккель-хан использовал ослабление Абдуллы. В начале 1598 г. казахские отряды подошли к Ташкенту. Абдулла, все еще надеясь на качественное превосходство своих вооруженных сил, выслал против Тевеккеля сравнительно небольшое войско. Бой произошел на полдороге между Ташкентом и Самаркандом. Бухарские войска потерпели жестокое поражение: только жалкие их остатки вернулись в столицу.

Встревоженный этим событием, Абдулла прибыл в Самарканд, чтобы лично во главе войска; но вскоре, в марте 1598 г., Абдулла умер. Летом того же года его преемник Абд-уль-Мумин был убит мятежными эмирами. Монархия Абдуллы окончательно распалась. В отдельных частях прежнего обширного ханства, в Бухаре, Герате, Балхе, возникли самостоятельные государи.

Осенью 1598 г. Тевеккель с многочисленным войском предпринял большой поход. В короткий срок он захватил города Туркестан, Ташкент, Самарканд и двинул вплоть до провинции Мианкала. Правителем Самарканда Тевеккель назначил своего брата султана Есыма, а сам с восьмидесяти тысячной армией отправился в Бухару. Однако одиннадцатидневная осада Бухары оказалась безрезультатной. Небольшой гарнизон Бухары выдержал натиск, а на двенадцатый день произвел удачную вылазку и нанес казахам тяжелое поражение. Тевеккель, раненый в бою, отступил со своей армией к Ташкенту. Здесь он в том же, 1598 г. скончался.

Провозглашенный ханом султан Есым предпочел прекратить борьбу, удовлетворившись наиболее важными для бухарцев завоеваниями. Он начал с ханом Бухары Пир-Мухаммедом мирные переговоры и вскоре заключил договор. Казахи отказались от Самарканда, но оставили за собой Ташкент и Туркестан.

## ПИСЬМА И. И. СРЕЗНЕВСКОГО ИЗ СЛАВЯНСКИХ ЗЕМЕЛЬ (1839—1842 гг.)

В. Кудрявцев

В 1835 г. в российских университетах были учреждены кафедры истории и литературы славянских наречий. Для подготовки преподавателей славяноведения министерство народного просвещения командировало в славянские земли четырех ученых, в числе которых был Исмаил Иванович Срезневский — сын профессора Харьковского университета.

В инструкции министерства народного просвещения указывалось, что летом ученые должны были путешествовать по селам и деревням славян, изучать их быт, язык, песни, сказки, предания и т. п., а зиму проводить в городах, приводить в порядок свои записи, обрабатывать их, проверять свои наблюдения и т. п.

Путешествие И. И. Срезневского длилось три года: с 17 сентября 1839 г. по 23 сентября 1842 года. Он побывал в Моравии, Чехии, Силезии, Сербии, Хорватии, Черногории, Словакии и других землях, посетил свыше 120 славянских селений и городов.

Будучи простым, душевным человеком, он быстро сходился с народом, получал от него много ценных сведений о языке, культуре, быте. Огромную помощь в деле изучения славянских народов ему оказывала многочисленная славянская интеллигенция того времени. Свои наблюдения и впечатления он изложил в письмах к матери. Эти письма первоначально не предназначались для печати. Опубликованы они были в 1892—1893 гг. в журнале «Живая старина», а затем в 1895 г. вышли отдельной книгой под названием «Путевые письма Исмаила Ивановича Срезневского из славянских земель».

Теперь, в свете борьбы всего славянства с самым заклятым его врагом — германским фашизмом, — письма И. И. Срезневского, написанные сто лет назад, приобретают новый, особенный интерес, так как в них русский ученый беспристрастно описал культуру западных и южных славян, их быт, язык. Тяжелое положение славянских народов, угнетаемых немцами и венграми, невольно заставляло его касаться и политических вопросов, и в этом особая ценность писем Срезневского. Он описывает политическое бесправие славян, их отношение к русскому народу и т. д.

Большое впечатление на Срезневского произвели прекрасные славянские города и чистые, опрятные селения, утопающие в зелени садов и огородов, хорошо возделанные пашни, хорошие дороги и богатая природа.

«В 7-м часу утра, — пишет он, — мы подъехали к горам, окружающим Прагу... Когда-то сердце мое трепетало, когда я подъезжал к Москве: теперь оно также трепетало. И в самом деле, Прага имеет сход-

ство с Москвой. Чудный город!»<sup>1</sup> Такие же прекрасные города ученый видит и в других славянских землях. Всюду он наблюдает высокую материальную культуру, созданную руками трудолюбивого славянского населения.

Срезневский пытливо всматривается в этнический тип славянских народов, находит ряд общих черт у всех славян и сходство их с русскими и украинцами. В письме из Воднян (Чехия), рассказывая о путешествии по Богемии, он пишет матери: «Глядя же на лица поселянок, вы бы не отгадали, что они — не Русские: одежды тоже напоминают наших Коломенок, Белгородок и пр. Милые, добродушные физиономии и так приветливы»<sup>2</sup>.

В другом письме, от 7 августа 1840 г., он отмечает: «И в Опольи, и кругом народ очень красив — особенно женщины. Прекрасные, правильные, нежные и полные огня лица, и стан стройный, как у Ганачек. Дети настоящие ангельчики»<sup>3</sup>.

Такой же, чисто славянский тип Срезневский наблюдает и у южных славян. Описывая внешность словенца — жителя Штирии, — ученый говорит: «Странно мне было в первый раз взглянуть на здешнего штирца. Бородку бы ему да штаны в сапоги, так и был бы русский мужичок; а рубаха по-нашему спущена, а перепоясана тонким ремешком. Головы женщин, как в Малороссии: замужние — в очепках, девушки — в лентах»<sup>4</sup>.

Особенно большое впечатление произвели на молодого ученого сербы и черногорцы. Их гордая, воинственная осанка, смелая поступь, презрение к опасностям — все эти черты, выработавшиеся в результате многовековой борьбы за независимость, невольно привлекали симпатии к этому народу. «Народ сербский, — пишет Срезневский, — очень красив и если не добр, то, по крайней мере, с характером. Теперь он начинает отдыхать от прежних бед... Женщины в старинных народных костюмах, мужчины тоже в длинных рубахах сверх штанов, но в турецких капах, и народ, особенно мужички, чудесной — рослой, плечистой, усажи, юнаки»<sup>5</sup>.

Несмотря на различные географические и исторические условия существования славянских народов они сохранили свои ти-

<sup>1</sup> «Путевые письма И. И. Срезневского из славянских земель» (в дальнейшем «Путевые письма»), стр. 63. С.-Петербург. 1895.

<sup>2</sup> Там же, стр. 110.

<sup>3</sup> Там же, стр. 131.

<sup>4</sup> Там же, стр. 192.

<sup>5</sup> Там же, стр. 253, 254.

пичные славянские черты во внешнем облике. Но еще больше общих черт имеется в характере славянина, в его духовном облике. Самая характерная черта, которую Срезневский отмечает во многих письмах,— это славянское радушие, приветливость, гостеприимство. Где бы он ни был, с какими бы представителями славянских народов ни сталкивался, всюду он видел это неизменное чистосердечное славянское гостеприимство.

В Вазе, на родине известного представителя сербо-лужицкого возрождения — Смоляра,— русского ученого встретили очень тепло, с неподдельной радостью. «Витай, сынку! Витай, брачику! Витайче, кнеже! — говорили они и, по сербскому обычаю, жали руки...» И далее он отмечает: «Хозяйка не знала, как нас угостить, потчевала и водкой, и пивом, и хлебом с маслом, и разными разностями»<sup>1</sup>. Такое же искреннее гостеприимство он наблюдает и в других славянских землях: в Хорватии, Словении, Сербии, Черногории и т. д. В письме из Загреба (Хорватия) он сообщает: «На другое утро я отправился к Гаю; стоило мне сказать, что я русский и Срезневский,— как меня и Гай и другие, бывшие у него, давай целовать, обнимать»<sup>2</sup>.

Истинно славянское гостеприимство ученый наблюдал решительно во всех славянских землях и среди городской интеллигенции, и среди сельской, и среди крестьянства. Приветливость, радушие, гостеприимство, простота в обращении, честность, искренность — вот основные духовные черты славян, подмеченные Срезневским.

Славяне, по наблюдениям Срезневского,— горячие патриоты. Они любят свою родину, свой язык, свою культуру, дорожат и гордятся своей национальностью. Особенно сильно развито чувство патриотизма среди многочисленной славянской интеллигенции.

Срезневскому часто приходилось вместе с славянскими учеными, литераторами и общественными деятелями поднимать тосты за славян, за тот или иной славянский народ, выслушивать здравницы и пенные импровизации в честь славян. В Загребе известный деятель славянского возрождения Драшкович со слезами на глазах говорил: «Когда же наступит время, что все мы — братья славяне — подадим братски руки друг другу»<sup>3</sup>. Таких горячих патриотов, как проф. Я. Пуркыше, П. Шафарик, И. Смоляр, Коллар и др., Срезневский встречал очень много. Любовь к родине, к своему народу очень сильна и среди крестьянства. Именно эта любовь к родной земле, этот патриотизм дали возможность каждому славянскому народу сохранить свою национальность, язык и культуру во враждебном немецко-венгерском окружении.

Срезневский как лингвист уделял больше всего внимания изучению различных славянских языков: это было основой целью его научной командировки. Благодаря родственности славянских языков с рус-

ским и украинским Срезневский в течение короткого времени овладел ими. Так например чешский язык — «язык нежный, очень музыкальный» — он изучил в течение трех с половиной месяцев. Он не только хорошо понимал, но и свободно говорил на нем. Во всех этих языках он находит много сходного с русским. В письме из Вудшица, описывая лужицких сербов, он отмечает: «Сербы умный, добрый народ, не бедны, довольно образованны — по крайней мере все умеют читать, — и между тем сохранили много старых обычаев, обрядов, даже суеверий. Язык, занимая средину между польским и великорусским, очень приятен, но несомненно легок для выговора...»<sup>4</sup>.

В Хорватии Срезневский говорил по-русски и его прекрасно понимали хорваты. В письме из Загреба он приводит такой характерный случай: «Я говорю тут по-русски, и меня понимают очень хорошо. Ну, ученым людям куда бы ни шло, а вот что меня рассмешило: третьего дня ходила за город. Идем, идет хорват. Я к нему и по-русски, — все понимает. Спутники мои хохочут, что мы так легко разговариваем друг с другом, и спрашивают хорвата, откуда бы я мог быть.

— Хорват.

— Да разве я говорю по-хорватски?

— Да, по-хорватски»<sup>5</sup>.

Между тем Срезневский говорил, не ломая языка, а просто по-русски, по-московски. Таких фактов он приводит много в ряде писем.

Ученый находит сходство не только в разговорном языке различных славянских народов, но и в их фольклоре. У тех же лужицких сербов, по мнению Срезневского, некоторые песни имеют удивительное сходство с русскими. Например:

«Он дал ей перстень золотой,

И руку белую пожал,

И в ясны очи целовал.

«Прости и не забудь меня!» —

Так молвил он, — и на коня...

«Через три года жди меня!»

Прошли три года, и домой

Все сербы-молодцы идут

И песни весело поют.

И вышла Гальжа их встречать:

«Где ж милый мой?» «Га, милый твой

В земле остался он чужой.

Там, Гальжа, весело ему:

Нашел другую Гальжу он,

А Гальже нашей плет поклон...»

В могиле Гальжа; розы куст

На той могиле там цветет,

И соловей в тени поет»<sup>6</sup>.

В письме от 1 октября 1840 г. из монастыря Марья Звездячки он сообщает: «Лужичане хорошо живут и народ радушный, гостеприимный, довольно просвещенный, веселый. Что меня более всего радует, — это песни: как в России, они раздаются тут всюду, и даже многие напевы напоминают о русских»<sup>7</sup>.

<sup>4</sup> Там же, стр. 148.

<sup>5</sup> Там же, стр. 193.

<sup>6</sup> Там же, стр. 153.

<sup>7</sup> Там же, стр. 344.

<sup>1</sup> «Путевые письма», стр. 151—152.

<sup>2</sup> Там же, стр. 193.

<sup>3</sup> Там же, стр. 197.

Народные чешские песни правятся ученому своими прекрасными напевами: «Сходство с малороссийскими удивительное, а напевы еще музыкальнее».

Срезневскому бросается в глаза живой, веселый характер славянских народов, музыкальная одаренность их. Несмотря на притеснения и многовековой политической гнет славяне сохранили эти черты повсюду. Срезневский особенно восторгается музыкальной культурой Праги, золотой славянской Праги: «Прага языком может молчать<sup>1</sup>, но инструментом и гортанью—не в силах, и нет минуты ни днем, ни ночью, когда бы вы не слышали какой-нибудь мелодии»<sup>2</sup>.

Музыка раздается по всякому поводу: «То (обыкновенно вечером) перед домом какой-нибудь слесарки (барышни), накануне дня ее рождения, певцы поют ей серенаду, желая ей долголетия, здравия и все; то (обыкновенно поздним вечером) вбродается с гулянья стая молодых и поет народную песню или арию из оперы, или романс; а в промежутках слышите то гармонику, то коловратку (шарманку), то арфу, на которой играет какая-нибудь слепая, то кларнет, то скрипку, то фортепьяно, то то, то другое. Выходите из дому, когда хотите и куда хотите,—и вы музыки не минуете... Люблю Прагу за ее музыкальность»<sup>3</sup>.

Музыкальная культура Праги высока, ее музыкальные произведения резко отличаются от «пресных немецких мелодий». Любовь к народным песням, музыке, танцам Срезневский наблюдает и среди крестьянства всех славянских земель.

Срезневский, как уже было сказано, сторонился «политики», старался не касаться политических вопросов, но, пройдя многие славянские земли, увидев и почувствовав тот гнет, который испытывали славяне, он не мог удержаться на позиции аполитичного наблюдателя и в ряде писем привел много фактов угнетения славян немцами и венграми.

Немцы запрещают обучение на родном языке, стремятся онемечить славян, уничтожить их национальную культуру. Прага, веселая славянская Прага, боится говорить на родном языке, нежном и музыкальном: «В Праге немецкий язык владевает всюду... Жалость, как подумаешь, до какого унижения дошли чехи!»<sup>4</sup>.

В письме от 1 января 1841 г. Срезневский рассказывает, что для устройства чешского бала нужно было просить разрешения у полицмейстера, унижаться перед ним. «Чешский бал! Боже мой, что значит быть подвластным народом! Позволение дать бал получается от полиции. Написали просьбу, подали, полицмейстер загредел в ответ: «Но такой бал, какой был в прошлом году, не может быть». В прошлом го-

ду,—замечает Срезневский,— все было на этом бале по-чешски»<sup>5</sup>.

В Ополе (Силезия), где онемечивание славянского населения проводилось самым грубым, бесцеремонным способом, крестьяне жаловались Срезневскому, записывавшему народные песни, сказания и пр.: «Пишите, пишите, пане, да не забудьте написать, что молиться велят, а читать не учат. Дали нам какого-то «затраченного немца» учителем: мы его не разумеем, а он нас. Вот мой сынишка твердит «фатер унзер» вместо «ойче наш»<sup>6</sup>.

Ученого возмущает, что немцы, живущие среди славян, ведут себя нагло и высокомерно: «Удивительно, или, просто, удивительно глупые люди эти немцы. Не без добрых, не без ученых людей между ними, но что глупость просвечивает всюду, это и слепой увидит. Я говорю о немецких немцах»<sup>7</sup>.

Венгры в свою очередь всячески угнетают умный и трудолюбивый, словацкий народ, стремятся омадьярить словаков и сербов. Политическое положение словаков весьма тяжелое. «И что тут должны терпеть словаки,—пишет Срезневский,—беда да и только. Даже на православных сербов хотя поднять руку и перевести и Библию, и каноны, и все церковные книги со старославянского на мадьярский и заставить молиться по-мадьярски»<sup>8</sup>.

В письме из Унгвара от 13 июля 1841 г. он констатирует: «Словацких книг календарских печатать уже не позволено; бедный народ, не знающий ни слова по-мадьярски, должен петь в церкви мадьярские песни; немудрено, что он ненавидит школу и не посылает в нее детей»<sup>9</sup>.

Венгры встретили Срезневского враждебно, чинили ему всяческие препятствия, неприятности, несмотря на то что все его документы были в полном порядке. Причине такого неприязненного отношения ученый видит в том, что он интересуется жизнью, бытом и языком словаков, которые «любят русских, а мадьяры их ненавидят, как и русских».

Срезневский в своих письмах многократно отмечает горячую любовь славянских народов к России и русским. Это наблюдается и среди славянской интеллигенции и среди простого народа. «В Турнове,—пишет Срезневский,—мы заходили в два дома, где все напоминает Русь—портреты и бюсты государя, виды Петербурга и Москвы, самовар, чай, русский язык хоть немножко... Как русский, я и здесь был принят с почетом»<sup>10</sup>.

В гор. Ползень приезде русского ученого были рады и хозяин и его гости: «Все они радовались, что видят русского в своем обществе, и за обедом пили тост венгерского во славу русских к пели импровизации в честь славян»<sup>11</sup>. В Сербии и

<sup>5</sup> Там же, стр. 183.

<sup>6</sup> Там же, стр. 133.

<sup>7</sup> Там же, стр. 130.

<sup>8</sup> Там же, стр. 283.

<sup>9</sup> Там же, стр. 316.

<sup>10</sup> Там же, стр. 103.

<sup>11</sup> Там же, стр. 109.

<sup>1</sup> Чешский язык в Праге всячески притеснялся.

<sup>2</sup> «Путевые письма», стр. 97.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Там же, стр. 109.

Черногории Срезневский часто беседовал с простым народом: «Многие останавливали нас вопросом, кто мы, но, узнавши, что мы русские, были очень дружелюбны»<sup>1</sup>.

Но особенно хорошее отношение к русским он наблюдал у словаков. Это чувство любви и уважения к великому славянскому собрату выразил словацкий писатель Иван Голый. Узнав в лице Срезневского представителя великого русского народа, И. Голый со слезами радости говорил: «Русской? Русской! О боже мой!» — и мы обнялись, как родные, как отец с сыном... Радость видеть русского одушевляла его. Голый обнимал меня, целовал, жал руки. «Русской! О вы, русские, великий народ, слава славяи! Русской!» Он утирал слезы». И дальше Срезневский отмечает, что нигде он не видал той глубокой любви к нам, к нашей славе, как у словаков. Провожая Срезневского, Голый напутствовал его словами: «Не забывай, милый друг, в твоей великой родине нас, бедных словаков, скажи своим, что мы их любим как братьев»<sup>2</sup>.

Это уважение и любовь к России и русским, по наблюдениям Срезневского, выражаются еще и в том, что учащаяся молодежь очень интересуется русским языком. Семинаристы гор. Загреба горячо приветствовали русского ученого и с гордостью рассказывали, что они учатся разным славянским языкам: одни — чешскому, другие — русскому. «По-русски, — отмечает Срезневский, — учатся больше всего и с удивительной ревностью», а у студентов Академии «ревность в изучении русского языка страшная». Молодежь любит русских «не только тут, но и во всей Крайне, Славонии, отчасти в Далмации и далее все молодое поколение за русских. Магьяры, напротив, боятся и ненавидят нас»<sup>3</sup>.

В своих письмах Срезневский неоднократно отмечает, что среди западных и

южных славян встречаются люди, которые неплохо говорят по-русски. Так например в Маковцах «некоторые по-русски говорят довольно хорошо». А среди славянской интеллигенции таких людей немало. Они любят русский язык, знают его, охотно говорят по-русски, подчеркивая, что русский язык «очень нежен и звучен».

Путешествие Срезневского совпало с тем временем, когда национальное самосознание славян достигло высокого уровня. Многие общественные деятели того времени мечтали о самостоятельности славянских народов, о свободном развитии их культуры, языка, литературы; многие мечтали о братстве всех славян.

Помощь, братскую помощь славянская интеллигенция того времени ждала от русского народа, народа-гиганта, богатыря, в представлении славян Запада и Юга. Сам Срезневский невольно поддавался этим чувствам братской славянской солидарности. Осматривая развалины замка великоморавских князей Святополка и Ростислава, он записывает:

«Печальные, угрюмые остатки  
Бывалого могущества славян...  
Что было тут, предание забыло;  
Постомок раб страдает под ярмом  
Своих врагов и ждет-неждет уныло,  
Осветит ли судьба своим лучом  
Его удел. Надежда искрой тлеет,  
И вспыхнула, и вновь уж леденеет...  
Угаснет ли несчастная иль нет, —  
На Севере готовится ответ»<sup>4</sup>.

Теперь, когда фашистско-немецкие варвары опять лишили славянские народы самостоятельности, попирают их национальную культуру, снова, как тогда, взоры славян обращены на Север, к великому русскому народу. Они знают, что доблестная Красная Армия, ведя борьбу против немецких оккупантов, борется за счастье и свободу всего человечества, в том числе и славянских народов.

<sup>1</sup> «Путевые письма», стр. 228.

<sup>2</sup> Там же, стр. 290.

<sup>3</sup> Там же, стр. 198.

<sup>4</sup> Там же, стр. 287.

# ДОКУМЕНТЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

## С ФРОНТОВ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

### 250 ДНЕЙ ГЕРОИЧЕСКОЙ ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ

#### Н а ш и в о й с к а о с т а в и л и С е в а с т о п о л ь

По приказу Верховного Командования Красной Армии 3 июля советские войска оставили город Севастополь.

В течение 250 дней героический советский город с беспримерным мужеством и стойкостью отбивал бесчисленные атаки немецких войск. Последние 25 дней противник ожесточенно и непрерывно штурмовал город с суши и с воздуха. Отрезанные от сухопутных связей с тылом, испытывая трудности с подвозом боеприпасов и продовольствия, не имея в своем распоряжении аэродромов, а, стало быть, и достаточного прикрытия с воздуха, советские пехотинцы, моряки, командиры и политработники совершали чудеса воинской доблести и героизма в деле обороны Севастополя. Немцы в июне бросили против отважных защитников Севастополя до 300.000 своих солдат, свыше 400 танков и до 900 самолетов. Основная задача защитников Севастополя сводилась к тому, чтобы как можно больше приковать на Севастопольском участке фронта немецко-фашистских войск и как можно больше уничтожить живой силы и техники противника.

Сколь успешно выполнял Севастопольский гарнизон свою задачу, это лучше всего видно из следующих фактических данных. Только за последние 25 дней пгтурма Севастопольской обороны полностью разгромлены 22, 24, 28, 50, 132 и 170 немецкие пехотные дивизии и четыре отдельных полка, 22 танковая дивизия и отдельная мехбригада, 1, 4 и 18 румынские дивизии и большое количество частей из других соединений. За этот короткий период немцы потеряли под Севастополем до 150.000 солдат и офицеров, из них не менее 60.000 убитыми, более 250 танков, до 250 орудий. В воздушных боях над городом сбито более 300 немецких самолетов. За все 8 месяцев обороны Севастополя враг потерял до 300.000 своих солдат убитыми и ранеными. В боях за Севастополь немецкие войска понесли огромные потери, приобрели же — руины. Немецкая авиация, в течение многих дней производившая массовые налеты на город, почти разрушила его.

Советские войска потеряли с 7 июня по 3 июля 11.385 человек убитыми, 21.099 ранеными, 8.300 пропавшими без вести, 30 танков, 300 орудий, 77 самолетов. Бойцы, командиры и раненые из Севастополя эвакуированы.

Военное и политическое значение Севастопольской обороны в отечественной войне советского народа огромно. Сковывая большое количество немецко-румынских войск, защитники города спутали и расстроили планы немецкого командования. Железная стойкость севастопольцев явилась одной из важнейших причин, сорвавших пресловутое «весеннее наступление» немцев. Гитлеровцы проиграли во времени, в темпах, понесли огромные потери людьми.

Севастополь оставлен советскими войсками, но оборона Севастополя войдет в историю отечественной войны Советского Союза как одна из самых ярких ее страниц. Севастопольцы обогатили славные боевые традиции народов СССР. Беззаветное мужество, ярость в борьбе с врагом и самоотверженность защитников Севастополя вдохновляют советских патриотов на дальнейшие героические подвиги в борьбе против ненавистных оккупантов.

Слава о главных организаторах героической обороны Севастополя — вице-адмирале Октябрьском, генерал-майоре Петрове, дивизионном комиссаре Кулакове, дивизионном комиссаре Чухнове, генерал-майоре Рыжи, генерал-майоре Моргунове, генерал-майоре авиации Ермаченкове, генерал-майоре авиации Острякове, генерал-майоре Новикове, генерал-майоре Коломийце, генерал-майоре Крылове, полковнике Капитохине — войдет в историю отечественной войны против немецко-фашистских мерзавцев как одна из самых блестящих страниц.

С о в и н ф о р м б у р о

## ИТОГИ ДВУХМЕСЯЧНЫХ БОЕВ НА СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОМ ФРОНТЕ

(С 15 мая по 15 июля 1942 года)

Ожесточенные бои на советско-германском фронте, происходившие с 15 мая по 15 июля, ясно выявили то новое, что отличает борьбу в 1942 году от борьбы в 1941 году. Это отличие состоит в том, что возросшая организованность и стойкость Красной Армии в борьбе с врагом принудили немцев сразу вводить в бой основные силы и резервы своих армий, продвигаться вперед гораздо более медленно, чем прежде, и нести в ходе боев огромные, невосполнимые потери людьми и техникой.

Вот данные о наших и немецких потерях за период с 15 мая по 15 июля 1942 года.

Немецко-фашистские войска потеряли убитыми, ранеными и пленными не менее 900.000 солдат и офицеров, из них убитыми не менее 350.000. Они потеряли кроме того до 2.000 орудий всех калибров, до 2.900 танков, не менее 3.000 самолетов.

Красная Армия потеряла за этот же период — 399.000 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести, 1.905 орудий всех калибров, 940 танков, 1.354 самолета.

Из этих данных видно, что только за последние два месяца немцы потеряли убитыми, ранеными и пленными около миллиона солдат и офицеров. В этом и состоит решающий итог двухмесячных боев. Правда, в ходе этих боев советские войска оставили ряд районов и городов, но нанесли гитлеровцам огромный урон в людях и технике.

Опыт показывает, что чем больше потерь несет германская армия, тем наглее ляжет германское информационное бюро, тем громче лай и визг несется из берлинской подворотни. За последние дни гитлеровцы в жульничестве и вранье превзошли даже самих себя.

Еще не просохли чернила на лживом сообщении германского командования от 13 июля, как германское информационное бюро опубликовало новое сообщение о потерях Красной Армии за два месяца. При этом называются убогие цифры якобы захваченных пленными, уничтоженных танков и орудий. Немцы сообщают, будто бы они с 14 мая по 13 июля захватили в плен 706.000 советских солдат, захватили и уничтожили 3.940 танков и 7.100 орудий. Это бредовое сообщение гитлеровцев, рассчитанное на дурачков, оставляет позади все известные до сих пор неуклюжие берлинские фальшивки. Если подсчитать по сообщениям германского информационного бюро якобы захваченные немецкими войсками за время войны трофеи, то окажется, что у Красной Армии уже давно не осталось не только ни одного танка и ни одного орудия, но не осталось также и солдат.

Гитлеровские жулики, публикуя фантастические данные, в прошлом уже не раз ставили себя в смешное положение. Потом им пришлось всячески выкручиваться. Однако, эти уроки им впрок не пошли. Они снова стараются одурачить население Германии и тем самым скрыть от немецкого народа правду об огромных потерях немецко-фашистской армии на советско-германском фронте. Но теперь мировое общественное мнение и даже население Германии, испытавшее на своей шкуре подлинные потери гитлеровских войск на советско-германском фронте, уже, как правило, встречают каждое «специальное сообщение» Гитлера народной поговоркой — «Ври, да знай меру»!

Совинформбюро

«Правда» от 17 июля 1942 г.

## МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

## СТАФФОРД КРИППС О СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

В полученном в Москве номере лондонской газеты «Дейли мейл» от 7 марта 1942 г. опубликован следующий текст интервью, данного членом британского военного кабинета, бывшим послом Великобритании в СССР сэром Стаффордом Криппсом американскому журналу «Лайф»:

«Когда меня попросили написать статью для журнала «Лайф», пишет Криппс, я, естественно, осведомился, что хочет от меня его редактор, помимо туманных и общих замечаний о России.

После этого редактор прислал мне ряд вопросов, которые, по его мнению, представляют интерес для читателей и на которые он хотел бы получить от меня ответ. Это я и намерен сделать. Если вопросы поставлены неправильно, то это не моя вина. Однако, если данные ответы не являются исчерпывающими, то за это я несу полную ответственность.

1. Каким образом война отразилась лично на Сталине?

В течение продолжительного времени Сталин ожидал, что России придется бороться против агрессии ее западных и восточных соседей, и в течение нескольких лет он подготовлял Советский Союз к обороне.

Сам он никогда не имел агрессивных намерений, хотя понимал необходимость сильных стратегических границ. Он всегда надеялся на то, что его оставят в покое для продолжения мирного развития его собственной страны.

После начала войны положение Сталина в его стране стало неизмеримо прочнее, и он доказал, что он является таким большим человеком, каким его всегда считали многие люди.

2. Руководит ли войной лично Сталин?

Все важнейшие решения принимает он. Несмотря на то, что он имеет много способных помощников, он несет основную ответственность за все принятые решения.

3. Является ли перевод русской промышленности на восток по мере продвижения немцев решающим фактором в успехах русских?

Этот вопрос имеет две стороны — перевод промышленности из угрожаемых районов на восток имеет преимущество для русских и невыгоден для немцев.

Прежде всего, перевод промышленности на восток является частью провозглашенной политики лишать противника всего, что может быть ему полезным. Однако одновременно это мероприятие было рассчитано на то, чтобы спасти для русских часть промышленности, которая в противном случае была бы потеряна.

Это мероприятие было проведено успешно в обоих отношениях и явилось весьма ценным для обеспечения успеха русских.

4. В каком отношении Россия стала сильнее и в каком слабее, чем она была до войны?

Единственные возросшие слабости России неразрывно связаны с потерей людей и территорий.

Сейчас в России людские ресурсы сократились в результате потерь на фронте и вследствие того обстоятельства, что значительное количество гражданских лиц было уведено в Германию, иногда под видом военнопленных в нарушение всех международных соглашений. В результате того, что обширные районы все еще оккупированы немцами, у России сократились возможности для производства продовольствия и добычи сырья.

С другой стороны, в России с начала войны имеются крупные достижения. Количество обученных и полностью снаряженных солдат стало значительно больше, и выпуск продукции предприятиями, а также добыча в горно-рудной промышленности и производительность крестьянских хозяйств в неоккупированных районах весьма значительно увеличились.

Изобретены новые орудия войны, а в конструкцию самолетов и танков внесены улучшения. Но прежде всего русские на своем горьком опыте научились методам борьбы с моторизованными силами немцев. Русские — это первый народ, показавший свою способность отражать тактику молниеносной войны, даже в тех случаях, когда они имели меньшее число машин и людей, что неоднократно происходило на 2.000-мильном фронте.

5. Будет ли Россия наступать так же успешно, как обороняться?

Это во многих отношениях должно зависеть от характера наступательных действий, которые будут предприняты. Коммуникации в России развиты не столь хорошо, как в Германии, поэтому русским будет не так легко быстро сконцентрировать и перебросить свои войска.

6. Не поясните ли вы свое заявление о том, что в июне этого года русские армии будут в два раза сильнее, чем они были в начале войны?

Причина этого заключается в том, что Россия была застигнута врасплох вероломным нападением своего недавнего друга. У нее не было ни времени, ни нужды заранее мобилизовать свои огромные человеческие ресурсы.

В стране таких размеров, как Россия, необходимо много времени для проведения полной мобилизации и сосредоточения всего нужного снаряжения, особенно, когда происходят ожесточенные бои и непрерывно осуществляется широкое отступление. Однако с самого первого дня войны началось неуклонное проведение мобилизации. Именно введение в бой первых вновь созданных армий перетянуло чашу весов против Германии.

Теперь эти новые армии будут вступать в строй из месяца в месяц, и несмотря на понесенные потери, они обеспечат достаточное количество войск на передовой линии.

С моей точки зрения, к июню у России будет, по крайней мере, в два раза больше солдат, чем их было, когда началась война.

7. Что вы думаете о политике русских выдвигать на командные должности молодых офицеров?

Эта политика является частью здорового реализма советской точки зрения. Русские заняты тем, чтобы выиграть войну, и все, что способствует этому, ими используется.

Если люди не справляются со своей работой, то их отстраняют, и другие занимают их места. Советское правительство в течение нескольких лет обучало своих офицеров в военных школах, и сейчас эта молодежь показала, что она оправдала труды по ее обучению.

8. Как далеко намерена Россия послать свои армии в Европу?

План Сталина — полностью и окончательно разбить нацистов. И русские армии войдут в Европу на такое расстояние, на какое это будет необходимо для осуществления этой задачи.

По моему мнению, не может быть и речи, чтобы русские остановились на полпути с тем, чтобы пойти на компромисс, или по какой-либо иной причине, до тех пор, пока Германия не будет полностью разбита.

Я считаю, что основной целью будет Берлин, поскольку он является нервным центром германской агрессии и силы. Именно в нем державы оси будут окончательно разбиты.

9. Рассчитывают ли русские разбить немцев без англо-американской помощи?

Я полагаю, что советское правительство уверено в том, что в конечном итоге русские разобьют немцев, даже если им придется бороться один на один. Однако в этом случае потребовалось бы больше времени для того, чтобы кончить войну.

Несомненно, что русские не рассчитывают сделать это без нашей помощи, поскольку они ожидают, что их союзники помогут в их борьбе.

Обе наши страны уже кое-что сделали в области оказания материальной помощи, и я надеюсь, что мы не только будем продолжать то, что мы уже делаем, но и будем оказывать все большую и большую помощь.

Английские танки и самолеты уже сыграли свою, хотя пока и небольшую, роль в боях с немцами на русской земле.

Существует, однако, другая сторона вопроса, имеющая большое значение.

Я полагаю, что советское правительство хотело бы, чтобы войска его союзников вступили в Германию одновременно с его собственными войсками и приняли бы участие в поражении германских армий и в оккупации германской территории.

Это — мудрая точка зрения, и мы должны подготовиться к тому моменту, который может наступить скорее, чем многие из нас, повидному, считают.

В конечном итоге мы не можем ограничить наше сотрудничество одним только снабжением материалами; мы должны предпринять совместные действия с тем, чтобы заслужить решающий голос в организации Европы.

10. Каким постоянным территориальным границам Россия намерена установить для себя?

По этому вопросу я должен говорить с большей осторожностью и высказать самое близкое к истине мнение, которое я способен дать.

Я не говорю, исходя из каких-либо сведений, о том, какие именно требования выдвинуло советское правительство.

После прошлой войны и русской революции, за которой последовала попытка держав-победительниц уничтожить большевистское правительство и вернуть к власти «белое» русское правительство, территория России была значительно урезана.

То, что считалось безопасным в руках царского правительства, было найдено небезопасным оставлять в руках его преемника.

Финляндия стала свободной страной. Из балтийских государств были созданы три небольших независимых страны — Эстония, Латвия и Литва. Польша, воссозданная как королевство, боролась с Россией и расширила свои границы за счет последней, а Бессарабия перешла к Румынии.

Все эти изменения не только сокращали размеры Советского Союза, но были откровенно рассчитаны на то, чтобы ослабить его в стратегическом отношении.

Страх перед большевизмом принял практические формы мероприятий по уменьшению мощи Советской России.

Впоследствии, в первый период происходящей мировой войны, советское правительство пыталось восстановить в стратегическом отношении свои границы на западе против Германии. С точки зрения будущего мира можно только приветствовать, что это было сделано до германского нападения, ибо это расширение границ дало возможность советскому правительству отступить, не потеряв таких жизненно важных центров, как Москва и Ленинград.

Для защиты Ленинграда совершенно необходимо, чтобы русские контролировали Финский залив и балтийское побережье. Необходимо также, чтобы в непосредственной близости к жизненным центрам советской промышленности не было мелких государств, которые могут быть использованы враждебными державами в качестве базы для нападения.

Это означает, что, исходя из стратегической необходимости существующего положения, советское правительство должно претендовать на те границы, которые оно защищало от нападения Германии, — границы июня 1941 г.

Возможно, имеется одно исключение, а именно: когда началась война между Россией и Германией, русско-польская граница, несомненно, носила временный характер, и ее окончательное очертание будет разработано, а я рад это сказать, двумя ставшими теперь дружественными государствами — Польшей и СССР.

Советское правительство не намерено, а в этом я убежден, требовать чего-либо большего в области территориальных приобретений.

11. Каковы военные и мирные цели России?

Что касается территориальных целей, то я уже изложил свою точку зрения. Военные цели России точно такие же, как и военные цели Англии и Соединенных

Штатов, а именно — окончательное уничтожение агрессии и избавление мира от повторения событий прошлых двух десятилетий.

Ее мирные цели — перестройка Европы и мира на такой основе, которая даст возможность советскому правительству продолжать в мирных условиях развитие своей страны.

В этой связи русские считают необходимым применить определенную меру наказания к тем, кто несет ответственность за жестокости происходящей войны, чтобы показать миру, что цивилизация не потерпит подобного поведения.

Другими словами, я считаю, что русская концепция послевоенного мира может быть изложена в следующих словах: СССР стремится к тому, чтобы мир во всем мире обеспечивался сильными Соединенными Штатами, СССР и Великобританией. Русские весьма реально оценивают будущее и не считают, что один либеральный идеализм обеспечит покой в мире, в котором потребуется много лет, чтобы сгладить горечь войны, и в котором что-либо похожее на всеобщее разоружение не может иметь места.

12. Установят ли русские коммунизм на оккупированных ими территориях?

Если под этим вопросом подразумевается временная оккупация без намерения оставить за собой эти территории, то ответ должен быть отрицательным. Те территории, которые русские сочтут необходимым оккупировать в целях своей собственной безопасности, будут включены в состав Союза Советских Социалистических Республик, как автономные республики в рамках Союза.

13. Какую экономическую систему русские предусматривают для Германии?

Советское правительство всегда проводит различие между германским народом и нацистами. Оно полно решимости уничтожить нацистов и все их творения, но оно не хочет уничтожать или вмешиваться в жизнь немцев при условии, что они согласны в будущем придерживаться рамок своей страны.

Русские поэтому не попытаются навязать немцам какую-либо особую экономическую систему при условии, что они отрекутся от Гитлера и его национал-социализма, который является не чем иным, как ширмой для проведения агрессии и захвата чужих территорий.

14. В каких размерах русские все еще придерживаются идеи мировой революции?

Если в экономической системе произойдут глубокие сдвиги, то, несомненно, русские, как и многие другие люди, будут ожидать, что эти сдвиги осуществляются революционными методами. Однако это отнюдь не означает, что они захотят использовать свое политическое влияние с тем, чтобы начать революцию в других странах. Факты говорят как раз об обратном.

Об этом я могу говорить с полной уверенностью, ибо мне было заявлено непосредственно самим Сталиным и недавно неоднократно и открыто заявлялось советским правительством, что русские не хотят вмешиваться во внутренние дела других государств. Они хотят проводить политику, основанную на принципе — живи и живи давай другим. Они намерены с помощью достижений своей системы убедить других в ее ценности и желательности ее принятия.

Я хотел бы особенно подчеркнуть этот вопрос, ибо Гитлер и его агенты всегда пытаются использовать страх перед так называемой «большевизацией» Европы с тем, чтобы ослабить союз между его противниками.

15. Имеет ли Сталин точное представление об Англии и Америке?

На этот вопрос крайне трудно ответить, ибо я полагаю, что мое представление об Англии и Америке, возможно, весьма отличается от представления некоторых американцев и англичан!

По моему мнению, Сталин убежден в решимости Черчилля и президента Рузвельта сделать все, что в их силах, для поражения нацистов.

Он знает, что мы хотим оказать помощь, но он, возможно, не совсем уверен в том, как далеко мы готовы пойти в этом направлении. Он точно так же не совсем уверен в том, каково будет наше отношение к России после окончания войны и после того, как начнется реорганизация Европы.

Я считаю крайне необходимым для будущего цивилизации без промедления выяснить отношения между тремя странами.

16. Изменила ли война идеи русских?

Если под этим подразумевается вопрос о том, отказались ли русские от своих идей о лучшей форме организации страны, то ответ, несомненно, будет отрицательным. На самом деле война показала, что русские являются единственным народом в Европе, который смог успешно отразить тактику молниеносной войны Гитлера.

17. Продолжает ли Россия считать, что проиграв нее восстановлен весь мир?

Позиция советского правительства в прошлом обуславливалась поведением других стран по отношению к СССР.

Отражение внешней враждебности, основанной на страхе перед «большевизмом», заставляло Россию вполне правильно полагать, что она находится в одиночестве среди враждебного окружения.

Будущее еще не совсем ясно, и хотя русские стремятся сотрудничать в послевоенной реконструкции, они еще не уверены в позиции двух наших стран в этом вопросе.

18. Опасаются ли советские вожди коалиции союзников, которая будет направлена против СССР после поражения Германии?

Было бы преувеличением полагать, что в СССР существуют какие-либо опасения по этому поводу, но необходимо понять, что вся прошлая история внешних отношений России не может быть сразу забыта. Поэтому советское правительство, как я уже заявлял, стремится узнать, каково будет действительное положение после войны.

19. Почему русские не подпускают близко к себе союзников и особенно военных наблюдателей?

Форма, в которой поставлен этот вопрос, излишне подчеркнута. Отсутствие тесного сотрудничества, поскольку это до сих пор имело место, является всего лишь частью неуверенности в будущем.

Однако дружественные отношения быстро развиваются, и я убежден, что наши народы питают друг к другу прекрасные чувства.

20. Какого рода партнером будет Россия на мирной конференции?

Это будет зависеть от степени, в которой мы сможем достигнуть твердого взаимопонимания, сотрудничества и дружбы с Советским Союзом до того, как мы встретимся за круглым столом конференции.

Я считаю совершенно необходимым не откладывать до последнего момента обсуждение наших точек зрения на мир, чтобы не принимать поспешных решений.

Будущее всего мира, или по крайней мере нашего поколения, будет зависеть от решений, принятых на мирной конференции.

Несомненно, будет вполне оправданным предпринять все возможное для обеспечения наилучших решений, которые могут быть достигнуты.

Это делает необходимым предварительное обсуждение всех основных вопросов странами, которые будут больше других заинтересованы в сохранении мира после войны.— Соединенными Штатами, СССР, Великобританией и Китаем».

«Правда» от 23 июля 1942 г.

# ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

## ЧИСЛЕННОСТЬ И РОЛЬ МОСКОВСКОГО НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ В БОРОДИНСКОМ СРАЖЕНИИ 1812 ГОДА

Б. Кац

Война с Россией, к которой Наполеон тщательно и долго готовился, представлялась ему короткой и молниеносной. Умело разработанные планы, законченное стратегическое развертывание армий, знание планов своего противника, а главное, численное превосходство в наличных вооруженных силах — все это должно было обеспечить Наполеону несомненный и быстрый успех. Но Наполеон не учел одного весьма важного обстоятельства, предрешившего полный крах всех его планов и разгром «непобедимой» армии. Он совершенно не знал национального свободолюбия русского народа, ответившего на вторжение иноземных захватчиков Отечественной войной. В стремлении русского народа сражаться за свою национальную независимость заключался неиссякаемый источник сил и энергии для русской армии, которая, опираясь на свой народ, слилась с ним в общем порыве борьбы.

Единство русской армии со своим народом проявилось в создании народного ополчения. Из шестнадцати губерний, где формировались ополченские части, Московское народное ополчение (его иногда именовали «Московская военная сила») было самым многочисленным и первым приняло участие в Отечественной войне.

Для организации ополчения в Москве было создано два комитета, которые немедленно приступили к работе. 16 июля (везде ст. стиль) М. И. Кутузов был избран главнокомандующим Московского ополчения, на другой день в Петербурге, совершенно независимо от Москвы, — главнокомандующим Петербургского ополчения. Таким образом, Москва первая признала Кутузова народным полководцем, видя в его лице лучшего суворовского соратника, мудрого вождя с многолетним и славным боевым опытом.

29 июля в Москве начался прием ополченцев, а также продовольствия, поступавшего от населения в виде пожертвований. Современники отмечают исключительный патриотический подъем среди широких народных масс. С. Глинка, первый ратник Московского ополчения, рассказывает: «В селах и деревнях отцы, матери и

жены благословляли сынов и мужей своих на оборону земли русской»<sup>1</sup>. Студенты Московского университета обращались с просьбой о зачислении их в ряды ополченцев.

Ополченцы размещались в Головинских, Хамовнических и Сретенских казармах, оружие — в Никольских, а продовольствие — на складах около Серпуховской заставы. Согласно выработанному положению, ополченцы делились на конных и пеших казаков и пеших егерей. В течение месяца ратники Московского ополчения проходили военную подготовку, и уже к 19 августа три ополченских дивизии были полностью готовы. Первая дивизия состояла из 1-го егерского, 2-го, 4-го и 6-го пеших казачьих полков. Эта дивизия сосредоточилась в Рузе; вторая дивизия, в составе 5-го, 7-го и 8-го пеших казачьих полков, — в Верее; третья дивизия, в составе 2-го и 3-го егерских, 1-го и 3-го пеших казачьих, — в Можайске. Общая численность всех трех дивизий — 27 672 человека<sup>2</sup>.

Сплоченность, высокое моральное состояние и численность Московского ополчения делали ополченский корпус внушительной силой. Недостатком Московского ополчения являлось его слабое вооружение. В письме к Кутузову московский генерал-губернатор Раstopчин пишет: «Что же до вооружения Московской военной силы выдано ружей, то сперва 7200, да после 2600 выдано из арсенала»<sup>3</sup>. Это письмо датировано 20 августа 1812 г.; следовательно, за несколько дней до Бородинского сражения Московское ополчение было вооружено огнестрельным оружием только на одну треть своего состава, основная же масса была вооружена деревянными пиками, а зачастую и просто рогатинами.

По приказанию главнокомандующего русской армией Кутузова все Московское

<sup>1</sup> Сборник «12-й год в воспоминаниях и переписке современников», стр. 90. М., 1912.

<sup>2</sup> Центральный военно-исторический архив (ЦВИА), оп. 11а, св. 281, д. № 3, л. 1.

<sup>3</sup> А. Пухтин «Московская губерния в отечественную войну», стр. 17.

ополчение должно было сосредоточиться в районе Можайска, куда отходила и русская армия на выбранную при селе Бородине позицию. Евреинов, состоявший в 1-м егерском полку, в своих воспоминаниях о выступлении ополчения из Москвы рассказывает: «Приближалась плоховина августа. Тогда Московскому ополчению повелено было выступить из Москвы. Все мы собрались на улице против Спасских казарм (ныне Перекопские казармы на Колхозной площади — Б. К.). Народу было, нас провожавшего, несчетное множество»<sup>1</sup>. 22 августа 1812 г. Московское ополчение прибыло на бородинскую позицию и приняло участие в знаменитом сражении.

Историками и исследователями Отечественной войны 1812 г. собран богатейший материал об участии в Бородинском сражении регулярных частей русской армии, московские же ополченцы остались в тени. Историк и некоторые современники не только не вскрыли действительной роли в сражении Московского ополчения, но даже значительно преуменьшили число московских ополченцев — участников Бородинского сражения.

Историк и участник сражения Бутурлин приводит цифру Московского ополчения, участвовавшего в сражении, в 7 тыс. человек<sup>2</sup>. Ту же цифру показывают Неелов<sup>3</sup> и историк Богданович<sup>4</sup>. Ермолов, начальник штаба 1-й армии, в своих записках определяет число московских ополченцев в 20 тыс. чел., которые целыми полками были приданы пехотным корпусам и использовались якобы только для выноса раненых<sup>5</sup>.

Историческая справедливость требует восстановления истины, касающейся доблестных сынов русского народа — московских ополченцев, которые несмотря на плохое вооружение героически сражались вместе с русской армией на холмистых полях Бородине против армии Наполеона.

Многочисленные документы, хранящиеся в ЦВИА (наградные и формулярные списки, различные ведомости о состоянии войск и др.), содержат богатейший материал, выявляющий благородную роль Московского народного ополчения в Бородинском сражении. Эти документы устанавливают численность Московского ополчения, участвовавшего в сражении. В сводке о численности войск 1-й западной армии, датированной 11 сентября 1812 г., когда московские ополченские полки были распределены по пехотным корпусам, указано, что только одна эта армия получила 8762 бойца Мо-

сковского ополчения<sup>6</sup>. Всего же в 1-й армии, в состав которой, согласно приказу Кутузова, вошла и 2-я армия, числилось 11179 ополченцев только строевой службы<sup>7</sup>. Ополченцы же, откомандированные после Бородинского сражения для целого ряда вспомогательных служб: сопровождения раненых, конвоирования обозов и пр. — в вышеуказанное количество не вошли.

Сопоставление документов, касающихся Московского народного ополчения, дает почти полную возможность установить степень и характер его участия во всей бородинской операции, т. е. с 22 по 26 августа — с момента прибытия на позицию.

Из общего числа 27 672 чел., составлявших одиннадцать полков, в Бородинском сражении принимало участие восемь полков (три егерских и пять казачьих) общей численностью в 20 748 человек<sup>8</sup>. Об участии в сражении остальных трех полков численностью в 6924 чел. никаких сведений пока не найдено.

Группировка Московского народного ополчения в системе боевого порядка русской армии на бородинской позиции исходила из общего оперативного замысла Кутузова. Основная масса ополченцев — четыре с половиной полка в количестве 11 677 бойцов под командой генерал-лейтенанта Маркова<sup>9</sup> — была придана 3-му пехотному корпусу Тучкова; совместно с этим корпусом ополченцы должны были нанести внезапный контрудар во фланг и тыл противника, атакующего левое крыло армии Багратиона.

Два батальона 1-го егерского полка (1301 чел.), оставшиеся от выделения корпусу Тучкова, были приданы 2-му пехотному корпусу и действовали совместно с ним. Установить же точное место еще одного егерского полка — 2-го (2590 чел.) — затруднительно, так как в наградном списке по этому полку есть только общее указание, что 26 августа два батальона полка находились при селе Бородине в течение шести часов под огнем неприятельской артиллерии и не отступали ни на шаг. Один батальон этого же полка был придан армии Багратиона и действовал совместно с ее частями, но где и с какими, не сказано. Можно предполагать, что этот полк в начале сражения находился близ самого Бородине и защищал его совместно с регулярными войсками или же впоследствии, в ходе самого сражения, был передвинут либо к батарее Раевского либо на левый фланг.

Названные нами документы устанавливают участие всех восьми московских ополченских полков в Бородинском сражении,

<sup>1</sup> «Русский архив» за 1874 год. Ч. 1-я, стр. 100.

<sup>2</sup> Бутурлин «История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 г.», Ч. 2-я, стр. 409. 1824.

<sup>3</sup> Неелов «Опыт описания Бородинского сражения», стр. 30. 1839.

<sup>4</sup> Богданович «История отечественной войны по достоверным источникам». Т. II, стр. 160. 1859.

<sup>5</sup> «Записки Алексея Петровича Ермолова», стр. 158. 1868.

<sup>6</sup> ЦВИА, оп. 209а, св. 17. Ч. 2-я, лл. 3—6.

<sup>7</sup> ЦВИА, оп. 209а, св. 17. Ч. 2-я, лл. 14—19.

<sup>8</sup> ЦВИА, оп. 208а, св. 0, д. № 3, л. 169; св. 138, д. № 21, лл. 121—128; св. 0, д. № 3, лл. 67—69; св. 0, д. № 1, л. 158; оп. 209а, св. 5, д. № 1, л. 154.

<sup>9</sup> В различных документах эта фамилия указана по-разному: Морков, Марков, — но это было одно и то же лицо.

главным образом на левом фланге, в районе старой Смоленской дороги. Ополченские батальоны, приданные 2-му корпусу, который по приказу Кутузова был направлен в помощь 3-му корпусу Тучкова, приняли участие в смелой контратаке и опрокинули противника. Два пеших казачьих полка (6-й и 7-й) в количестве 5180 чел. подошли к Бородину в самый разгар сражения и с марша были сразу же брошены в бой на подкрепление корпуса Тучкова, где обстановка была исключительно напряженной и критической. Ополченцы 6-го казачьего полка буквально с хода бросились на противника в штыки и вместе с гренадерами Павловского полка овладели Утицким курганом. Когда противник попытался обойти левое крыло армии Баграциона и там создалось угрожающее положение, то до подхода подкреплений Тучков опирался исключительно на ополченцев, которые своими усилиями не дали противнику прорваться вдоль старой Смоленской дороги. Кроме того на часть ополченцев легла и другая не менее важная задача — вынос раненых с поля боя из-под огня противника, — которую они выполняли не менее самоотверженно, сохранив жизнь многим тысячам русских солдат и офицеров.

Московское народное ополчение своим участием в Бородинском сражении в значительной степени усилило русскую армию. Своевременное прибытие московских ополченцев на бородинскую позицию, их фактическое участие в сражении изменило в соотношении сил русской и французской армий, которое до того было в пользу последней. До присоединения Московского ополчения русская армия насчитывала только 110 800 бойцов (не считая 3 тысяч Смоленского ополчения), имея против себя от-

борную 130-тысячную армию противника. С приходом Московского ополчения русская армия уже насчитывала 131 548 бойцов. Численно это почти уравнивало силы сторон, однако тактический перевес оставался, безусловно, на стороне армии Наполеона, ибо наскоро обученные и недостаточно вооруженные ополченцы не могли сравниться с кадровыми солдатами Наполеона, прошедшими длительный срок службы и накопившими большой боевой опыт. Высокой боевой выучке солдат противника ополченцы противопоставляли свою высокую доблесть, любовь к родине и лютую ненависть к захватчикам.

Численность потерь, понесенных Московским ополчением в Бородинском сражении, установить не удалось, так как в делах архива ведомостей о потерях ополченцев не обнаружено, но можно с уверенностью сказать, что эти потери незначительны, так как даже регулярные полки, действовавшие на левом фланге позиции и принимавшие на себя первый удар противника (части 2-го и 3-го пехотных корпусов), потеряли убитыми, ранеными и пропавшими без вести всего 1851 чел., что составляет 4% к общим потерям, понесенным русской армией в Бородинском сражении.

После Бородинского сражения вследствие большой убиты в частях регулярной армии Московское народное ополчение целыми полками и батальонами влилось в качестве пополнения в пехотные корпуса и в незначительной степени в артиллерийские роты и батареи<sup>1</sup>. Фактически перестав существовать как самостоятельное войсковое соединение, ополчение принимало участие в победоносных боях и сражениях до самого окончания Отечественной войны 1812 года.

<sup>1</sup> ЦВИА, ф. ВУА, д. № 3524, л. 9.

# КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

## КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

Ян В. „Чингиз-хан“. Повесть из жизни старой Азии (XIII век).

Государственное изд-во художественной литературы. М. 1939. 346 стр.

Среди лучших произведений советской литературы, отмеченных в 1942 г. высшей наградой — Сталинской премией, — следует оставить внимание на исторической повести В. Яна «Чингиз-хан».

Исторический роман в нашу героическую эпоху приобрел в широких читательских кругах особое значение, которого он не мог иметь в другое время. И едва ли можно найти исторический сюжет, более созвучный нашему времени, чем монгольское завоевание.

Грабительские полчища монголов, завоевавших в течение 1219—1221 гг. обширные территории Средней Азии, потрясли сознание всего тогдашнего культурного мира. Один из выдающихся арабских ученых первой половины XIII в., историк Ибн-ал-Асир, современник событий монгольского нашествия, хотя и не свидетель их, пишет о завоеваниях монголов Чингиз-хана следующее: «Если бы кто сказал, что с тех пор, как Аллах всемогущий и всевышний создал человека, по настоящее время мир не содержит (ничего) подобного, то он был бы прав: действительно, летописи не содержат ничего (сколько-нибудь) сходного и подходящего. Из событий, которые они описывают, самое ужасное, что сделал Навуходоносор с израильтянами по части избияния (их) и разрушения Иерусалима. Но что такое Иерусалим в сравнении с (теми) странами, которые опустошили эти проклятые, где каждый город больше Иерусалима. И что такое израильтяне в сравнении с теми, которых они перебили. Ведь в одном (отдельно взятом) городе, жителей которых они избивали, было больше, чем (всех) израильтян. Может быть, род людской не увидит (ничего) подобного этому событию до преставления света и исчезновения мира, за исключением разве Гога и Магога! Эти же (татары) ни вад кем не сжалились, а избивали женщин, мужчин, младенцев, распарывали утробы беременных и умерщвляли зародыши»<sup>1</sup>.

Эти слова Ибн-ал-Асира отражают впечатление, которое произвели грабежи и опустошения монгольских полчищ на куль-

турные круги Передней Азии. Человечество и до монгольского нашествия было знакомо с ужасами вторжения армий, разорявших цветущие земли. Однако никогда в прошлом бедствия не принимали таких размеров, никогда земля не видела столько трупов и развалин, как в годы походов Чингиз-хана.

Ибн-ал-Асир выразил надежду, что, «может быть, род людской не увидит (ничего) подобного этому событию». Увы, он глубоко ошибся! Гитлер и его разбойничьи армии далеко превзошли монголов Чингиз-хана в грабежах, убийствах, во всех творимых ими злодеяниях. Ненависть к фашистскому агрессору, который захотел уничтожить самое дорогое в жизни — независимость нашей родины и благополучие ее обитателей, — облегчает возможность советскому писателю, приступающему к историческому роману о монгольском нашествии, перекинуть мост от действующих лиц произведения к своему читателю несмотря на всю отдаленность и своеобразие двух этих эпох.....

Но все же задача автора была нелегкой. Ведь хорошо известно, что Флобер, напечатавший свой знаменитый исторический роман «Саламбо», потратил на его написание свыше десяти лет. Может быть, самая большая трудность при изображении личности Чингиз-хана состояла в том, чтобы избежать искажения его подлинного образа. В стремлении пробудить в читателе сочувствие к народам, перенесшим столько бедствий от монгольских зверств, и законное чувство ненависти к виновникам этих бедствий автор мог наделить Чингиз-хана такими чертами, которыми тот фактически не обладал.

В. Ян проделал большую подготовительную работу. На книге лежит печать тщательного изучения соответствующих тем глав классического произведения В. В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия». Автор отводит немало страниц центральной фигуре романа — Чингиз-хану. Но даже там, где непосредственно о Чингиз-хане не говорится, читатель ощущает его волю и направляющую руку. Образ Чингиз-хана много выиграл от того, что автор его рисует параллельно с обра-

<sup>1</sup> Тизенгаузен В. «Материалы по истории Золотой Орды», стр. 2.

зом Хорезм-шаха Мухаммеда — главного противника Чингиз-хана.

Чингиз-хан в изображении автора выступает человеком незаурядным. Это сильный, умный, энергичный военачальник. Его политическое сознание еще не доросло до мышления феодального государя: «Гениальный дикарь применял свои редкие организаторские способности все к более обширному кругу лиц и не видел разницы между качествами, необходимыми для начальника отряда в десять человек, и качествами, необходимыми для управления империей»<sup>1</sup>.

Слова эти сказаны не автором разбираемого произведения, а крупнейшим историком Востока В. В. Бартольд, и если мы позволили себе их привести, то только потому, что эта исторически верная характеристика политического мировоззрения Чингиз-хана очень удачно претворена в художественно-литературном плане в рассматриваемой повести.

Автор хорошо показал, что руководящей идеей всей политической деятельности Чингиз-хана являлся военный поход с целью грабежа. Чингиз-хан мало думал о судьбах захваченных им территорий, особенно о судьбах живущего на них населения. Его интересовала лишь добыча да производительная сила взятых в плен ремесленников. Сознание людей того времени, как отмечено, было потрясено необычайными жестокостями, творимыми монголами. В описываемых автором сценах Чингиз-хан не раз проявляет худший вид жестокости — спокойную жестокость. Чингиз-хан провел последние двадцать лет своей жизни в непрерывных походах и все свое внимание сосредоточил главным образом на тех сторонах человеческой деятельности, которые были связаны с войной. Характерно, что Чингиз-хан до самой смерти (1227) не думал об организации монгольского аппарата административного управления в завоеванных им странах. Хотя большую часть Средней Азии он отдал в управление своему второму сыну Чагатаю, однако не Чагатай фактически ею управлял. Для извлечения максимальных доходов из Средней Азии он шел наиболее целесообразным путем — прибегнул к услугам бывшего своего посла, купца и ростовщика Махмуд-Ялавача. Ему Чингиз-хан в последние годы жизни передал на откуп право взимания податей и повинностей.

Монголы в начале XIII в. находились еще на первой ступени развития феодального общества. Они были воинственны и охотно шли в походы, которые сулили им легкое обогащение. Сила военного гения Чингиз-хана сказалась в том, что он сумел, опираясь на старые кочевые членения войска — десятки, сотни, тысячи, тьмы (10 тыс.) — организовать замечательную по своей дисциплине и техническому оснащению армию. Характерно, что военная техника монголов была неже той военной техники, которую они получили от китай-

цев и мусульманских народов Средней Азии, входивших в состав государства Хорезм-шаха Мухаммеда.

Впротивовес Чингиз-хану Хорезм-шах Мухаммед выступает в качестве феодального государя с чертами восточного деспота. Хорезм-шах Мухаммед, в изображении автора, — человек по своему времени культурный. Он очень высокого о себе мнения, считает себя величайшим государем, с которым никто не может сравниться ни могуществом, ни авторитетом. Он считает себя также и лучшим полководцем своего времени. В дни великих испытаний жизнь показала, что он не был достоин той ответственности, которую возложила на него история.

Автор убедительно показал, что этот на вид могущественный и грозный государь не был даже полновластным хозяином у себя во дворце в столице государства Ургенче. Мать Хорезм-шаха Мухаммеда — Туркан-хатун, — властная, энергичная и хитрая кипчакка, была фактически проводницей кипчакского влияния при дворе. Кипчакская знать, стоявшая во главе хорезмшахской гвардии, явно добивалась возможности хозяйничать при дворе и в государстве, стремилась захватить лучшие военные должности и связанные с ними большие доходы. Занятие этих должностей открывало кипчакской знати также возможность наживаться путем разнообразных должностных злоупотреблений. Знать эта влияла на Хорезм-шаха не только через Туркан-хатун, но и через высшие слои реакционного мусульманского духовенства. Хорезм-шах стремился освободиться от этого влияния, но, в конце концов, так и не сумел этого сделать. Кипчакские «генералы» вместе с Туркан-хатун и наследника талантливого сына Хорезм-шаха — Джелал-ад-дина, — видя в нем решительного противника всех своих планов. Они задумали добиться у Хорезм-шаха постановления о лишении Джелал-ад-дина звания наследника престола и назначения на его место сына Хорезм-шаха от кипчакки — Кутб-ад-дина Озлаг-шаха. В конце концов они осуществили этот план.

Автору, несомненно, удалась глава «Заговор царицы Туркан-хатун», в которой описана сцена лишения Джелал-ад-дина звания наследника престола и назначения наследником Кутб-ад-дина. Эта сцена убеждает читателя в том, что Мухаммед был слабым государем, подозрительным человеком, причем часто подозрительность эта была обоснована и направлена на невинных. Автор правильно отмечает, что жестокость и несправедливость Хорезм-шаха сделали его непопулярным в глазах народа.

Компонуя историческую повесть, намекая действующих лиц, автор встретился с наибольшими трудностями при изображении главного действующего лица повести — народа. Если своих героев, руководивших происходившими событиями, автор нашел в исторически известных фигурах, то подлинных героев народа ему пришлось создать своей творческой фантазией. Среди

<sup>1</sup> Бартольд В. В. «Улуг-бек и его время», стр. 33.

этих героев повести следует отметить ко-чанника-туркимена Кара-канчара, грозу кудаческих караванов и знатных путешественников. Он выступает в качестве мстителя за насилия, чинимые туркменскому народу гражданскими и военными чиновниками Хорезм-шаха Мухаммеда. Его образ очерчен ярко, в нем благородство души переплетается с жестоким отношением к врагу. Тот, кого он удостаивал своей дружбы, мог быть уверен в его бескорыстной помощи и верности.

Интересна фигура шейха Меджд-ад-дина ал-Багдади<sup>1</sup> родом из Ургенча, столицы хорезмского государства, вольнодумца, скрывающегося от преследования реакционного духовенства и хорезмских властей. Это был образованный человек, дерзкий, отрекшийся от всякой привязанности к каким-либо материальным ценностям. Активная отзывчивость к людскому горю — его наиболее ценная черта. Следует иметь в виду, что указанный шейх ничего общего не имеет с исторической фигурой хорезмского шейха Меджд-ад-дина ал-Багдади, ученика знаменитого Наджем-ад-дин Кубра. Меджд-ад-дин ал-Багдади был убит по приказанию Хорезм-шаха еще в 1216 г., т. е. за несколько лет до монгольского нашествия. Главной причиной убийства явились его связи с ортодоксальным духовенством в Туркван-хатун, в которых и у Хорезм-шаха были тогда медалы.

Внимание читателя привлекает, конечно, образ Курбан-Кызыка, земледельца, типичного крестьянина начала XIII в., в поте лица добывающего себе скудное пропитание. Над ним висит постоянная угроза, что султанский чиновник может отнять у него последний кусок хлеба под предлогом взъяснения несуществующей недоимки или дополнительной подати. В этом худом, изможденном человеке бьется доброе сердце. Он оказался большим патриотом своей родины, способным на самую активную борьбу с монголами, в которой проявляет много энергии и сообразительности.

Читатель хорошо запомнит образ ловкого, хитрого посла Чингиз-хана — мусульманского купца Махмуд-Ялавача родом из Хорезма. Это был умный и тонкий наблюдатель. Состоя на службе у Чингиз-хана, выполняя по его поручению шпионские функции, он лучше самого Хорезм-шаха Мухаммеда разбирался в политической обстановке и хорошо знал реальное соотношение сил. Нельзя не поражаться, с какой легкостью он стал предателем своей родины. Главы, связанные с его именем, читаются с большим интересом. Таковы «Ночная беседа шаха с послом», «Что посол рассказал о Чингиз-хане», «Великий каган слушает донесение».

Основная часть повести посвящена знаменитому походу Чингиз-хана в Среднюю Азию. И здесь автору удалось показать полную растерянность хорезмского правителя, его двора и его чиновников. Всадар-

ные кипчакские «генералы», у которых не было ни военных способностей, ни чести, ни честности, ни простой любви к стране, ни питавшей, за весьма редким исключением, оказалась трусами и изменниками. Хорезм-шах Мухаммед не доверял своим кипчаками военачальникам, не без основания считая их своими врагами. Он побоялся собрать главные силы своей армии в выгодном месте с целью дать генеральное сражение противнику, опасаясь, что неверные кипчаки могут напасть на него в ставке и совершить военный переворот. Руководимый этими соображениями, Хорезм-шах встал на совершенно безнадежный путь раздробленной обороны, распылив свои силы по отдельным городам. Несчастье хорезмского государства и живущих в нем оседлых народов: таджиков, хорезмийцев, тюрков, иранцев и кочевых народов — кипчаков и туркмен — заключалось, прежде всего в том, что у руководителей государства не было единого плана и единой воли. В то же время для успешной борьбы с Чингиз-ханом имелось в изобилии оружие, продовольствие, войска, а главное, народ был готов пожертвовать всем для изгнания монголов.

Весьма удачен образ Джелал-ад-дина — сына Хорезм-шаха. В нем имелись все необходимые качества полководца: военный талант, вера в свою правоту и в свои силы, а главное, связь с народом, который пытался к нему большую симпатию. Он мог бы многое изменить в ходе событий, если бы в ответственный час для страны был на месте своего отца — Хорезм-шаха Мухаммеда. Как известно, Джелал-ад-дин выступил на борьбу с Чингиз-ханом, проявил в ней много личной храбрости и умения, однако его выступление запоздало и он не смог преодолеть монгольского натиска. В конечном итоге он был разбит Чингиз-ханом. Наряду с образом Джелал-ад-дина автор художественно раскрыл образ подлинного среднеазиатского героя в борьбе с монголами — Тимур-Меллика. Защита Тимур-Меликом Ходжента и его знаменитый поход с небольшим отрядом близ по Сур-Дарье — целая героическая эпопея.

Более слабым в произведении В. Яна оказалось описание осады и взятия городов Бухары, Самарканда и Ургенча. Автор не развернул перед читателем картины жизни средневекового среднеазиатского города, хотя наиболее важные события повести происходят в городах и у их стен. При научении эпохи автору следовало бы ознакомиться и с вопросами исторической топографии городов, которая в трудах В. В. Бартольда, М. Е. Массона и других авторов разработана достаточно полно. На стр. 339 дано коротенькое описание города Самарканда после разрушения, произведенных в нем войсками Чингиз-хана. Описание это не соответствует исторической действительности. Неправильно описывает автор и бухарскую цитадель. По его словам (стр. 170), цитадель находилась в шахрестане, в действительности же она находилась вне шахрестана, в чем можно убедиться и сейчас, так как в измененном

<sup>1</sup> Ал-Багдади, по повести, был еще псевдоним.

виде цитадель эта под именем «арка» сохранилась до наших дней.

Наряду с этим следует отметить, что автору удалось показать внутреннее разложение господствующего класса феодального общества на примере борьбы вокруг Бухары, Самарканда и Ургенча. Высшие представители командования, чиновничества, мусульманского духовенства оказались подлинными предателями, трусливыми и подлыми людьми, которые готовы были за сохранение жизни и имущества отдать честь, родину и жизнь сотен тысяч честных, любящих свою страну труженников. Автору удалось показать и обстановку феодальной раздробленности среди русских князей, приведшей к поражению на реке Калке в 1223 году. Через всю книгу четко проходит исторически правильная мысль, что не могло быть победы, если не было единства плана и единства воли. Выше уже отмечалось, что автор всюду в представителем народа показал любовь к родной земле и готовность отдать жизнь для ее защиты. Однако автор должен был уделить им больше художественного внимания. Мы имеем в виду прежде всего среднеазиатских ремесленников, которые были крупной силой сопротивления агрессии.

В произведении В. Яна имеются и фактические ошибки, мимо которых историк-востоковед пройти не может. Остановимся на наиболее досадных из них. На стр. 52 имеется примечание: «Мусульманство разделяется на две главные секты — суннитскую, исповедуемую турками-османами, и шиитскую (или шафийтскую) — главными поклонниками ее являются персы (иранцы)». Примечание это относится к фразе о том, что Мухаммед «принял ересь алидов-шафийтов». Между тем шафийты и шииты — не одно и то же. Шафийты представляли собою одно из направлений в мусульманской ортодоксии и принадлежали к суннитам. Далее, автор допускает ни на чем не основанное утверждение, будто Отрар накануне монгольского нашествия был одним из величайших городов Средней Азии (стр. 130, прим. 1). Отрар был тогда оживленным торговым городом, расположенным на караванном пути из Юго-восточной Европы и Хорезма в Монголию и

Китай, но по численности населения он был много меньше Самарканда, Мерва, Бухары и других больших городов Средней Азии.

На стр. 39 (прим. 2) говорится о том, что Авиценна «за неверие и требование свободы разума был брошен в Исфагане в тюрьму, где и умер». Здесь две ошибки. Авиценна в Исфагане не сидел в тюрьме; в тюрьму Авиценна попал в Хамадане, когда был на службе в качестве везира у хамаданского буйдского правителя Шемад-даула, причем посажен был не за «требование свободы разума», а по другим мотивам, просидел очень недолго и вскоре был освобожден и возвращен на пост везира. Умер Авиценна не в тюрьме, а на свободе в 1037 г., окруженный вниманием друзей, состоя медиком при дворе исфаганского правителя Ала-ад-даула. Могила Авиценны находится в Хамадане.

Ошибочное утверждение о смерти Авиценны в тюрьме, да еще «на гнилой соломе» автор повторяет и в конце книги (стр. 342).

Неверно утверждение, что слова «Туркестан» тогда еще не знали (стр. 41, прим. 2). «Мавераннахр», как оседлая и культурная область, лежащая между Аму-Дарьей и Сыр-Дарьей, противопоставлялась «Туркестану» — области кочевников-тюрок. Эта терминология держалась долго и широко распространена была в начале XIII века.

Сообщение о том, что в Хорезме в XIII в. пили чай (стр. 53) — выдумка автора, не имеющая подкрепления в источниках. В то время этот напиток был неизвестен хорезмцам.

Автор называет Джелал-ад-дина Магуберти «ханом» (стр. 73). Последний этого титула никогда не носил, а после смерти отца титуловал себя хорезм-шахом или султаном.

Подобных ошибок можно было бы привести еще немало, однако отмеченные нами промахи в повести В. Яна несколько не снижают ни художественных достоинств, ни познавательного и воспитательного значения этого выдающегося произведения.

А. Якубовский

**АНТОНОВСКАЯ А.** „Великий Моурави“. Гослитиздат. М. 1939. Ч. 1-я. 223 стр.; ч. 2-я. 278 стр.; ч. 3—4-я. 511 стр. *Исторические романы. Предисловие, стихи и примечания Б. К. Черного.*

Исторический роман занял выдающееся место в советской литературе. Ни один жанр беллетристики не давал и не дает столь полноценных, достойных великой русской литературы образцов, как исторический роман в творчестве А. Толстого, М. Шолохова, С. Сергеева-Ценского, В. Яна, С. Бородина и других авторов. К категории этих авторов примыкает и А. Ан-

тоновская своим многотомным и еще не законченным романом «Великий Моурави», который удостоен высокой правительственной награды — Сталинской премии.

Надо отдать должное смелости А. Антоновской, автору рецензируемого романа: она взяла тему очень трудную и запутанную. Изобразить историческую личность выдающегося народного вождя и крупно-

го полководца Георгия Саакадзе — задача весьма нежелательная. Ведь речь идет о полководце, который в грузинской историографии изображается то как предатель и враг грузинского народа, то как беззаветно преданный великий сын Грузии, то как изменник, раскаявшийся в своих злодеяниях и поднявший меч против поработителей родины — своих недавних союзников. В течение сравнительно короткой, но бурной жизни Саакадзе как военачальник и полководец сражался под различными знаменами, часто враждебными друг другу. В этом смысле он поистине заслуживает клички «грузинского Алкивиада».

Время Георгия Саакадзе — это значительный этап в развитии не только грузинской, но и всемирной истории. На Западе в ту пору развернулись опустошительные события Тридцатилетней войны, выдвинувшей такого замечательного полководца, как Густав-Адольф. В России — это период кровавых войн между Россией и польско-литовскими захватчиками, завершившийся преодолением смуты и укреплением государства под властью новой династии Романовых. В Ближней Азии этот период отмечен появлением в Иране жестокого и свирепого узурпатора — шаха Аббаса Сефевиды, последнего могущественнейшего деспота Ирана. Процесс преодоления феодальной раздробленности и формирования крупных монархических держав, обеспечивающих более быстрое развитие новых, капиталистических отношений в этот период, достиг своего высшего напряжения.

Однако расшатать феодальные устои на Востоке оказалось гораздо труднее, чем на Западе, где в XVII в. стали складываться крупные монархические государства, в недрах которых успешно развивался капитализм. В том и весь трагизм личной судьбы Георгия Саакадзе, что его деятельность протекала на исторической почве Востока и не могла дать тех плодотворных результатов, о которых он мечтал и к которым стремился. Но и то, чего он достиг, пробуждая сознание азнауров для борьбы с феодальной раздробленностью, поднимает его на целую ступень выше его современников.

Автор приложил немало труда к изучению жизни и быта Грузии той эпохи. Перед читателем оживают нравы и нравственные устои народа, создавшего свой красочный фольклор, свои религиозные обряды и исторические традиции. Грузия в ту пору была разобщена. Политическая структура ее характеризовалась наличием трех царств, не всегда солидарных между собой, и внутренними раздорами между владетельными князьями. Основным ядром трех грузинских царств являлась Картлия со столицей Тбилиси, западнее простиралось Имеретинское царство со столицей Кутаиси, а восточнее — Кахетинское со столицей Телави. Вспоминая славное прошлое, когда в лице могущественного царя Давида Возобновителя или царицы Тамары Грузия была сплоченной, грозной

силой для иноземных захватчиков, современники Саакадзе — передовые, мыслящие люди — должны были стремиться к объединению своей родины, к подавлению центробежных сил, облегчающих возможное вмешательство и прямое порабощение страны извне. Однако на пути осуществления подобного патристического замысла стояло такое существенное препятствие, как мелкие княжества.

Чтобы вернее и полнее представить всю реакционность этих княжеств, достаточно вдуматься в следующую сжатую характеристику дореформенной Грузии, данную товарищем Сталиным: «Грузины дореформенных времен жили на общей территории и говорили на одном языке, тем не менее они не составляли, строго говоря, одной нации, ибо они, разбитые на целый ряд оторванных друг от друга княжеств, не могли жить общей экономической жизнью, веками вели между собой войны и разоряли друг друга, натравливая друг на друга персов и турок. Эфемерное и случайное объединение княжеств, которое иногда удавалось провести какому-нибудь удачлику-царю, в лучшем случае захватывало лишь поверхностно-административную сферу, быстро разбиваясь о капризы князей и равнодушные крестьян. Да иначе и не могло быть при экономической раздробленности Грузии»<sup>1</sup>.

Вслед за этой политической силой, наложившей реакционный отпечаток на социальную жизнь страны, определившей ее отсталость, забитость и бессилие, надо рассматривать сословие азнауров, выступающее в качестве противодействующей силы княжескому партикуляризму, разобщенности. Азнауры — это грузинские дворяне, имевшие заслуги перед царем и проявлявшие немало доблести в боях под царскими знаменами; они не оторваны от широких масс грузинского народа, стоят ближе к страданиям и нуждам народа, стараются установить более прямую государственную связь между царем и народом, минуя то промежуточное звено, каким является княжеская власть. Наконец одним из важнейших факторов политической жизни страны было грузинское духовенство в лице православной церкви Грузии, которая стремилась избавить страну от свирепых деспотов мусульманского Востока и связать ее судьбу с христианским единоверным Западом, т. е. с усилившейся тогда Россией.

Что же касается основной, хотя и потенциальной политической силы Грузии — грузинского народа, — то он стонал под тяжестью непосильных податей иноземным и отечественным эксплуататорам и был скован крепостническим гнетом, задерживавшим не только экономическое развитие страны, но и рост народонаселения.

Автор сумел яркими и правдивыми красками изобразить все эти политические силы, все социальные группировки вплоть

<sup>1</sup> И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос». Сборник избранных статей и речей, стр. 5—6, М., 1934.

до сословия ремесленников—амкаров. Азнауры и амкары, как правильно считает автор, являются самыми прогрессивными народными силами Грузии XVII века. Их вождь Саакадзе стремится к национальному освобождению Грузии, к усилению ее государственной мощи и к социальным преобразованиям. Саакадзе мечтает о том, чтобы вооружить азнауров, крестьян и амкаров против владетельных князей, и тогда, думает он, в Грузии установится для народа свободная жизнь, наступит конец кабальным условиям труда и осуществится объединение Грузии в одну мощную силу, свободную от иноземного гнета.

В дальнейшем Саакадзе стоит перед необходимостью расчленив эти две задачи (социальное преобразование и национальное объединение Грузии) и осуществить сначала одну, а затем уже другую. Сопrotивление князей и растущее могущество иранского шаха Аббаса толкают его к попытке использовать эти враждебные силы одну против другой. Саакадзе решает на роковой шаг: он прибегает к помощи «льва Ирана» — шаха Аббаса — для разгрома княжеского сепаратизма и для социального переустройства Грузии под властью картлинского царя Луарсаба II. С этой целью он вступает в тайную переписку с шахом Аббасом, минуя грузинского царя, который мог бы быть помехой в осуществлении этих планов. Шах Аббас умел ценить и награждать своих тайных агентов. Он осыпает Саакадзе своими милостями и тем самым заставляет как картлинского царя Георгия X, так и позже его преемника Луарсаба II считаться с этим опасным и способным азнауром.

Автор создал трогательную (исторически не совсем правдоподобную) любовную историю между Луарсабом II и сестрой Саакадзе — Текле. Историческая истина заключается в том, что царь смело идет на брак с Текле, понимая, что шурин его Саакадзе будет достаточно сильной опорой в его «державном труде» и своей популярностью упрочит царский трон. Это хорошо понимали и князья, которые с самого начала усматривали в этом выборе жены не личные, как изображает автор, мотивы влюбленного царя, а политические расчеты, основанные на использовании демократических сил против князей. Но при всем том царь уклоняется от смелой, последовательной борьбы с владетельными тавадами, и, наоборот, он в решающий момент предпочитает идти с ними на компромисс. Он готов также использовать азнауров и демократические силы, но не хочет делать в их пользу никаких уступок. Будучи верным учеником своего воспитателя везира Шадамана Бараташвили, Луарсаб II не имеет иных политических идеалов, чем те, что ставил перед собой сам везир. Этот хитрый, тонкий политик при всем своем большом уме, политическом кругозоре и опыте все же остается верным хранителем былых традиций защиты княжеских привилегий. Бараташвили замечает ростки нового грузинского возрожде-

ния, но не воспринимает, а отвергает их. Именно на этом рубеже Бараташвили и Саакадзе выступают друг против друга как непримиримые враги, возглавляющие две противоборствующие партии, два различных социальных течения. Саакадзе для осуществления своих прогрессивных планов служит Ирану — шаху Аббасу, — Бараташвили же служит интересам Турции — султану Ахмеду I.

В конце концов Саакадзе понял свою ошибку; понял, что лучшие годы он посвятил бездушному, хитрому, кровожадному тирану, который вероломно и с невероятным цинизмом издевался над святынями его родины, над народом, свободой, религией и честью; который перехитрил его и выиграл партию. Сознывая всю горечь своего поражения, Саакадзе нашел в себе силы не унывать и продолжал игру. Умелыми маневрами он настолько усыпляет бдительность шаха, что тот дает ему свободу действий, хотя держит у себя в качестве заложника его старшего сына. Саакадзе во главе стотысячной армии Ирана идет на родную Грузию для окончательного покорения ее для «солнца Ирана». На самом же деле Саакадзе, пользуясь своей громкой славой полководца, своими полномочиями и обширной властью, жестоко мстит коварному деспоту. Он поднимает знамя восстания и, опираясь на грузинское ополчение, на славных «барсов», на своих испытанных в боях соратников, начинает разгром армии шаха, предварительно разделив ее на части, чтобы ослабить и окончательно добить ее. Руководя всеми боевыми операциями, он лично в открытом бою уничтожает таких крупных военачальников шаха, как Карчи-хан, Верди-бек и др.

Личная доблесть и отвага были характерными чертами этого замечательного воина и играли весьма важную роль в его возвышении как у царя, шаха, так и у грузинского народа. Однако Саакадзе был не только непобедимым рубакой, но и проницательным, мыслящим военачальником, который изучал опыт прошлых войн, размышлял о соотношении конницы и пехоты, о значении огневой мощи новых армий европейского образца, и, наконец, Саакадзе был наделен политической мудростью восточного царедворца. Все это, вместе взятое, создавало Саакадзе беспримерный успех как на политической арене, так и на полях сражений.

Таким образом, перед нами выдающаяся историческая фигура эпохи возрождения на Ближнем Востоке. Историко-познавательное значение романа огромно, особенно если иметь в виду тот значительный труд, который автор вложил в дело собирания материалов по фольклору и исторической документации. Но не только в этом основная заслуга автора, а главным образом в том, что он решительно взялся за историческое оправдание роли и значения Саакадзе в грузинской истории, отбросив в сторону те мелкотравчатые, благочестивые взгляды политических обывателей различных вре-

мен, которые с ханжеским ужасом отшатнулись от него как от злодея, изменника. Автор показал, что действительно, энергичному патриоту того времени ничего иного не оставалось, как вооружиться волчьими нравами и лисьей хитростью для того, чтобы найти пути освобождения своего народа от двойного ига: феодального и иноземного порабощения. Когда маститый армянский историк Чамчян в своем капитальном труде «Армянская история» чернит память великого Моурави<sup>1</sup>, а грузинский народ воспекает и превозносит его как героя и освободителя, то для всякого непредубежденного ума становится ясно, где истина и кто прав. Разумеется, перед судом исторической науки образ Саакадзе будет выглядеть несколько иначе, чем это представил автор данного романа. Историческая наука, учитывая не столько благие пожелания и патриотические стремления Моурави, сколько конкретные результаты его кипучей и противоречивой деятельности, отметит его ошибки, пороки, ограниченность, чего не мог, да, вероятно, и не хотел видеть художник, который склонен несколько идеализировать своего героя, затушевывая его недостатки.

Действительно, в стремлении Саакадзе найти опору в Иране для осуществления своих освободительных планов не было ничего рационального, почему этот маневр и принес столько бедствий его же родине. Не лучше стало и тогда, когда Саакадзе перекинулся в лагерь султанской Турции: та же политическая отсталость, присущая и Ирану, мстила за себя и здесь; ведь именно турки и убили этого замечательно го героя, причем мотивы этого злодейского акта были мелкие: личные интересы различных пашей и царедворцев из султанского сераля. Эти поучительные факты говорят о том, что из всех внешнеполитических ориентаций самой здоровой и исторически разумной была ориентация на единовременную Россию, которая уже в этот период стала грозной и надежной силой для

спасения Грузии от ужасающих злодеяний шаха Аббаса и его достойного соперника — султана. Как уже было указано, русскую ориентацию поддерживала грузинская церковь, и в этом проявились ее дальновидность и историческое чутье. Саакадзе пользовался поддержкой церкви, но не умел учиться у нее. В тяге духовенства к России он усматривал чисто религиозные мотивы, не замечая весьма веских и здравых политических расчетов, которыми руководствовалась церковь. Дело в том, что Россия была олицетворением той западной культуры и цивилизации, к которой тянулся грузинский народ на протяжении последних веков и с которой стремились его разлучить все иранские шахи и турецкие султаны, прибегая к насильственным переселениям целых городов и деревень, истребляя непокорных «западников», не желающих менять свои передовые взгляды, обычаи и веру и погружаться в азиатчину, в духовное одичание.

Автор романа вывел на сцену свыше ста действующих лиц, но никто из них не отличается религиозностью, и для всех церковь и религия — лишь средство. Так например даже царь Луарсаб II, отказавшийся принять магометанство и впоследствии из-за этого принявший мученическую смерть, изображен автором не как религиозный человек, а как трезвый политик, который только из-за боязни потерять престиж у народа отвергает посягательства шаха на его веру.

Роман А. Антоновской — пока произведение незаконченное. Конец четвертой части содержит в себе обещание новой, пятой, а быть может, и шестой части. Автор должен нам рассказать о дальнейших жизненных этапах великого Моурави: о его службе султану, о его новых победах и его гибели от злодейских рук Хосров-паши и иных завистников его беспримерной военной славы. Но и в том виде, в котором он дан, этот объемистый труд представляет смелый и несомненно удавшийся творческий замысел, заслуживающий полного внимания со стороны читателей.

Аджемян

<sup>1</sup> Чамчян «Армянская история». Т. III, стр. 575.

*Книга для чтения по истории средних веков под ред. проф. С. Д. Сказкина. Ч. 1-я. Раннее средневековье. Государственное учебно-педагогическое изд-во Наркомпроса РСФСР. М. 1940. 239 стр. 4 р. 50 к.*

Настоящее пособие, предназначенное для учащихся старших классов, заслуживает внимания как удачный опыт популяризации исторических знаний среди нашей учащейся молодежи. Нужда в такой книге давно уже назрела. Перед составителями сборника было два пути: 1) превратить книгу «в ряд исторических повестей и рассказов, в которых фантазия автора законодательствует над материалом», или 2) стать на почву исторического источника, придержи-

ваясь прежде всего «исторической правды», которая бы воспитывала у учащихся подлинное историческое понимание прошлого и настоящего (стр. 3).

Авторский коллектив выбрал второй путь, но в то же время участники сборника сделали все возможное, чтобы, сохранив научный характер статей, придать им наиболее занимательную, живую, образную форму настоящего исторического рассказа. Это умелое сочетание строго научного со-

держания с блестящей, живой формой популярного изложения и составляет главное достоинство разбираемой работы.

В книгу вошло 16 очерков, принадлежащих десяти авторам (С. Д. Сказкин, А. Д. Эпштейн, И. И. Подольский, А. Е. Рогинская, Загрядский, Л. С. Чиколитин, Ю. А. Бэр, А. А. Фортунатов, М. А. Зиновьев и Б. Кубланова). Статьи написаны на различные социально-политические темы из истории раннего средневековья; очень большое внимание — не менее четверти материала — посвящено истории культуры той эпохи.

Сборник открывается статьями о древних германцах (С. Д. Сказкин), древних славянах (А. Д. Эпштейн) в эпоху великого переселения народов (И. И. Подольский).

В статье о древних германцах просто и ясно, прекрасным языком, на основе данных Цезаря и Тацита описывается общественный строй и быт древних германцев. В противоположность немецким националистским и фашистским писателям автор не скрывает его темных сторон, выражавшихся в жестокости, постоянных междуплеменных и внешних войнах и склонах германцев к грабежу и т. п. (стр. 6).

В статье «Древние славяне» умело соединен материал по истории южных и западных славян. Автору удалось ярко подчеркнуть храбрость славян (в этом отношении славяне не только не уступали, но даже превосходили германцев). Хорошо показана культура западных славян, обладавших многочисленными городами, принимавших участие в международной торговле, усердно занимавшихся земледелием, ремеслами, лесным хозяйством и т. д. Все это опровергает фашистские клеветнические измышления о «дикости славян» и их неспособности к культурному и «государственному» прогрессу. Характеризуя общественный строй славян как родовой строй, автор сумел показать процесс разложения рода, выделения из его среды сильной знати. В ее руках был контроль над самими князьями; эта же знать свела на нет роль народного собрания, существовавшего у западнославянских племен вплоть до XI века. Близорукая политика знати, предпочитавшей в целях увеличения своего влияния союз с германскими феодалами, была одной из причин поражения славян в борьбе с немецкими завоевателями: «Знать покорна франкскому императору, а император благосклонен к знати, и за этот теоный дружеский союз выскокую цену оплачивает весь бодричский народ, утративший свою независимость... В X веке бодричский князь отдает немецкому духовенству обширные поместья в каждом округе Бодричской земли» (стр. 27).

В статье «Гунны и Атиллы» описан один из наиболее ярких моментов борьбы доживавшей свои последние десятилетия Римской империи с наступавшими на нее варварами. Под властью Атиллы образовалась громадная держава, включившая в себя не только гуннов, но и целый ряд славянских и германских племен. Атиллы нападали и подвергал страшному разграблению владе-

ния Восточной Римской империи, он заходил далеко на запад, вплоть до Орелана, неоднократно угрожая захватить и разграбить самый Рим. Особенно беспощадно была разграблена им Северная Италия. Однако политика беспощадного грабежа и опустошения, подрывая производительные силы захваченных областей, в конце концов улягала по самим завоевателям: «Гунны жестоко опустошили Ломбардию... Это бесцельное и хищническое разрушение богатой страны привело к тому, что вскоре Атиллы нечем было продовольствовать свое войско. В его лагере начались голод и эпидемии, породившие большие опустошения, чем любая война» (стр. 42).

Следующая группа статей, близко прилегающая по своей тематике к первым трем — это статьи, посвященные франкскому обществу: «Франкское королевство Хлодвига Меровинга» (автор — тов. Загрядский) и «Суд времен Салической Правды» (автор — тов. Чиколитин).

Статья о Хлодвиге очень живо рисует образ Хлодвига как завоевателя и объединителя франкских племен, заложившего основы сильнейшего из германских варварских королевств, образовавшихся на территории Римской империи. Вызывают замечание лишь два обстоятельства. В характеристике Хлодвига следовало бы упомянуть о его причастности к появлению записи Салической Правды. Без упоминания этого факта образ Хлодвига не может быть признан достаточно полным. Затем не совсем правильно автор толкует эпизод с суассонской чашей (или вазой). По мнению автора, эпизод показывает власть Хлодвига над рядовыми франками. На самом деле эпизод свидетельствует о другом — о том, что в это время еще сохранились патриархальные отношения между королем и рядовыми воинами. Король получает свою долю добычи по жребию. Любой рядовой воин на основе старого, неписаного обычая может возразить королю.

Своеобразно написана статья «Суд времен Салической Правды». Автор на основании текста Салической Правды попытался воспроизвести картину древнего франкского суда во всех его формах, его систему судебного разбирательства, наказания и т. п. Надо сказать, что это ему в общем удалось. Рассказ представляет по внешности почти беллетристическое произведение, но читатель, знающий источник, легко убеждается в том, что каждая строчка статьи не выдумана автором, а основана на тексте салического закона. Нельзя лишь согласиться с автором в некоторых деталях. Так например напрасно он ставит рядом с Салической Правдой Саксонскую Правду. Изданная Карлом Великим в IX в. Саксонская Правда представляет совсем иную форму законодательства, чем сборники старых судебных обычаев, отраженные в Салической Правде. Уж если Салическую Правду сравнивать с другими древними Правидами, то следовало бы указать вестготскую или бургундскую Правды, которые действительно были аналогичны салическому судебному

сборнику. Затем напрасно автор изображает франков V—VI вв. бородастыми: «Брат убитого, высокий молодой франк с русой бородой и усами, обвиняет воина, стоящего тут же» (стр. 75); или «Вот мой обидчик, — указывает он на коронастого, здорового человека, заросшего бородой» (стр. 78). Франки в ту эпоху и позднее, например при Карле Великом, бороды не носили, а только усы. В этом легко убедиться при рассмотрении шлоосративного материала, оставшегося от времени Меровингов и Каролингов.

Очень содержательные статьи даны по истории Византии и арабов. Статья тов. Рогинской «Юстиниан» рисует яркими красками одного из наиболее выдающихся византийских императоров — Юстиниана I, правление которого оставило «столь заметный след в истории, что весь VI век называется веком Юстиниана» (стр. 46). Исчерпывающе показана административная, культурная и военная деятельность императора, причем вскрыты также и противоречия византийского абсолютизма. Осуществление великодержавных планов и содержание многочисленной бюрократии дорого обошлись населению империи, задавленному налогами. Против императора ожесточенно боролись центробежные силы в лице сильной аристократии, оппозиционное настроение которой особенно резко выразилось в восстании Ника (532). Однако в характеристике царских партий чувствуется некоторый трафарет. «Зеленые» представлены как партия аристократии — и только. Между тем новейшие исследования подчеркивают связь партий цирка (в частности «зеленых») со столичными димами. Восстание 532 г. было не только аристократическим заговором (хотя бы и с большим количеством приверженцев), но и выражением недовольства масс гор. Константинополя, имевших со своей стороны, много причин для выступления против военно-бюрократического строя империи. Автор характеризует участие масс в восстании 532 г. как чисто пассивное (за интересы знати).

Особый интерес представляют увлекательно написанные две статьи об арабах Ю. А. Бэра: «Завоевания арабов» и «Арабская культура». Особенно следует отметить статью, повествующую об арабской культуре. У читателя остается самое благоприятное представление о высоких достижениях арабской культуры, синтезировавшей достижения многих древних и современных арабам культур. Вместе с тем автору удалось показать и оборотную сторону медали. При всех успехах арабской науки мировоззрение массы арабов было типично средневековым. По Корану, «Аллах создал землю, на которой для равновесия, чтобы она не шаталась, поставил горы. Луна, звезды, солнце привешены к твердому небосклону и служат для освещения земли. Из сгустка крови аллах сотворил человека и для него создал животных» и т. д. (стр. 89).

В статье «Завоевания арабов» несколько трафаретно охарактеризованы причины быстрого завоевания арабами восточной Испании. Автор изображает восточное коро-

левство как вполне сложившееся феодальное общество, в котором «противоречия между господами и крепостными были настолько остры, крестьяне и рабы так сильно ненавидели своих сеньоров, что при падении извне восточное государство не могло рассчитывать на помощь со стороны населения страны» (стр. 97). Это не совсем верно. Значительная часть восточных потом эмигрировала на север, в Астурию, не желая подчиняться арабскому владычеству. Само восточное королевство к приходу арабов еще переживало стадию раннего феодализма, и прежде всего состояние полной раздробленности. В конце концов именно эта раздробленность и организационная слабость восточного государства и явились основной причиной поражения восточных. Но нужно учесть и другое положение: арабы в начале VIII в. были в зените своего могущества; лишь более обширное по своим военным ресурсам франкское государство, объединившее под своей властью чуть ли не десяток германских племен, окрепшее в непрерывных войнах за Рейном, смогло в середине VIII в. остановить арабскую агрессию.

Раннее средневековое общество в его окончательно сложившемся виде (период IX—XII вв.) показано в статьях С. Д. Скапкина «Средневековая деревня и ее обитатели», Загрядского «Праздничный день в рыцарском замке» и Л. С. Чиколити «Флоренция в XI—XII вв.».

Эти статьи дают учащимся обильный материал для усвоения ими быта средневековой деревни и средневекового города. В статье С. Д. Скапкина очень ценным представляется материал о ранних крестьянских движениях в Западной Европе на почве жестокого крепостного права (стр. 129—132). В статье «Праздничный день в рыцарском замке», написанной в полубеллетристической форме, прекрасно описаны средневековый замок, его хозяева и гости, весь быт господствующего рыцарского сословия. Автору удалось показать расхождение в среде средневекового рыцарства. Его герой — один из гостей, — небогатый рыцарь, — с завистью смотрит на богатого барона и на его сына, без особого труда получающего рыцарское звание. Между тем небогатый «рыцарь серебряной звезды» только в результате многих опасных боев и подвигов достиг этого звания. В статью искусно вилетены мотивы из «песни о Роланде» которую перед гостями замка исполняет один из сказителей старинных песен.

Статья Л. С. Чиколити «Флоренция XI—XII вв.» интересна тем, что дает облик одного из наиболее выдающихся итальянских городов в самый ранний момент его возвышения. Это еще не Флоренция XIV—XV вв. — город мануфактур и банков, Медичи и гуманистов. Нет, это типичный маленький город раннего средневековья, какими были сотни, если не тысячи в разных странах средневековой Европы. Но читателю, знающему великое будущее этого города, тем интереснее проследить его первый рост. В этом отношении статья небезинтересна и для студентов высшего учеб-

ного заведения (исторический факультет).

Несколько статей посвящено теме о крестовых походах: «Первый крестовый поход» (М. А. Зиновьев), «Крестоносцы в Византии» (А. Д. Эпштейн) и «Четвертый крестовый поход и Венецианская республика» (А. Д. Эпштейн). Все эти статьи насыщены большим конкретным материалом.

В первой статье — о начале крестовых походов — ярко описаны сцены осады и взятия крестоносцами восточных городов Антиохии и Иерусалима (стр. 167—172). Приведенный материал убедительно разоблачает лицо рыцарей-крестоносцев как подлинных грабителей и поработителей, набросившихся на цветущие восточные страны и беспощадно разграбивших их.

В статье «Крестоносцы в Византии», в которой описываются эпизоды из второго крестового похода, особенно обращает на себя внимание характеристика наглого поведения в Византии германского императора Конрада III и германских феодалов: «Армия немецких рыцарей прошла Дакию и начала продвигаться в глубь византийской территории. И сразу же возникли столкновения. Крестоносцы вели себя необузданно и грубо. Они захватывали скот, запасы хлеба, продукты, ничего не желали покупать — с мечом в руках рыцари отнимали все силой. Тех, кто сопротивлялся, рыцари убивали без колебания» (стр. 174). Для Константинополя был счастливым тот день, когда, наконец, немецкие псы-рыцари покинули столицу, чтобы отправиться далее — в Малую Азию. «Тысячи людей собрались в гавани Золотого Рога. Тысячи глаз насмешливо и враждебно следили за всеми приготовлениями и сборами к отплытию. Колкие насмешки, слова язвучего презрения и гнева раздавались в толпе, которая с радостным нетерпением ожидала отъезда крестоносцев. Но вот последние приготовления закончились... Ветер вздул паруса кораблей и понес непрощенных гостей адаль, навстречу новым неудачам» (стр. 177).

В статье того же автора о четвертом походе прекрасно показана мощь Венеции в начале XIII века. Очень ярко даны характеристики крупнейших исторических деятелей той эпохи — папы Иннокентия III и венецианского дожа Дандоло.

Наконец, последнюю группу составляют две статьи по истории западноевропейской культуры эпохи раннего средневековья. Это статья А. Фортунатова «Алкуин и школа при Карле Великом» и статья Б. Кублановой «Как обучались в средневековом университете».

Первая из этих статей дает очень симпатичный облик одного из самых ранних средневековых ученых, англо-сакса по происхождению, служившего при дворе Карла Великого, — Алкуина-Фланка. В статье очень хорошо использованы учебные пособия, составленные Алкуином и дающие наглядное представление о том, как и чему учили в средневековое время. Очень живо и наглядно, на фактах и биографии Алкуина, показаны «семь свободных искусств», перешедшие по наследству от античности к средневековью. Можно полностью согласиться с заключительными словами автора статьи: «Как ни несовершенна была школа средних веков с нынешней точки зрения, но заслуги Алкуина в истории европейской культуры значительны: в годы варварства и опустошения он не давал позабыть уроков классической древности, прививал любовь к книге и знанию и оставил после себя ряд продолжавших его работу учеников» (стр. 125).

Вторая из последней группы статей описывает быт и нравы студентов средневекового университета, землячества, как основную организацию средневекового студенчества, а также содержание и приемы университетского преподавания в средние века. Материал взят автором главным образом из практики двух наиболее ранних университетов Западной Европы: Парижского, являвшегося центром изучения схоластики, и Болонского, в котором особенно успешно изучалось римское право.

Таково содержание первой части «Книги для чтения». Профессор С. Д. Скаскин — лауреат Сталинской премии. Он известен рядом ценных научных и учебных работ, в которых глубина исследования и эрудиция сочетаются с прекрасной формой изложения. Данная книга, вышедшая под его редакцией, отличается теми же чертами.

Следует добавить несколько слов о внешнем оформлении книги, которая производит самое положительное впечатление. Хорошая бумага, красивый переплет, масса (свыше сотни) рисунков при невысокой цене (всего 4 р. 50 к.) делают книгу привлекательной по внешнему виду и вполне доступной для массы наших советских школьников. Нужно надеяться, что издательство не замедлит с выпуском и следующих — второй и третьей — частей «Книги для чтения по истории средних веков», в известной степени подготовленных к изданию еще до начала великих событий 1941—1942 годов.

В. Семенов

## „Интернациональная литература“ № 9—10. 1941. Огиз. М.—Л.

Содержание последнего номера «Интернациональной литературы», вышедшего в свет в апреле 1942 г., показывает, что журнал успешно перестраивается применительно к условиям борьбы свободлюбивых народов против фашистского варварства.

В рецензируемом номере журнала помещены интересные материалы, клеймящие позором германских насильников всех времен и современных варваров — фашистов.

В разделе «Героические традиции славянских народов» помещена глава «Битва

на Жижкове» из романа чешского писателя Элоиза Ирасек «Против всех». Битва на Жижкове — один из ярких эпизодов в истории гуситских войн — героической борьбы чешского народа против немецких насильников.

По-особому звучат в настоящее время слова Яна Жижки, талантливейшего чешского полководца, сказанные гуситам после указанной битвы: «Да, не погибнет святая правда и не даст истребить нас!» (стр. 144). Правое дело победит. Славян не удастся истребить немецким насильникам! Заканчивается раздел замечательным стихотворением Аюна Ашкерца «Великий язык». Это стихотворение воспекает величие славянства и призывает славян к единству под руководством старшего брата — русского народа:

«Ты — старший брат, о русский наш язык,  
Как братья связаны славяне меж собою.  
Бесстрашен твой народ! И он велик!  
Пускай он кликнет клич — мы все готовы  
к бою!»  
(стр. 146.)

С героическими традициями прошлого перекликается современная поэзия славянского народа. В стихотворении М. Важинской «Мы умножим славянскую славу», помещенном в разделе «Славянская поэзия», повторяются вековые чаяния славянства:

«До Москвы, до вишневой Полтавы  
Пусть идет по славянской отчизне...  
И зовет наша древняя слава  
На борьбу с ненавистным фашизмом,  
Крепкой дружбы броню мы наденем.  
В этой дружбе залог нашей силы»  
(стр. 92.)

Славянский народ уверен в победе над врагом. В сербской народной песне «Погибнут, как обры» говорится:

«Фашисты погибнут, как обры,  
С земли исчезнут бесследно» (стр. 94).

Исключительный интерес представляют помещенные в рецензируемом номере журнала избранные места из книги Марты Додд «Из окна посольства». Автор указанной книги — дочь американского посла в Германии. Она пробыла в Германии около четырех лет. За это время успела хорошо узнать жизнь Германии и ее фашистских заправил. Ее книга высоко оценена общественностью США.

Как представляла себе Марта Додд Германию и Гитлера до поездки в Берлин? «Гитлера, — пишет она, — я считала шутком, внешне похожим на Чарли Чаплина, который сжигает книги и ввел в своей стране диктатуру» (стр. 148). Это представление оказалось, однако, слишком наивным. Она увидела нечто более потрясающее в Германии. Свободную американку поразило поведение штурмовиков — гитлеровских молодчиков, «которые избивали всех, не отдававших честь нацистскому знамени» (стр. 150).

Автор книги разоблачает «социалистическую» программу фашистов. Она пишет: «Большинство промышленников и дельцов отлично понимало, что «социалистические»

лозунги Гитлера — это только слова, и никоим образом не могут повлиять на их хозяйничанье в области экономической жизни» (стр. 151). Фашистская Германия предстала перед свободолюбивой американкой окутанной густой сетью шпионажа и политического сыска. Там «Геббельс следит за Герингом, а Геринг за Геббельсом, оба они за гестапо, а гестапо — за всеми обоими» (стр. 153). «Среди ночи, — пишет Марта Додд, — к дому подъезжал автомобиль, оттуда выскакивали эсэсовцы и через мануту увозили с собой мужчину или женщину, которых никто больше не видел» (стр. 153).

В Германии, пишет Марта Додд, «существует система террора, не знающая предела в истории... Надзор осуществляется при помощи системы страха и террора, перед которой бледнеют даже утонченно-гнусные методы инквизиции... Германия представляет собою новое Средневековье. Германское государство и германский народ живут по законам первобытной дикости... наиболее низменные и кровожадные инстинкты возведены в ранг государственных законов. Нацистские волки пожрали страну... Вся страна объята психозом террора» (стр. 168—170). Много данных Марта Додд собрала о режиме в фашистских тюрьмах. «Большинство заключенных мужчины и женщины, — говорит автор, — заставляют чистить уборные голыми руками, при этом им говорится, что если они хотят есть чистыми руками, то они могут облизать их» (стр. 180).

Талантливая журналистка дает яркие портреты фашистских заправил, с которыми ей приходилось встречаться. Гитлер — «это самый фанатичный, стоящий почти на грани безумия, человек из всех государственных деятелей современного мира... Безумие, подлость, полное отсутствие ума, интеллекта ясно написаны на лице Гитлера... курс лечения у психиатра — вот что нужно этому человеку, который стоит во главе могущественного государства и угрожает всему современному миру... Подавляющая часть вины за возврат Германии к варварству и Средневековью падает на его плечи» (стр. 161).

Яркую характеристику Марта Додд дает Герингу. «Еще в юношеские годы, — пишет она, — он жил в атмосфере убийств, крови и ужасов, которыми полна воздушная война. Он упивался своим смертоносным делом... Изящная тучная фигура Геринга кажется нелепой, но вблизи он просто страшен... Он жаден, толст, большой обжора и гурман... Геринг... это самый свирепый, самый безответственный и опасный человек во всей нацистской Германии... Этот крайне честолюбивый, жестокий, холодный, мстительный, ласканный всякой совестью человек способен ввергнуть Германию в еще более глубокую бездну горя и крови... Геринг не оставался ни перед убийствами, ни перед какими-либо другими способами уничтожения своих соперников» (стр. 162, 163).

Не менее увлеченно охарактеризована Мартой Додд паяц Геббельс. У Геббельса,

говорит она, «лицо грызуна и такой же низменный ум».

В галерее портретов фашистских заправил подобающее место занимает мастерски написанный портрет Розенберга. «Розенберг, — пишет автор, — сумасшедший, вынужденный на свободу, и, кроме того, давнишний близкий друг Адольфа Гитлера, который полностью подписывается под всеми его теориями... Мистик, психопат, он является автором самой напыщенной, самой луженой и болтливой книги, когда-либо появившейся в этой, да, пожалуй, и во всякой другой области. «Миф двадцатого века» — это собрание лжи и нелепейшего теоретизирования, именуемого нацистской философией» (стр. 166, 167).

Не обошла молчаливым американская журналистка и Риббентропа: «Этот вымотанный, не имеющий никаких особенных талантов, ни определенной профессии, ни к чему не проявлял особенных склонностей до тех пор, пока его не отыскал Адольф Гитлер... Риббентропа считали опасным и фанатичным нацистом, иностранная политика которого приведет Германию к гибели... Фон Риббентроп — наци, экстремист и шоб. Отличаясь не столько умом, сколько поистине кошачьей пронырливостью, он несет

на себе всю ответственность за нацистскую иностранную политику и, пробираясь к власти, успел нажить почти столько же врагов, сколько сам Розенберг» (стр. 167, 168).

О Гиммлере мы находим у Марты Додд следующие яркие строки: «Гиммлер был раньше никому неизвестным школьным учителем с запятанным прошлым... Низкого роста, брюнет с маленькими черными усиками, он причес за стеклами очков пронизывающий взгляд крохотных, бегающих глазок хорька. Он неотступно следит за каждым враждебным или просто оппозиционным биением пульса страны» (стр. 168, 169).

Свои впечатления о фашистской Германии за четыре года пребывания в ней Марта Додд обобщила в следующих словах: «Я считаю, что ужас гитлеровского режима можно сравнить только с глубокой темной первобытностью самых диких племен и с самыми страшными годами инквизиции при Торквемаде» (стр. 180—181).

Материалы, опубликованные в № 9—10 журнала «Интернациональная литература», дышат ненавистью к германским насильникам и мобилизуют мировую общественность на борьбу против фашизма.

И. Ивашич

*ALSOP J. and KINTNER R. American white paper. The story of American diplomacy and the second world war. New York. Simon and Schuster. 1940. 109 p.*

*ОЛСОП Д. и КИНТНЕР Р. Американская белая книга. Американская дипломатия и вторая мировая война.*

*BUELL R. L. Isolated America. New York. A. Knopf. 1940. XXI, 457, XIII p.*

*БЮЭЛЛ Р. Изолированная Америка.*

«Американская белая книга» вовсе не является «белой книгой» в обычном смысле этого слова, т. е. официальным сборником дипломатических документов данной страны: книга Олсопа и Кинтнера носит совсем иной характер. Вся документация этой книги ограничивается несколькими речами Рузвельта и Хелла, притом книга ни в какой мере не является официальным изданием.

Поскольку дипломатическая переписка США за период с сентября 1938 г. до сентября 1939 г. не опубликована, авторы нашли иной способ показать, как формулировалась в этот период внешняя политика США. С этой целью два предприимчивых журналиста решили проникнуть в лабораторию внешней политики США — в тайники государственного департамента министерства иностранных дел и в кабинет Рузвельта. Это им отчасти удалось: осведомленность авторов необыкновенна; они передают содержание самых узких совещаний руководящих лиц американского правительства так, словно они там присутствовали, весь-

ма подробно описывают действующих лиц — руководящую группу сотрудников государственного департамента и самого президента, — их реакцию на отдельные события, их мысли и поступки.

Наибольшую ценность представляет попытка авторов установить историю составления ряда важнейших документов внешней политики США за этот период: авторы в некоторых случаях указывают, кто был автором первоначального текста, описывают, каким изменениям этот текст подвергся в руках Хелла или самого президента. Такой материал мог бы явиться ценным подспорьем для исследователя при изучении мотивов, руководивших внешней политикой США в этот период.

Беда авторов состоит, однако, в том, что они подошли к своей задаче не как исследователи, а как журналисты — в погоне за сенсацией. В результате получилась книжка, ни в какой мере не дающая картины американской внешней политики за этот период. Приводя местами весьма интересный материал, авторы не могут раскрыть его

значения. Очень интересно узнать, например, что известное послание Рузвельта от 25 сентября 1938 г. к главам европейских государств было задумано вначале как обращение «К американскому и ко всем заинтересованным народам». Но почему от этого плана пришлось отказаться, почему одна фраза из первого варианта проникла во второй, авторы не объясняют: им не под силу раскрыть этот факт. К тому же материал авторов весьма ограничен; видно, что он получен ими главным образом с «черного хода». Случайный характер материала приводит авторов к тому, что о дальневосточной политике США они упоминают лишь вскользь, когда им приходится сказать несколько слов об отмене США торгового договора с Японией. Другому вопросу — латиноамериканской политике, также занимающей одно из центральных мест в политике США, — авторы отводят ничтожно мало места, да и то лишь потому, что они могли здесь дать один штрих закулисной дипломатии.

Книга не дает картины внешней политики США в этот период, а лишь фрагменты этой картины. Однако не приходится отрицать, что в руках будущего исследователя эти документы будут полезными.

Совсем иначе обстоит дело со второй рецензируемой книгой. Ее автор — известный американский публицист и знаток международных проблем; его имя хорошо знакомо читателям образцовых изданий американской «Ассоциации внешней политики» — бюллетеней «Foreign Policy Reports». Автор не только хорошо знаком с фактами международной политики: он умеет их ясно и в то же время остро излагать; его книгу выгодно отличает от других работ такого рода серьезный, вдумчивый подход к проблемам международных отношений.

Книга посвящена доказательству того, что «изолированная Америка» существует только в воображении некоторых лиц, сознательно или несознательно закрывающих глаза на факты. В действительности, как доказывает автор, Америка связана тысячами нитей со всем миром: и в политике, и в экономике, и в финансах. Доказательству этого тезиса автор посвящает самую обширную, вторую часть своей работы, носящую характерное заглавие — «Ответственность Америки за прошлое».

«Несомненно, — пишет автор, — большинство американцев полагает, что наша страна всегда была готова принять участие в мероприятиях по уничтожению войн и вооружений, но что все наши усилия в этом направлении разбивались о неговорчивость других держав» (стр. 38). Шаг за шагом автор показывает, что это представление неверно.

За неудачу попытки остановить японскую экспансию в Китае, как доказывает автор, повинны не только другие державы, но и США. Автор напоминает факт, который, по его мнению, имел решающее последствие для всей истории дальневосточной проблемы: «В 1931 г., после

манчжурского «инцидента», члены Лиги осведомились о позиции США в вопросе о санкциях. Как об этом говорит Дауэс в своих воспоминаниях<sup>1</sup>, США решительно отказались от участия в этой акции и заняли позицию «морального воздержания», очень похожую на «позицию» повара из известной басни Крылова «Кот и повар». Автор не стремится оправдать и английскую политику; он признает, что ответственность за неудачу остановить Японию следует разделить между Англией и Америкой» (стр. 61), хотя и утверждает, что при всей нерешительности американской дипломатии «она все же шла дальше, чем английская» (стр. 61).

Говоря о неудаче разоружения и, в частности, о провале Женевской конференции 1932—1933 г., автор, пожалуй, идет слишком далеко, приписывая США вину за срыв этой конференции. Факты таковы. Весной 1933 г. наметился поворот в политике США к более тесному сотрудничеству с державами Лиги: 21 мая делегат США Норман Дэвис заявил, что США будут консультироваться с другими державами в случае нарушения кем-либо парижского пакта, и если придут к определению агрессора, то США воздержатся от всякого действия, которое могло бы помешать Лиге. Однако сенат не поддержал этой инициативы Рузвельта: сенатская комиссия по иностранным делам внесла в резолюцию палаты представителей (о предоставлении президенту права налагать эмбарго на торговлю с агрессором) поправку, полностью изменившую смысл этой резолюции. В силу этой поправки эмбарго должно было налагаться на обе страны: и на агрессора и на жертву агрессии. Это обстоятельство, по мнению автора, в конечном счете взорвало конференцию по разоружению.

Автор в своем утверждении идет дальше: он пишет, что «Америка требовала от Франции больших уступок для умиротворения Европы, чем сама готова была сделать. Например мы приветствовали бы отмену репараций, но лишь немногие в США соглашались на ликвидацию межсоюзнического долга. Заставляя Францию разоружиться ранее того, как было достигнуто соглашение по этой и по другим проблемам, США поощряли германский ревизионизм, хотя мы и отрицали это. Не выдерживает критики позиция Америки, когда она утверждала, что не заинтересована в политических проблемах Европы, и в то же время возглавляла движение за разоружение. В глазах Франции, Чехословакии и Польши эта политика представляла собою неоправданное вмешательство в дела европейского континента» (стр. 64—65).

Мы видели, что при первой же попытке активизировать участие США в международной политике Рузвельт натолкнулся на оппозицию сената. Это противоречие между законодательной и исполнительной вла-

<sup>1</sup> Dawes C. G. «Journal as ambassador to Britain», p. 416.

стью США наложило свой отпечаток на внешнюю политику США во все последующие годы. Особенно значительную роль в этом смысле сыграло известное законодательство о нейтралитете, которое по рукам и ногам связывало американскую дипломатию во все предвоенные годы, снижая ее роль в мировой политике. Автор приводит многочисленные факты, свидетельствующие о том, какую глубокую апатию испытывал американский народ к гитлеризму и его методам. Стихийный «моральный бойкот» фашистской Германии привел к тому, что к 1938 г. американо-германская торговля упала на три четверти в сравнении с 1929 годом. Руководящие деятели США неоднократно давали выход этим антигерманским настроениям: наиболее яркий факт этого рода — известная речь министра Икеса в ноябре 1938 года. Однако политика нейтралитета позволяла Германии оставаться в уверенности, что со стороны США ей нечего опасаться; автор правильно указывает, что законы о нейтралитете были фактически направлены против Англии и Франции, ибо эти законы закрывали американский рынок именно для них, а Германия, слабая на море, все равно рассчитывала на него не могла (стр. 82).

В этих условиях правительство Рузвельта в своей внешнеполитической линии постоянно находилось между двух огней: антигерманскими элементами, с одной стороны, и изоляционистами — с другой. В результате внешняя политика США, часто смелая на словах, на деле страдала нерешительностью. Непоследовательностью отмечена политика США и в Европе и на Дальнем Востоке. Когда Англия летом 1939 г., в самый разгар европейского кризиса, подверглась нажиму со стороны Японии (дело о концессии в Тяньцзине), конгресс США своим отказом пересмотреть некоторые статьи закона о нейтралитете дал Англии повод решить, что помощи со стороны США ей ожидать на Дальнем Востоке не приходится; результатом было знаменитое соглашение Арита — Крэйги от 24 июля 1939 г., которое Бюэлл называет «дальневосточным Мюнхеном». Во второй половине 1938 г. между США и Японией произошел многократный обмен нотами, довольно резкими по форме. Это, однако, не помешало США продолжать поставку в Японию различных видов военно-стратегического сырья (одна США поставили 56% всего японского ввоза этих материалов).

Подводя итог своим рассуждениям, автор заключает эту центральную часть книги об ответственности США за прошлое

следующими словами: «Наша созесь не может оставаться спокойной. Мы хотели, чтобы Англия и Франция воевали за Чехословакию, но сами воевать не хотели. Нам не нравился мир, окружавший нас, но мы сами несознательно сделали его таким, каков он есть» (стр. 202).

В других частях своей книги автор показывает глубокую заинтересованность США в событиях, происходящих в других частях света, и в особенности в исходе нынешней войны. В нескольких главах книги автор обсуждает возможные варианты исхода войны и показывает, что это означало бы для США. Автор настойчиво подчеркивает, что победа Германии означала бы серьезную угрозу для США. Однако здесь автор обнаруживает некоторую непоследовательность: влияние изоляционистских настроений, которые он так успешно громит в других местах своей книги, находит отражение и в его рассуждениях. Так, подчеркивая, что США должны помочь Англии и Франции разгромить Гитлера, он считает, однако, что эта помощь должна быть обусловлена уступками со стороны Англии и Франции. В первую очередь он намечает передачу США морских и воздушных баз в Галифаксе, на острове Тринидад «и вообще всех стратегических пунктов в Западном полушарии, принадлежащих европейским державам» (стр. 448).

В новом издании книги, вышедшем уже к концу 1940 г., когда выяснился полностью масштаб германской угрозы, автор, оставляя текст книги без изменений, в предисловии возражает против того, чтобы помощь западным демократиям была оговорена предварительными условиями. Ссылаясь на то, что положение не терпит отсрочки, автор настаивает на том, что помощь надо оказать немедленно и без всяких условий. Единственное условие, которое оставляет в силе автор: «Надо условиться, что британское правительство ни при каких условиях не передаст своего флота нацистам» (стр. XII).

В последней части книги автор намечает контуры организации послевоенного мира. Как известно, этот вопрос уже давно и оживленно дебатруется в иностранных кругах; количество книг, посвященных этому вопросу, чрезвычайно велико и продолжает увеличиваться. Эта часть книги Бюэлла самая слабая. В целом книга заслуживает внимания главным образом как глубокий анализ внешней политики США за последние десятилетия, основательно разбирающий все аргументы изоляционистов.

*Н. Ерофеев*

*SUMIMASU IDDITTI. Professor in Vaseda University. The life of Marquis Shigenobu Okuma. A maker of new Japan. Tokyo. 1940, 423 p.*

*СУМИМАСУ ИДДИТТИ, проф. университета Васэда в Токио. Биография маркиза Сигэнобу Окума. Создатель новой Японии.*

Книга написана автором по заданию университета Васэда<sup>1</sup> в связи со столетием со дня рождения его основателя — маркиза Окума. Этим определяется характер содержания книги. Она, по существу, является панегириком Окума, которого автор изображает самым крупным государственным деятелем новой Японии. Однако сделана эта работа довольно тонко, без обычной аляповатости, свойственной подобного рода юбилейным изданиям.

Автор излагает биографию Окума на большом историческом фоне. Первые главы, за исключением введения, в котором излагается общая характеристика феодальной Японии в период Токугава (1603—1867), дают отдельные интересные картинки быта самураев. Очень неплохо, например, описана автором японская провинциальная школа того периода, в которой учился Окума. В этой школе дети самураев в обязательном порядке проводили около 15—16 лет своей жизни, изучая китайскую философию и прежде всего конфуцианство, которое являлось официальной религией Токугавского сёгуната. Девять канонических книг, излагавших конфуцианскую идеологию, на первом этапе ее развития в древнем Китае, вначале читались вслух, потом рассказывались, затем устраивались публичные чтения. Помимо этих занятий самураи изучали военное дело. Кормили детей в этих школах неважно. Автор показал, как среди японского юношества возникло в 40-х и 50-х годах движение за реформу обучения, за введение в программу других китайских философов, помимо Конфуция и его учеников, за изучение голландского языка и т. д.

Сигэнобу Окума происходил из сравнительно состоятельной семьи самураев, имевшей годовой доход в 400 коку риса<sup>2</sup> и жившей в японской провинции Хидзен, на острове Кюсю (теперешняя префектура Сага). Окума не принадлежал к тем двум феодальным кланам, которые сыграли решающую роль в период 60-х годов XIX в. и затем в течение нескольких десятков лет монополизировали в своих руках все важнейшие правительственные должности в стране. Эти два известных клана — Са-

цума и Тёсю — всегда враждовали между собой, но вместе с тем поддерживали контакт, когда их монополия угрожала опасности со стороны какого-нибудь третьего клана или иной группировки. Автор очень много внимания уделяет политике Сатё (т. е. Сацума и Тёсю. — А. Г.), в значительной мере объясняя противодействием этих двух кланов все неудачи в карьере Окума.

Окума не принимал активного участия в антиправительственном движении накануне 1867 г., так же как и в самой революции. В этот период он был чиновником по наблюдению за торговлей в Нагасаки. Однако тщеславие и честолюбие, которыми он в большой степени обладал, заставляли его предпринимать некоторые шаги для того, чтобы выдвинуться. Автор в данном случае правильно оценивает мотивы, руководившие Окума в его попытках примирить враждующие группировки — сторонников сёгуна и сторонников императора. Окума решительно не присоединился ни к той, ни к другой группировке, хотя как будто его сочувствие было на стороне императора. И в дальнейшем, когда правительство стали возглавлять попеременно то представители клана Сацума, то клана Тёсю, Окума поддерживает хорошие отношения с виднейшими представителями того и другого клана: Ито, Иноуэ (Тёсю), Окубо, Мацуката (Сацума). Автор детально описывает всю государственную деятельность Окума, менее подробно останавливаясь на его деятельности в качестве основателя и руководителя политической партии кайсинто, а также на его деятельности в созданном им университете.

Рецензируемая книга, безусловно, представляет интерес, так как дает довольно обильный фактический материал, особенно для тех периодов, когда Окума был у власти (вице-министром, министром и т. д. в 80-е и 90-е годы XIX в.). Значительно менее интересна та часть книги, в которой излагается общая история этой эпохи. Здесь мало новых данных и совсем нет серьезного анализа. Автор излагает революцию 1867—1868 гг., ограничиваясь лишь борьбой кланов, совершенно не упоминая о роли крестьянства и буржуазии. В следующий период народного движения (минсэн ундо) за конституцию автор также не показал этого народного движения, сосредоточив главное внимание на борьбе оппозиционных партий между собой (гл. VIII).

Автор добросовестно излагает все важнейшие события политической истории Японии второй половины XIX в. и начала XX в., не допуская мысли, чтобы какое-либо из этих событий могло произойти без участия Окума. Это умалало бы, по его

<sup>1</sup> Васэда — район гор. Токио, где жил Окума и где был основан им университет, первоначально называвшийся Токийским колледжем.

<sup>2</sup> Большая часть японских самураев была лишена Токугавским сёгунатом права владеть землей и взамен получала рисовые пайки, размер которых определял имущественное положение самурая. Коку риса — около 10 пудов.

мнению, роль Окума. Поэтому часто биография Окума притягивается «за волосы» к тому или иному событию.

Мировоззрение автора книги ярко проявляется в его оценке деятельности Окума как премьера в 1914—1916 гг., когда Китаю были предъявлены известные 21 требование. Автор утверждает, что сущность этих требований не была понята, что Окума и его министр иностранных дел Като хотели лишь внести ясность, точность в японо-китайские отношения, сделать их более постоянными (продление срока аренды ЮМЖД и Квантунской области до 99 лет и т. д.). Но автор, очевидно, чувствует, что нельзя ограничиться этими несерьезными заявлениями. Поэтому, убеждая читателя, с одной стороны, что в 21 требовании нет ничего из ряда вон выходящего, автор, с другой стороны, пытается снять ответственность с Окума за эти требования. Величайшая ирония истории, говорит он (стр. 388), заключается в том, что Окума, наиболее либеральный, наиболее умеренный и великодушный из японских государственных деятелей, оказался связанным с дипломатическим актом, расцененным как оскорбление, как насилие над слабым соседом Японии. И далее опять следует выгораживание Окума, когда автор утверждает, что Окума и Като не могли вести китайскую политику так «мягко», как они хотели бы, поскольку на них оказывали давление старшие сановники.

Все эти доводы, конечно, малоубедительны и противоречат известным историческим фактам, а именно: как раз старший сановник (гэнро) Ямагата, наиболее реакционный из всех государственных деятелей Японии того времени, настаивал на снятии пятого раздела 21 требования ввиду того, что этот раздел вызвал особенно резкие протесты и в Китае, и среди стран Антанты, и даже среди японской буржуазии, заинтересованной в развитии нормальных коммерческих связей с Китаем.

Основная и главная задача, которую поставил себе автор в изложении этой биографии, сводится к тому, чтобы поднять графа Окума на такой пьедестал, с которого он мог бы выдержать сравнение с другим государственным деятелем Японии — князем Хиробуми Ито. На протяжении всей книги автор настойчиво старается доказать, что Окума — такой же крупный деятель, как Ито, что он играл не меньшую роль в истории Японии, чем Ито, что отдельные неудачи в карьере Окума объясняются причинами, не зависящими от него, лежащими вне его, и что своей блестящей карьерой Ито обязан не только своим личным талантам, но и благоприятно сложившейся для него обстановке.

Задача эта, безусловно, нелегкая. Ито мог же Окума и умер на 13 лет раньше его, однако за сравнительно не очень большой период своей государственной деятельности Ито был четыре раза премьер-министром и неоднократно председателем тайного совета Японии. Ито — автор японской конституции, участник многих

международных переговоров, и его подпись стоит на важнейших договорах Японии с Китаем. Карьера Окума не столь блестяща: он всего два раза был премьером, ни разу не был во главе тайного совета, и хотя и был министром иностранных дел, но и в дипломатии не сыграл такой крупной роли, как Ито.

Автор останавливается довольно подробно на неудавшейся попытке Окума взять на себя разработку проекта конституции. В 1880 г., когда в связи с подъемом народного движения за конституцию все министры представляли императору свои проекты конституции, Окума хотел доложить свой проект лично императору, но это ему не удалось, и он был вынужден изложить его письменно. По словам автора, Окума, Ито, Иноуэ (личный друг Ито, занимал посты министра иностранных дел, финансов и пр.) принадлежали к либеральной группировке, настаивавшей на создании парламента по европейскому образцу и пр. Ито переписал весь доклад Окума (явный намек на то, что он его потом использовал), но доклад этот испугал Ито и весь кабинет министров своей «революционностью», хотя вся эта революционность, помимо предложения создать парламент по английскому образцу, заключалась лишь в том, что Окума выступал против диктатуры кланов Сагэ и его подозревали (с известным основанием. — А. Г.), в том, что он хотел возглавить комиссию по разработке конституции и вообще стать во главе всего управления страной. Деятели кланов Сацума и Тёсю объединились против Окума, и он был вынужден подать в отставку. Отошел от него и Ито. Если бы, пишет далее автор, Ито оставался другом Окума, то история современной Японии могла бы получить другое направление; помешали этому личная неприязнь Ито и Окума, их соперничество в борьбе за власть. В день отставки Окума было принято решение о введении конституции (с 1890 г.); Ито был назначен председателем комиссии по разработке проекта конституции, став фактическим руководителем кабинета.

Основная мысль автора в изложении этих событий — показать, что идеи Окума (парламентаризм) легли в основу новой конституции, но осуществление их было отнято у Окума, поскольку он не принадлежал к господствующим кланам.

В последней главе (XVI), подводя итоги всей жизни и деятельности Окума, автор вновь возвращается к своей основной теме — сопоставлению Окума и Ито, — но здесь он уже оставляет в стороне политические интриги, борьбу за власть и пытается дать сравнительную характеристику этих двух, по его мнению, крупнейших государственных деятелей Японии. Ито, по его словам, практичнее; он предвидит ближайшие последствия предпринимаемых шагов; Окума, наоборот, не интересовался деталями, но зато он смотрел далеко вперед. Как политический деятель Ито не имел соперников, он был чрезвычайно осторожен и бо-

излив; Окума превосходил его и творческой плодотворностью и смелостью.

Как ни спорна эта характеристика, мы все же полагаем, что автор в этих строках ближе подошел к определению роли Окума, чем на протяжении всей своей работы. Окума—блестящий оратор, неплохой публицист и литератор—лишь случайно, в силу личного честолюбия и установившихся у него персональных, главным образом коммерческих, связей с крупнейшим представителем японской буржуазии Ивасаки (фирма Мицубиси), стал играть значительную роль в политической жизни страны. Он принадлежал к той группировке японского дворянства, которая теснее всего была связана с крупной буржуазией и представляла ее интересы в государственном аппарате (кабинете министров), куда буржуазия недворянского происхождения до первой мировой войны не имела доступа. Никакими особенно крупными талантами администратора Окума не обладал. Даже в руководстве созданной им партии кайсэинто Окума не проявил достаточной твердости и инициативы. Он не сумел ни выработать программы, которая бы вполне соответствовала интересам усиливавшейся японской буржуазии, ни достаточно решительно отстаивать интересы этой буржуазии. Поэтому партия неоднократно меняла и программу, и свой состав, и свое название; Окума то руководил ею, то отстранялся от руководства, и эта партия, которая должна была представлять буржуазную оппозицию военной клике Ямагата—Кацура, одно время даже стала орудием в руках этой клики (партия досикай).

Основная черта всей деятельности Окума, тщательно, но не всегда удачно скрываемая автором,— это готовность Окума к любому компромиссу с властью имущими, исходящая из неумеренного честолюбия его и желанья всегда, везде и во всем играть видную роль. Ито был, возможно, более консервативен, чем Окума, он был циничен и жесток в отношении китайцев и корейцев. Однако всегда отстаивал какую-то свою точку зрения, свою позицию. Так было в вопросе русско-японских и англо-японских отношений, когда Ито решительно выступил против англо-японского союза. Так было и в конституционных вопросах, когда Ито, создав чрезвычайно консервативную, реакционную конституцию, отстаивал проведение ее в жизнь против попыток Ямагата—Кацура вести политику по-старому. Посланный после русско-японской войны в Корею, чтобы окончательно подчинить ее Японии, Ито и в этой своей полицейской функции обнаруживал известную «принципиальность». Он потребовал, и император согласился, чтобы ему—штабскому человеку—были бы подчинены все японские вооруженные силы в Корее, в противном же случае отказывался подчинить эту страну японскому господству. В среде японских либеральных государст-

венных деятелей Ито занимал особое место; с ним считались, к его мнению прислушивались.

Окума—совсем другого склада человек: он начинает свою политическую деятельность с попытки примирить сёгуна и императора—с компромисса, и кончает предъявлением Китаю 21 требования, суть которых полностью противоречит его либеральным, а зачастую даже радикальным высказываниям. Он идет на этот шаг под давлением главным образом своего министра иностранных дел Като, но также и в силу благоприятно сложившейся для Японии международной обстановки, которую малопринципиальный человек, подобно Окума, не мог не использовать. Рьяный защитник англо-японского союза в 1899—1902 гг., он в период первой мировой войны, плывя по течению, чрезвычайно резко выступал против Англии<sup>1</sup>.

В заключительной главе своей книги автор пытается доказать, что руководители Сацума и Тёсю привлекали Окума к власти в тех случаях, когда они заходили в тупик и не знали, что предпринять: так было в 1888 г., когда надо было договориться с иностранцами о пересмотре договоров; так было в 1898 г., когда Сацума и Тёсю не могли договориться о составе кабинета и решили допустить в виде опыта партийный кабинет; так было и в 1914 г., когда трудно оказалось найти подходящего премьера. Возможно, что автор и прав, однако, очевидно, руководители Сатё, привлекая Окума, были вполне уверены, что несмотря на весь свой либерализм, даже радикализм, Окума ничего серьезного, решительного, направленного против интересов самурайства, не предпримет. Иначе они не допустили бы его к власти.

И действительно, Окума, не в пример другим государственным деятелям Японии, чрезвычайно много писал, говорил; граммофонные пластинки передавали его речи по всей стране. Но реальных, больших дел на его балансе мало.

Более яркую характеристику Окума, чем вся книга, по нашему мнению, дают слова русского посла в Токио, написанные им в 1913 г. в связи с шовинистической кампанией, поднятой японской прессой из-за убийства трех японцев в Китае: «Enfant terrible» японской общественной жизни, легкомысленный старец Окума неистово шумел и доказывал, что Япония, прежде чем требовать объяснений от Пекина, должна захватить часть китайской территории и потом уже «разговаривать» с китайцами».

А. Гальперин

<sup>1</sup> Rooley A. M. «Japan's foreign policy», p. 88. 1917. Окума принадлежат слова, сказанные на публичном заседании в 1913 г.: «В Индии триста миллионов индийцев надеющихся, что мы освободим их от английского рабства».

## БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Birchall Fr. T. *The storm breaks. A panorama of Europe and the forces that have wrecked its peace.* New York. Viking press. 1940. 366 p.

Берчал Ф. *Шторм разражается. Картина Европы и сил, которые разрушили мир.*

Автор — видный американский журналист, долголетний сотрудник «New York Times». С 1932 г. автор возглавлял европейское представительство газеты. В книге описываются события, очевидцем которых был автор, начиная с 1932 г. до начала войны в Европе. Даны многочисленные зарисовки, характеристики и портреты политических деятелей, основанные на личных наблюдениях автора.

Burt A. L. *The United States, Great Britain and British North America.* Oxford. 1941.

Барт А. *США, Великобритания и Британская Северная Америка.*

Исследование, посвященное взаимоотношениям между Англией и ее североамериканскими владениями, начиная с 1775 г. и после войны за независимость США до 1820 года. Автор изучает причины войны североамериканских колоний за независимость в 1776—1783 гг. и взаимоотношения Англии и США в период наполеоновских войн. 1820 г. автор считает моментом окончательного установления мира и сотрудничества между обеими странами.

Griscom L. C. *Diplomatically speaking.* Boston. 1940. VIII, 476 p.

Гриском Л. *Говоря дипломатическим языком.*

Живо и образно написанные мемуары американского дипломата. Автор проливает свет на некоторые детали международной и внешней политики США последней полусотни лет. Автор начал свою диплома-

тическую деятельность в должности секретаря посла США в Лондоне—Байярда—в конце XIX века. После краткого перерыва в дипломатической службе, во время которой автор участвовал в испано-американской войне, следует назначение автора на должности атташе американского посольства в Константинополе, чрезвычайной миссии в Персии, сотрудника американского посольства в Японии (в период русско-японской войны), посланника в Бразилии и посла в Италии (в годы первой мировой войны). После вступления США в войну автор занимал должность офицера по связи между английским и американским военным командованием.

Hitti P. K. *History of the Arabs.* London. 2nd ed. 1940. XIX, 767 p.

Хитти П. *История арабов.*

История арабского народа и арабских завоеваний, начиная с первых сведений об арабах до начала XVI века. Автор дает характеристику экономического и социального быта древних арабов и арабских племенных образований. В книге дана история Магомета и арабских завоеваний при первых калифах, история империи Омейядов и Аббасидов, арабских владений в Испании и Сицилии и «последнего средневекового мусульманского государства» в Европе. В книге дан ряд иллюстраций и карт.

Leacock Stephen. *The British Empire, its structure, its unity, its strengths.* New York. 1940. VI, 263 p.

Ликок С. *Британская империя, ее структура, единство и сила.*

Книга известного канадского писателя и публициста. Автор дает краткий обзор истории Британской империи, ее географического положения, анализ экономических ресурсов и очерк ее структуры. Автор старается подчеркнуть ту мысль, что силой, скрепляющей отдельные части империи, яв-

ляется не принуждением, а добровольное сотрудничество. В виде приложения дана таблица владений империи на разных континентах.

Robertson, Major F. A. de V. *British Aviation. British Council.* London. 1941. 52 p.

Робертсон Ф. *Британская авиация.*

Характеристика английской авиации, ее структуры, участия в современной войне. Наряду с военной авиацией описывается и гражданский воздушный флот. Автор является долговременным сотрудником английской «Manchester Guardian» и журнала «Flying»; в последнее время он состоит на службе в британском военно-воздушном флоте.

Sachar Abr. L. *A History of Jews.* 2nd ed. New York. 1940. XV, 397, XVI p.

Захар А. *История евреев.* 2-е издание.

Всеобщая история еврейского народа с древнейших времен до наших дней. Первое издание книги вышло в 1930 г.; настоящее издание дополнено главами о положении евреев после 1930 г. до начала нынешней войны; много внимания уделяется положению евреев в гитлеровской Германии. В книге несколько карт. В конце дан указатель литературы. Автор, являющийся по убеждениям сионистом, занимает профессорскую кафедру при Чикагском университете.

Speranza F. C. ed. *The diary of Gino Speranza. Italy, 1915—1919.* 2 vols. New York. Columbia University. 1941. XXVII, 406 p.

Сперанца Ф., ред. *Дневник Джинно Сперанца. Италия в 1915—1919 гг.* 2 тома.

Дневник Дж. Сперанца — американского гражданина. Сперанца состоял итальянским корреспондентом американского жур-

нала «Out look» и газеты «Evening Post» в годы войны. Его дневник дает богатый материал об участии Италии в войне, о положении на фронтах, настроениях в стране и т. д. С сентября 1917 г. до весны 1919 г. Сперанца являлся сотрудником американского посольства в Риме.

Sykes Brig.-Gen. Sir Percy. *A History of Afghanistan.* London, 1940. Vol. I, XI, 411 p.; vol. II, VIII, 414 p.

Сайкс, бриг.-ген., сэр Перси. *История Афганистана.*

История Афганистана с древнейших времен до вступления на престол Захиршаха в 1933 году. Автор известен своим большим трудом по истории Персии. В рецензируемой книге автор излагает преимущественно политическую историю Афганистана, обращая главное внимание на внешнеполитическое положение Афганистана, особенно в новое время. В виде приложения дан ряд документов: англо-афганские договоры 1893 и 1919 гг., англо-русское соглашение 1907 г. и др. В книге ряд иллюстраций и карт.

Van der Slice Austin. *International labor, diplomacy and peace, 1914—1919.* Philadelphia. University of Pennsylvania. 1941. XI, 408 p.

Ван дер Слайс О. *Международное рабочее движение, дипломатия и мир, 1914—1919.*

Исследование о роли организованного рабочего движения и социалистических партий Англии, Франции и США в разработке мирных условий в период войны и на мирной конференции в Версале. Автор дает характеристику социалистических лозунгов, которые выдвигались социалистическими организациями этих стран в период войны, и прослеживает влияние, которое эти лозунги оказали на условия мира, утвержденного в Версале. Большое внимание в книге уделяется идеям Вильсона; проводится параллель между программой Вильсона и мирными программами социалистических организаций. Отдельная глава отведена Бернской конференции социалистических партий. В конце книги дана библиография вопроса и характеристика рабочей печати Франции, Англии и США в 1914—1919 годах.

## ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

Институт истории АН СССР в 1942 году



С первых же дней великой отечественной войны нашего народа против гитлеровской Германии Институт истории перестроил свою научную работу, поставив ее всецело на службу, борьбы нашей героической Красной Армии с разбойничье-фашистскими ордами.

В первый год отечественной войны научные сотрудники Института написали ряд брошюр, освещающих героическую борьбу наших великих предков и русского народа за свою родину и независимость со всякого рода захватчиками. В брошюрах была показана вековая героическая борьба славянских народов с немецкой агрессией.

В 1942 г. перед Институтом, являющимся одним из ведущих участков идеологического фронта, стоит огромная задача — вместе со всей страной под руководством партии помочь нашей героической Красной Армии выполнить историческую задачу окончательного разгрома немецко-фашистских захватчиков. Вся тематика плана на 1942 г. построена в этом направлении. План Института состоит из 8 основных разделов.

Первый раздел посвящен 25-летию Великой Октябрьской социалистической революции; в него входят следующие работы: «25 лет советской власти» (проф. Б. М. Волин), «25 лет социалистического строительства в Узбекской ССР» (А. М. Гуревич), «Советская историческая наука за 25 лет» — сборник под редакцией акад. Б. Д. Грекова, Е. В. Тарле, членов-корреспондентов АН СССР А. М. Панкратовой, И. И. Минца и А. В. Ефимова, д-ра исторических наук Л. И. Зубока, канд. исторических наук М. А. Коростовцева; «Борьба за власть советов» (И. П. Кучкин), «Минский совет в 1917 г.» (Богданов, под редакцией А. М. Панкратовой).

Эти работы должны показать, как создалось мощное советское государство и как было достигнуто морально-политическое единство в нашей стране, которое обеспечит окончательную победу над врагом.

Второй раздел плана посвящен истории народов СССР с древнейших времен до наших дней и состоит из следующих работ: «История Казахской ССР» (учебник

для средней школы и партактива), подготавливается и издается в Алма-Ата коллективом историков Института истории АН СССР и Казахским филиалом АН под руководством отдела пропаганды ЦК КП(б)К; «История узбекской ССР» — три тома (учебник для высших учебных заведений), подготавливается и издается в Ташкенте Институте истории АН СССР и Узбекским филиалом АН под руководством отдела пропаганды ЦК КП(б)Уз; «Героическая борьба узбекского народа в великой отечественной войне» (летопись) под ред. акад. Б. Д. Грекова; «Героическая борьба казахского народа в великой отечественной войне» (летопись), составлена Казахским филиалом ИМЭЛ при участии историков Института истории АН СССР.

Эти работы покажут исторический путь казахского и узбекского народов от бесправного, колониального состояния до национального освобождения и превращения их в мощные советские социалистические республики, борющиеся рука об руку с братским русским народом против немецких оккупантов, за свободу, за независимость, за любимую родину.

Третий раздел плана посвящен великой отечественной войне советского народа против гитлеровской Германии. Институт истории подготавливает к изданию сборник «История русского военного искусства» (три части) под ред. полковника Таленского и проф. А. Л. Сидорова. Первая часть сборника охватывает развитие военного искусства русской армии, начиная с Киевской Руси и кончая русской стратегией Суворова; вторая часть — развитие национального русского военного искусства, начиная с Кутузова и кончая историей стратегии русской армии в 1914—1918 гг.; третья часть сборника посвящена Красной Армии, ее выдающимся полководцам, стратегическому гению великого полководца Сталина, советско-финляндской войне и великой отечественной войне против гитлеровской Германии.

Следующий сборник этого раздела — «Партизанская борьба в истории освободительных войн советского народа» — под ред. И. И. Минца покажет героическую борьбу партизан в истории освободительных войн: Отечественной войны 1812 г.,

партизанской войны против немцев, против Колчака, Деникина, против интервентов — и завершится общим очерком партизанской войны советского народа против немецко-фашистских оккупантов. В этот же раздел входит сборник «История партизанской борьбы на Западе» под ред. акад. Е. В. Тарле. Сборник обобщит опыт партизанской борьбы на Западе: гуситские войны, гёзы в борьбе за независимость Нидерландов, партизанские методы борьбы американцев за свою независимость, гверильясы Испании в борьбе против наполеоновского вторжения, «тысяча» Гарибальди в борьбе против угнетателей итальянского народа, роль франтиреров в франко-прусской войне, комитаджи Болгарии в борьбе за свою независимость и др.

В четвертый раздел плана — «Война и мир» — включаются следующие работы: «Тридцатилетняя война и вестфальский мир» (проф. Р. Л. Вайнштейн); «Семилетняя война» (акад. Ф. А. Ротштейн); «Тильзитский мир» (акад. Е. В. Тарле); «Разгром Германии в 1918 г.» (проф. Ф. О. Нотович). Некоторые из этих работ будут закончены только в 1943 году. Работы должны ответить на вопрос о том, как соответствующие условия войны подготовили и соответствующие условия мира.

Пятый раздел плана — «Разоблачение фашизма» — состоит из трех крупных работ: «Кто такие национал-социалисты?» под ред. акад. Е. В. Тарле, профессоров В. П. Потемкина, Л. И. Зубока и Ф. О. Нотовича; в работе широко освещается положение о фашистах, высказанное товарищем Сталиным 6 ноября 1941 г. на торжественном заседании Московского совета депутатов трудящихся. Работа покажет причины возникновения фашизма в Германии, основные этапы развития фашизма: фашизм у власти, война германского фашизма за мировое господство, крах фашизма; «Против фашистской фальсификации истории» — сборник под ред. чл.-корр. АН СССР А. Д. Удальцова; «Единство происхождения и развития народов мира и фашистская фальсификация истории» (А. Д. Удальцов).

Шестой раздел плана — «История славянства» — включает две работы: «Очерки по истории славянских народов» (Польша, Чехия, Сербия, Черногория, Болгария, Хор-

ватия, Словения, Македония, прибалтийских стран и др.) под ред. чл.-корр. АН СССР В. И. Пичеты, профессоров З. Р. Неядлы и Д. И. Влахова; «Славянство в борьбе с немецкой агрессией» под ред. проф. З. Р. Неядлы и кандидата исторических наук Р. К. Караколова.

Эти работы должны показать этапы германской агрессии на славянский Восток, полабских славян, героическую борьбу славянских народов против германской агрессии с древних времен вплоть до нынешней борьбы с фашизмом.

Седьмой раздел плана содержит работы: «Англо-русские отношения с XVI до XVIII в.» (акад. Ю. В. Готье и чл.-корр. С. В. Бахрушин); «Культурные связи России и Англии в XVIII—XIX вв.» (чл.-корр. АН СССР Е. А. Косминский); «Война на Тихом океане» — сборник под ред. проф. Г. Н. Войтинского; «Пять лет национальной освободительной войны китайского народа» (проф. Г. Н. Войтинский и канд. исторических наук Л. В. Симоновская).

Восьмой раздел плана — «Преподавание истории». Под ред. членов-корреспондентов АН СССР А. М. Панкратовой, А. Д. Удальцова и Е. А. Косминского разработано историческое пособие «Преподавание истории в условиях великой отечественной войны» (методическое пособие по древней, средней, новой истории и истории СССР). Работа выйдет в свет к новому учебному году на узбекском и русском языках.

План — большой, напряженный и ответственный по задачам и срокам, но он будет выполняться не только научными силами Института истории: к выполнению намеченных работ Институт привлекает научные кадры историков нашей страны, работающих не только в Москве, но и на периферии. Объединить и направить работу всех историков — одна из важнейших задач Института истории.

Работники исторического фронта в решающий год борьбы с гитлеровской Германией должны создать работы, которые еще больше укрепят мужество, непоколебимость и уверенность нашего народа в неизбежности и скорой победе над гитлеризмом. Работы историков должны быть достойны наших великих дней борьбы.

*П. Алефиренко*



Алмаатинская группа Института истории, состоящая из 10 старших научных сотрудников, за 6 месяцев проделала большую работу. В феврале этого года она выпустила в свет методическое пособие для учителей средних школ — «Преподавание истории в условиях Великой отечественной войны»<sup>1</sup> (16 печатных листов). Пособие состоит из вводной статьи, написанной А. М. Панкратовой, и двух выпусков методических разработок наиболее актуальных тем:

по новой европейской истории 15 тем и по истории СССР 24 темы. Редакторы пособия: А. М. Панкратова (ответственный редактор), А. П. Кучкина, А. Ф. Миллер, Ф. В. Потемкин.

<sup>1</sup> Пособие переиздается в Ташкенте под ред. А. М. Панкратовой, Е. А. Косминского и А. Д. Удальцова с дополнительными главами, написанными А. Ф. Миллером и Ф. О. Нотовичем.

Группа заканчивает редактирование учебника по истории Казахской ССР, предназначенного для старших классов средней школы. В составлении учебника приняли участие и алмаатинские историки. Учебник состоит из 23 глав и охватывает все этапы развития исторического процесса на территории Казахстана, начиная с древнейших времен и кончая участием казахского народа в великой отечественной войне против гитлеровской Германии. В состав редакционного коллектива от группы входят: А. М. Панкратова, А. П. Кучкина, М. И. Вяткин.

В связи с войной группа изучала вопросы теории и истории войн в свете учения классиков марксизма. Ф. В. Потемкин разработал тему «Учение К. Клаузевица о войне». Доклад на эту тему был сделан автором в апреле в Ташкенте на сессии, посвященной вопросам теории и истории войн. На проведенной в мае исторической научной сессии группы Ф. В. Потемкин сделал доклад на тему «Учение Ленина — Сталина о войнах справедливых и несправедливых».

Ф. О. Нотович разработал тему «План Шлиффена и авантюристическая стратегия гитлеровской Германии». Доклад на ту же тему был прочитан им в Ташкенте и в Алма-Ате.

Н. М. Дружинин разработал тему «Народ и армия в отечественной войне 1812 г. и в великой отечественной войне против гитлеровской Германии» и прочитал доклад по этому же вопросу. Д. А. Бавский разработал тему «Сталинское искусство побеждать врага». Доклад прочитан на научной сессии группы 4 июня 1942 года. Р. А. Авербух разработала тему «Италия в первой и второй мировых войнах». На эту тему ею написана научно-популярная брошюра. С. И. Ленчер и Ф. О. Нотович готовят главы коллективной работы Института «Очерки истории германского фашизма».

Написаны и сданы в издательство брошюры Ф. В. Потемкина «Теория войны в трудах Клаузевица и марксистско-ленинское учение о войнах» и Ф. О. Нотовича «От первой ко второй мировой войне» и «Первое вероломное нападение Германии на Советскую республику в 1918 г.». Я. Я. Зутис написал брошюру «Немецкие бароны на службе царизма». Подготавливаются брошюры Д. А. Бавского «СССР — единый боевой лагерь», А. П. Кучкина «Борьба за власть советов», Ф. О. Нотовича «Захватнические планы германского империализма в первой и второй мировых войнах».

А. П. Кучкин и Д. А. Бавский принимают активное участие в составлении летописи «Казахстан в великой отечественной войне». Работа ведется Казахским филиалом Института Маркса — Энгельса — Ленина.

За истекший период научные сотрудники алмаатинской группы Института истории поместили более 20 исторических статей в журналах и газетах, прочитали в различных аудиториях (перед республиканским активом, в военных частях, госпиталях, высших учебных заведениях, средних школах и пр.) более 150 лекций, преимущественно на военно-исторические темы, провели большую рецензентскую и консультационную работу и продолжают работать над начатыми ими ранее крупными монографиями. Так, Р. А. Авербух пишет исследование на тему «Революционное движение в Вене в 1848—1849 гг.»; Н. М. Дружинин написал новую главу своей работы «Государственные крестьяне и реформа Киселева»; Ф. О. Нотович собрал материал для своего исследования «Первая империалистическая война 1914—1918 гг.»; Ф. В. Потемкин дал новую главу своей монографии «Промышленная революция во Франции»; А. Ф. Миллер и Я. Я. Зутис работают над своими докторскими диссертациями.

А. Кучкин

## Работа исторических факультетов педагогических институтов Иркутска, Горького, Казани

### I

Кафедра истории Иркутского педагогического института перестроила свою учебную и научно-исследовательскую работу соответственно задачам военного времени. Учебные занятия посвящены разоблачению лженаучной фашистской историографии, выяснению исторических корней возникновения и развития немецкого империализма; особое значение придается изучению отечественных войн и военных традиций русского народа, воспитанию в студентах чувства патриотизма путем глубокого освещения мужественных образцов наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского, Александра

Суворова и Михаила Кутузова. Значительно расширены программы по истории славянских народов в курсах древней, средней и новой истории и истории СССР. Намечен специальный курс по истории славянства. По курсу истории колониальных и зависимых стран особое внимание уделено колониальной политике Германии и Италии, истории тихоокеанских стран (Китай, Индонезия, Индокитай, Таи и др.). Как правило, лекционные курсы по новой истории, истории СССР и истории колониальных и зависимых стран доводятся до текущего момента включительно.

Коренным образом изменилась тематика научно-исследовательских работ кафедры. Кандидат исторических наук, доцент, завкафедрой А. Ф. Остальцева работает

над докторской диссертацией «Англо-русский договор 1907 года». Автор поставил своей задачей на основе русских и иностранных источников осветить один из важнейших этапов борьбы России и Англии с Германией. Кандидат исторических наук доцент М. А. Гудошников продолжает работать над своей докторской диссертацией «История общественной мысли в Сибири в XIX веке», где будет показан процесс формирования и развития общественной мысли в Сибири, в первую очередь под влиянием политических ссыльных. Старший преподаватель С. В. Шостакович работает над кандидатской диссертацией «Война в древнем мире», основные проблемы которой разрешаются в плане рукописи Маркса «Формы, предшествовавшие капиталистическому производству». На одном из последних заседаний кафедры обсуждался доклад Шостаковича «Античный патриотизм и античная героика». Доклад этот переработан в статью — в помощь преподавателям истории средней школы. Для той же цели написаны им две другие статьи: «Против прогерманской трактовки вопросов древней истории» и «Колониальная политика Германии и Италии в школьном освещении». Старшим преподавателем истории СССР В. И. Дуловым написаны статья «К участию Сибири в Отечественной войне 1812 года» (опубликована в «Историческом журнале» за 1942 г. № 3—4) и популярная брошюра «Партизанское движение в фашистском тылу». Кроме того он подготовляет совместно с Ф. А. Кудрявцевым брошюру о высоких боевых качествах солдат-сибиряков, проявивших себя особенно ярко в русско-японскую войну, в первую мировую войну, в дни Октябрьской революции и в годы гражданской войны. В последнем разделе брошюры рассказывается о боевых подвигах сибиряков — участников великой отечественной войны.

Старший преподаватель истории средних веков О. И. Кашик готовит вводную главу своей кандидатской диссертации «Польская историческая литература о борьбе польского народа против германской экспансии в XV веке».

За истекший период войны научными работниками кафедры истории было прочитано до 150 лекций на самые разнообразные темы: «Текущий момент великой отечественной войны», «Кто такие национал-социалисты», «Единый фронт славянских народов в борьбе с гитлеризмом», «Советские партизаны», «Война на Тихом океане», «Отечественная война 1812 г.» и др. Работники кафедры активно сотрудничают и в местной печати.

Почти половина лекций была прочитана в военных частях и госпиталях; несколько лекций и консультаций состоялось в прикутском гарнизонном Доме Красной Армии, остальные — на предприятиях, в учреждениях и в городском партийном кабинете, а также в колхозах. 10 лекций и бесед передавало по радио.

Написан ряд статей для армейской газе-

ты «На боевом посту». Опубликованы статьи: А. Ф. Остальцева «Кто такие национал-социалисты», В. И. Дулова «Защита родины — завет наших великих предков», беседы о Минигне, Пожарском, Кутузове и др.

Во всех кампаниях помощи Красной Армии и Флоту преподавательский состав и студенты исторического факультета принимают самое активное участие.

В истекшем учебном году работники кафедры сделали несколько инструктивных и методических докладов для учителей прикутских школ, оказав им серьезную помощь в перестройке своей преподавательской работы соответственно задачам военного времени.

В. Дулов

## II

Война с фашистской Германией внесла коренные изменения в жизнь исторического факультета Горьковского педагогического института. Центр внимания и деятельность его коллектива, естественно, переместились в широкую рабочую массу, в части Красной Армии. Работники факультета стали публицистами, лекторами-массовиками и агитаторами.

Кафедра истории СССР совместно с городским агитационным пунктом организовала два историко-литературных вечера. Первый был посвящен 330-летию со дня выхода Нижегородского народного ополчения на спасение Москвы; второй вечер был посвящен 700-летию разгрома Александром Невским псов-рыцарей на Чудском озере.

Члены кафедры всеобщей истории С. И. Архангельский, А. С. Самойло, В. Г. Дядькин, Н. М. Сафолова прочли в воскресном университете цикл исторических лекций: «Борьба западных славянских народов с германской империей»; «Экспансия германских феодалов в Прибалтику»; «Борьба Польши с Тевтонским орденом»; «Участие Пруссии в польских разделах XVIII в.»; «Отношения Чехии с германской империей в XI—XIV вв.»; «Чехия под властью Габсбургов в XVI—XVII вв.»; «Национальные движения среди славянских народов в половине XIX века». В этих лекциях были подробно освещены: положение славян в Австро-Венгрии, захватнические планы германского империализма накануне мировой войны 1914—1918 гг., план «Средней Европы», судьбы балканских славян в конце XIX и начале XX в., мировая война 1914—1918 гг. и крах захватнических планов германского империализма, провал украинского и прибалтийского планов, возникновение и этапы развития фашизма, расовая теория, роль Гитлера как продолжателя захватнических планов Вильгельма, борьба славянских народов с гитлеризмом и др.

Война потребовала внести серьезные коррективы в преподавание, программы и учебные планы высшей и средней школ.

Соответственно этим новым задачам старший преподаватель факультета А. И. Кочина разработала тематику и методику преподавания истории в средней школе.

Во всех лекционных курсах заострено внимание на борьбе с фашистскими извращениями истории. В курсах всеобщей истории расширен фактический материал по истории славян и их борьбе с германской империей за свою независимость. По курсу средних веков введен практикум по истории борьбы западных славян с германской империей. В курсе новой истории также расширен раздел истории западных славян, чехов и поляков, введены такие темы, как: возрождение славянства в 20—30-х гг. XIX в.; роль славянских народов в революции 1848 г.; борьба польского населения в Познани против онемечивания во второй половине XIX века. В курсе истории колониальных и зависимых стран введен раздел о колониальных захватах Японии (Корея, Манчжурия) и разработана тема о подготовке войны на Тихом океане, об агрессии Японии в Китае. По курсам истории СССР дополнительно прочитаны лекции о многовековой борьбе восточных славян за свою независимость, о Куликовской битве и ее историческом значении, о великом русском полководце Суворове, Семилетней войне, Брусиловском прорыве в войну 1914 года.

Для студентов-выпускников были дополнительно прочитаны лекции о Семилетней войне, партизанском движении 1812 г., Брусиловском прорыве, разгроме немецких оккупантов в 1918 г., о внешней политике СССР.

Кабинетом истории факультета были организованы выставки материалов о фашизме, о героическом прошлом русского народа за период от Ледового побоища до войны 1812 года.

Работают над своими диссертациями: К. Г. Селезнев — о партизанской борьбе с японской интервенцией в Сибирь; Н. М. Добротвор — об обороне Порт-Артура; старший преподаватель П. И. Шулъпин — о столыпинской реформе в Нижегородской губернии; А. И. Парусов — по истории Сормова во вторую половину XIX в.; В. П. Кустов — Балканы накануне империалистической войны 1914 г.; старший преподаватель Ю. И. Копелова — о чехословацкой конституции после первой мировой войны. Старший преподаватель Ф. В. Чебаевский защитил кандидатскую диссертацию «Реформа 1861 г. в Нижегородской губернии».

Из диссертационных тем, подготовляемых аспирантами Института, отметим следующие: «Коммунистические субботники в годы гражданской войны» (аспирант С. М. Зайцев); «Народное ополчение 1812 г.» (аспирант Е. Ф. Селиванова) и «Марокканский кризис начала XX века» (аспирант В. И. Глейбер). В связи с исполняющимся в текущем году трехсотлетием Английской революции кафедрой всеобщей истории выполнены следующие работы:

С. И. Архангельский прочитал доклад о международной политике Англии в эпоху Английской революции 1649—1655 годов. Доклад этот представляет собой часть исследования, выполненного по поручению Института истории АН СССР для издаваемой серии «Всемирная история». Автор этой работы продолжает изучать внешнюю политику Англии периода 1655—1660 годов. На тему «Колониальная политика Английской буржуазной революции XVII века» пишет докторскую диссертацию А. С. Самойло. Первая глава — о Вест-индской экспедиции Кромвеля — была зачитана автором в Институте истории АН СССР и на кафедре всеобщей истории Горьковского педагогического института и принята к опубликованию в сборнике, посвященном 300-летию Английской революции. Тема примыкает к целой группе работ русских историков, посвятивших себя изучению истории Английской революции (Косминский, Архангельский, Лавровский, Семенов и др.).

Кафедра всеобщей истории заслушала и обсудила два доклада преподавателя горьковской средней школы П. Н. Соколова (сдавшего кандидатский экзамен по истории средних веков), на темы «Исторический процесс у Тюрго» и «Возрождение Тюрго по вопросам теории исторического познания».

В. Т. Илларионов работает над книгой по историографии палеолита Африки, Европы, Азии, Австралии и Америки. В Академии наук СССР им ранее представлен «Опыт историографии палеолита СССР» (40 печ. л.), трактующий историографию палеолита Восточной Европы (СССР и некоторые прилегающие страны) и Северной Азии (Сибирь). Эта книга В. Т. Илларионова одобрена Академией наук к изданию. В истекшем семестре он сделал кафедре всеобщей истории доклад «Расовая теория в историографии палеолита СССР».

Во время войны вышли в свет книги: Анри Пиренна «Средневековые города и возрождение торговли»<sup>1</sup> и В. Т. Илларионова «Искапаемый человек в историографии палеолита СССР»<sup>2</sup>. Кафедра истории СССР готовится к изданию сборника «Минин и Пожарский».

Увеличился объем библиографической работы кабинета истории. Кабинет приступил к составлению новых картотек по разделам: великая отечественная война советского народа против германского фашизма, по истории славян — западных, южных, восточных, по их борьбе с немецкой агрессией, внешние сношения Англии и России с XVI по XX в., по внешней политике России в XVIII—XX веках.

В. Илларионов

<sup>1</sup> Перевод и предисловие С. И. Архангельского. Издательство Горьковского педагогического института, г. Горький. 1941. 127 стр. 7 руб.

<sup>2</sup> Архив палеолита СССР. Вып. I, г. Горький. 1941. 160 стр. 10 руб.

## III

Многие студенты и преподаватели исторического факультета Казанского педагогического института с первых же дней войны находятся на фронте и героически сражаются с ненавистным врагом. Среди них кандидат исторических наук доцент А. Х. Рафиков, заведующий кафедрой истории СССР Е. И. Устюжанкин, старшие преподаватели А. М. Файт, И. М. Иоменков, Яхин и др. Весь коллектив исторического факультета, оставшийся в Казани, три тяжелых зимних месяца работал на строительстве военных укреплений. Важное правительственное задание было выполнено ими досрочно. Командованием занесло бригаду факультета на доску почета и премировало денежной премией.

Теперь студенты и научные работники Института с большим подъемом снова взялись за учебу и научную работу. В этом году факультет значительно пополнился крупными научными силами. В стенах института читали лекции академики Б. Д. Греков, Е. В. Тарле, члены-корреспонденты АН СССР проф. А. В. Ефимов, Е. А. Космянский и др. При их содействии факультет сумел быстро перестроить учебные планы и всю свою работу в соответствии с требованиями отечественной войны. Факультет сумел добиться ряда успехов в области научно-исследовательской работы. Вышел в свет IV выпуск «Ученых записок». Сотрудники кафедры

принимают участие в оборонном антифашистском сборнике, в котором будут напечатаны статьи профессора А. В. Ефимова, доцента Юровской, доцента Бушмакина, профессора Дитякина. Некоторые работники кафедры заняты составлением курса «Истории Татарии» (Гимади и др.).

В апреле состоялась научная сессия Института, были заслушаны доклады профессора Дитякина «Развал итальянского фашизма», доцента Морозова «Ленин и Сталин о единстве тыла и фронта», старшего преподавателя Гимади «Борьба народов Среднего Поволжья против монгольского ига», старшего преподавателя Тагирова «Татары в отечественной войне 1812 г.», доцента Юровской «Секретная дипломатия во время Семилетней войны» и др. Доцент Бушмакин защитил кандидатскую диссертацию на тему «Внешняя политика Генриха IV». Близка к окончанию кандидатская работа тов. Тагирова на тему «Русская секция I Интернационала».

Преподаватели Института выступают с докладами в госпиталях, военных частях и на рабочих собраниях, опубликовали ряд статей в местной печати.

Недавно состоялись выпускные экзамены на историческом факультете. Страна получила 10 новых преподавателей истории средних школ.

*Х. Гимади*

### Полководец М. Кутузов (выставка в Доме ученых)

В Москве, в Доме ученых, открылась выставка, посвященная жизни и деятельности великого русского полководца — Михаила Илларионовича Кутузова.

Перед посетителями встает яркий образ великого полководца, одного из передовых военных деятелей своего времени, неразрывно связавшего свою жизнь с героической борьбой русского народа за свою независимость.

Экспонаты сгруппированы по темам. Здесь выделены основные этапы биографии полководца: первые этапы жизни Кутузова, участие его в войнах с Турцией, в войне с Наполеоном (1805—1807) и Отечественной войне 1812 года.

Выставка открывается словами товарища Сталина, сказанными им на Красной площади 7 ноября 1941 г.: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова».

Первый раздел выставки освещает ранний период жизни великого полководца. Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов родился 16 сентября 1745 г.<sup>1</sup> в Петербур-

ге. В 1761 г., по окончании военно-инженерной школы, Кутузов начал службу в армии командиром роты в Астраханском полку, которым командовал Александр Васильевич Суворов. У Суворова Кутузов и проходил первую школу военной и боевой учебы.

Следующий раздел посвящен участию Кутузова в войнах с Турцией 1768—1774 и 1787—1791 годов. Во время первой войны Кутузов находился в составе Дунайской армии Г. А. Румянцева. Здесь под руководством Румянцева, блестяще знавшего военное дело, бесстрашный Кутузов приобрел большой боевой опыт. Выдающееся участие принял Кутузов во второй войне с Турцией. 12 октября 1787 г. в сражении под Кинбурном Кутузов, выступая в качестве командира разведки, обеспечил русским войскам победу. Затем он участвует в горячих схватках с татарскими наездниками и в штурме укреплений у Алушты, где был тяжело ранен. Решающей операцией войны было взятие Измаила 11 декабря 1790 года. Во время штурма Кутузов командовал шестой колонной, шедшей

<sup>1</sup> Все даты даются по новому стилю.

на левом фланге. Давая высокую оценку действиям М. И. Кутузова, Суворов писал: «Он шел на моем левом крыле, но был моей правой рукой».

Портреты Кутузова, Суворова, Румянцева, Потемкина рядом с праворами, картинами, планами и картами, посвященными главнейшим событиям войны с Турцией, отражают этот период жизни и деятельности Кутузова. Укажем на наиболее интересные из относящихся сюда экспонатов: «Сражение под Кинбурном 12 октября 1787 г.» (с современной гравюры Иоганна-Мартина Билля); «Штурм крепости Очаков в 1788 г.»; «Штурм и взятие Измаила в 1790 г.» (по рисунку Шуберта, грав. Гейзер).

На выставке представлены и награжденные медали: медаль, выбитая в честь Суворова за взятие Измаила; офицерский крест за взятие Измаила в 1790 г.; медаль для нижних чинов за взятие Измаила.

Следующий раздел посвящен участию Кутузова в войне с Наполеоном (1805—1807).

На выставке по этому разделу представлены карты военных действий, картины и гравюры, изображающие замечательные моменты главнейших событий войны 1805—1807 гг.: «Утро сражения под Аустерлицем» (с гравюры Шарона, сделанной с картины Лорье); «Свидание императора Александра I с Наполеоном на Немане в 1807 г.» (с гравюры Лимо, сделанной с рисунка с натуры Лорье); «Парад в Тильзите 28 июня 1807 г. в присутствии Александра I и Наполеона» (гравюра Бовине с картины Знебаха). Здесь же представлены портреты полководца Кутузова (гравюра Корделли), генерала Савари (гравюра начала XIX в.) и др.

Центральное место на выставке отведено деятельности Кутузова в Отечественной войне 1812 года. И это понятно, ибо в войне 1812 г. талант русского полководца развернулся во всем своем величии. Война с Наполеоном — вершина военного искусства великого русского полководца, опиравшегося на творческие силы и героизм народных масс, поднявшихся на борьбу за свою независимость.

Раздел «Кутузов в Отечественной войне 1812 года» имеет ряд подтем: «Вторжение Наполеона в Россию»; «Смоленск»; «Бородинское сражение»; «Москва»; «Отступление наполеоновской армии и ее разгром». Материалы подтем этого раздела выставки подробно иллюстрируют в хронологической последовательности важнейшие этапы Отечественной войны 1812 года. Портреты Кутузова и его сподвижников в сочетании с гравюрами и картинами, схемами, планами и картами выдающихся сражений и военных операций Отечественной войны 1812 г. отражают этот раздел выставки. Здесь же приведены интересные тексты из произведений крупнейших русских

писателей: Льва Толстого, Пушкина, Лермонтова и др. Как живые смотрят на нас с витрины исполненные Доу портреты Кутузова, Барклая, Багратиона, Неверовского, Ермолова, Давыдова и др. На выставке представлены и работы очевидцев, участвовавших в рядах французской армии, в рисунках художника Адама: «Смоленск 18 августа», «Атака батареи Раевского»; в литографиях с рисунков Фабер де Форэ: «Усеменовские флешей», «На Бородинском поле 26 августа», «Пожар Смоленска в ночь на 18 августа» и др.

Укажем наиболее интересные из относящихся сюда экспонатов. Картины П. Гесса «Сражение под Смоленском 5 августа 1812 года» — на картине воспроизведена бомбардировка города 5 августа; «Сражение при Бородине 26 августа 1812 года» — на картине воспроизведен трагический момент боя за Семеновские флешей — ранение Багратиона. Картина Китшенко «Военный совет в Филях 13 сентября 1812 года». Картины Верещагина «Перед Москвой», «Ожидание депутации бояр», «Пожар в Кремле», «Сквозь пожар», «Партизаны», «Атака» и др.

Особое место в этом разделе отведено изображениям Наполеона и его маршалов. Здесь выставлены портреты Наполеона работы Жерара, Килля, Верещагина; портреты маршалов: Мюрата, Даву, Бертье, Сульта, Нея, Ланна и др. Показаны, с одной стороны, знаменитые маршалы — начальники авангардов французских войск: Ней, Ланн, Мюрат, — с другой стороны — сподвижники Суворова, его ученики: Кутузов, Багратион, Дохтуров, Милорадович, Ермолов.

Специальная витрина отведена партизанскому движению, отразившему народный характер войны 1812 года. Здесь, помимо текстового материала, картин и иллюстраций, выставлены портреты лучших руководителей партизанских отрядов: подполковника Давыдова, капитана Фигнера, Сеславина и др. Здесь же помещены портреты: старостики Василисы Кожиной, народного героя Куркина и др.

Заключительный раздел выставки посвящен последнему периоду жизни Кутузова.

Выставка материалов о жизни и деятельности Кутузова является ценнейшим пособием для изучения славных боевых традиций великого русского народа в борьбе за независимость родины, так блестяще усвоенных нашей доблестной Красной Армией. Трудящиеся, интеллигенция и воинские части Москвы с волнением, радостью и гордостью за величественные победы русского народа знакомятся с историческими документами и материалами, собранными в зале выставки.

А. Иванов

## ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

◆ Осенью 1941 г. в США была создана специальная организация — Комиссия по сохранению культурных ценностей. Перед ней была поставлена задача разработать мероприятия по сохранению архивных, музейных ценностей, библиотек и памятников искусства. Эта организация возникла при правительственном департаменте планирования национальных ресурсов по инициативе ученых обществ США и по рекомендации специальной ученой комиссии. Комиссия по сохранению культурных ценностей в первую очередь связалась с рядом английских ученых обществ и отдельными крупнейшими архивохранилищами, библиотеками и музеями Англии для изучения их опыта.

В момент вступления США в войну известная подготовительная работа комиссией была уже проделана. Наряду с центральной комиссией по сохранению культурных ценностей подобные комиссии созданы во всех штатах страны. Немедленно после объявления войны центральная комиссия по сохранению ценностей разослала по местам: комиссиям отдельных штатов, музеям, библиотекам, архивохранилищам и т. д. — специальный циркуляр «О хранении документов в чрезвычайных условиях». В этом циркуляре указывается, что «непосредственная и настоятельная задача всех лиц, ответственных за хранение документов, книг, картин, научных материалов и музейных ценностей, заключается в том, чтобы охранить культурные ценности страны от всех опасностей».

В журнале американской библиотечной ассоциации «American Library Association Bulletin» (February 1942. Vol. 36, № 2) помещена статья А. Маклейта, библиотекаря конгресса (директор библиотеки конгресса), о мероприятиях, принимаемых библиотекой к хранению своих фондов и ценностей. Подготовка к «чрезвычайным событиям», как пишет Маклейт, началась еще в начале 1941 г., поэтому сразу же после объявления войны началось осуществление мероприятий, намеченных по плану. Вся литература и архивные материалы библиотеки разбиты на три группы по ценности: наиболее ценные, уникальные и редкие экземпляры, потеря которых невозвратима; сюда относятся такие рукописи, как оригинал Декларации независимости США, конституция США, экземпляр гуттенбергского издания Библии, редкие картины, рукописи и пр. Эта группа материалов уже переправлена в безопасное место и находится вне всякой опасности. Другая группа материалов состоит из книг и документов очень ценных, но не уникальных; третья группа — наименее ценная литература, изданная в больших тиражах, и т. д. Соответственно важности каждой из групп разработаны планы их перевозки; для второй группы материалов подготовлены специальные ящики и намечены места

их будущего хранения. Третья группа материалов будет храниться в подвалах библиотеки.

◆ В Вашингтоне опубликован годичный отчет секретаря Института Смитсона (под этим названием известно одно из крупнейших государственных научных учреждений США). Институт Смитсона, основанный в 1846 г., является своеобразным научным комбинатом, охватывающим почти все науки. О размерах работы Института можно судить хотя бы по тому факту, что им выпускается 13 серий научных публикаций в различных областях знания. В очередном отчете за год, окончившийся 30 июня 1942 г., указывается, что за истекший год проведены крупные археологические раскопки в Южной Мексике и в северной части Колорадо; обе экспедиции дали ценные результаты, которые вскоре будут опубликованы в специальном издании.

◆ Археологическая партия университета Нью-Мексико (США) под руководством Ф. Гиббенса призвала изыскания в нескольких пещерах штата в районе Сандия (Нью-Мексико). В этих пещерах найдены следы пребывания человека. В результате раскопок добыт значительный материал, проливающий свет на проблему древнейших обитателей Северной Америки. В результате стратиграфического анализа найдены орудия каменного века в трех верхних слоях; каждый слой отделен промежуточными слоями, в которых следов пребывания человека не обнаружено. В верхнем слое найдены предметы, относящиеся к эпохе испанских завоеваний или непосредственно предшествующему периоду. Второй слой, более древний, отождествляется с уже известной каменной культурой, относящейся приблизительно к концу палеолита. Наибольший интерес вызвало открытие в третьем слое признаков древнейшей, не известной еще на американском материке культуры, которую д-р Гиббене назвал «культурой Сандия» — по местонахождению раскопок. Ее особенностью является примитивная обработка камня, хотя техника этой обработки не всюду одинакова и показывает значительный прогресс при переходе от нижней части слоя к верхней. Типичным орудием Сандия является орудие, выделанное в форме лаврового листа, с намеком на рукоятку; постепенно эта рукоятка становится более явственной в позднейших орудиях эпохи. Профессор Гарвардского университета Кирк Брайарн, основываясь на изучении остатков «культуры Сандия» и анализе геологии района, высказывает предположение, что она относится к периоду ранее четвертого ледникового периода (Вюрмского для Европы или Манкато для североамериканского континента) и является, таким образом, древнейшей человеческой культурой на американском материке.

◆ На юге Франции, в департаменте Дордонь, в конце 1940 г. была обнаружена пещера со следами первобытного человека; стены пещеры оказались испещренными рисунками. Орган американского археологического общества «American Journal of Archaeology» (October—December 1941) и журнал «Time» (28 July 1941) публикуют некоторые подробности этого открытия и снимки некоторых рисунков. Здесь найдены исключительно ценные рисунки, относящиеся к эпохе Ориньяк (ранняя эпоха верхнего палеолита), во всяком случае, более древние, чем рисунки знаменитой пещеры Альтамира в Испании (эпоха Мадлен).

◆ До сих пор нельзя полностью учесть размеры разгрома, которому немецкая и итальянская солдатчина подвергла Грецию. До сих пор неизвестна судьба музея в г. Волю. В Салониках бомба, сброшенная на церковь св. Софии, разрушила часть здания. Музей в Халкидоне разрушен до основания. Самоотверженному труду энтузиастов—хранителей музея—мы обязаны спасением ценнейших коллекций афинского акрополя, Национального музея и нового музея («Керамейкос»): все предметы, представляющие ценность, были запечатаны и спрятаны в надежных хранилищах. Здание афинского акрополя сильно пострадало. Музей в Элевзине чудом уцелел; взрывом разбиты стекла в окнах и повреждена ценная керамика в коллекциях музея.

◆ В книге, озаглавленной «Нацисты воюют с международной наукой» (Лондон, 1942), известный английский ученый—биолог и биохимик Джозеф Нидем—разоблачает науконенавистничество и мракобесие германского фашизма. В книге дается картина упадка и загнивания науки в фашистской Германии; автор, в частности, приводит наглядный факт из области, наиболее близкой ему, — из биохимии. Центральный орган биохимиков Германии — «Biochemische Zeitschrift», — получивший известность задолго до 1933 г., хиреет из году в год: в 1937 г. вышло 13 выпусков этого журнала, в 1938 г. — 5, а в 1939 г. — всего 2.

◆ В органе ученых обществ Родезии (Африка) — «Transactions of the Rhodesia Scientific Association» (1941) — опубликована статья Л. Криппса, исследовавшего наскальные рисунки Южной Родезии. В своей статье Криппс делает лишь предварительное сообщение о ходе изучения наскальных изображений; автор осмотрел и срисовал около 600 таких изображений. Автор приходит к заключению, что эти рисунки имели ритуальное значение: связаны с погребениями; теперешних обитателей Родезии автор считает прямыми потомками людей эпохи этих изображений. Указывая, что датировка этих изображений весьма затруднительна, автор относит их к весьма отдаленной эпохе, для уточнения же

этого вопроса считает необходимым произвести обширные раскопки.

◆ В Австралии создано новое научное общество — Антропологическая ассоциация Австралии; в него влились антропологические ассоциации Нового Южного Уэльса, Виктории и Южной Австралии. Президиум ассоциации будет каждые два года менять свое местоположение с таким расчетом, чтобы работать по два года в каждом штате Австралии. Официальным органом Антропологической ассоциации является журнал «Человечество».

◆ В большой публикации, выпущенной отделением искусства и археологии Принстонского университета, излагаются результаты археологических раскопок в древней столице Ближнего Востока — Антиохии на Оронте (Antioch — on the Orontes, III the Excavations, 1937—1939, Ed. by Richard Stillwell, Publications of the Committee for the Excavations of Antioch and its vicinity, Princeton, Department of Art and Archaeology, 1941, VII, 260 p.). Раскопки в Антиохии начаты были в 1932 году. В 1939 г. их пришлось прекратить в связи с начавшейся войной. В настоящем томе, третьем по счету, даются заключительные материалы о ходе раскопок и результаты изучения находок. В книге имеются 92 рисунка и снимка на отдельных листах, 10 планов и 104 рисунка в тексте: представлено почти все значительное, обнаруженное в результате раскопок. Авторы сборника подчеркивают большое значение находок в Антиохии для исследователей.

◆ Специальный выпуск журнала «Journal of Indian History» вышел в апреле 1941 г., в связи с двадцатилетием существования журнала и семидесятилетием его главного редактора Кришнасвами Айянгара. В номере помещены, между прочим, следующие статьи: К. Датт «Две первые войны Англии с Майсором и экономические тяготы, наложенные на Бенгал в период между 1767 и 1782 гг.»; Спир «Семья великого Могола и двор в Дели в XIX в.»; Лоу «Некоторые племена древней Индии»; Гунт «Армия Тимур-шаха в 1793 г.»; очерк последней экспедиции Пешвы против Хайдар-али в 1769—1779 гг. (Багертджи); Гунт «Деятельность Ост-Индской компании в Китае в начале XIX в.»; Саркат «Торговля селитрой в Индии в XVII в.» и др.

◆ Японский археолог Косаку Хамада опубликовал исследование мегалитического могильника в Симаносо (Kosaku Hamada «Megalithic tomb Ishibutai at Shimanosho». Kyoto imperial university, 1942). Автор устанавливает поразительное сходство японского мегалитического могильника с параллельными сооружениями в Западной Европе: в архитектурном замысле, плане, исполнении и оформлении. Автор ставит, но не решает вопрос о том, имеется ли в данном случае заимствование или параллельное развитие двух культур.

**CONTENTS:**

ARTICLES: Volin B. The Danger from which the Bolsheviki saved the peoples of Russia in 1917 (Kornilov rebellion). Voytinski G. Five years of the national War in China. Wolfsohn B. German bloody crime at Kertch. Grazianski N. The Struggle of transelbian Slaves against German aggression in X—XII centuries. COMMUNICATIONS: Kaposhina S. and Kozlova A. People's Militia of the Province Wladimir in 1812. Miller A. International position of Kazakhstan in the second half of XVI century. Kudriavtzev V. J. Sreznevski's letters from Slavonic lands (1839—1842). DOCUMENTS OF THE GREAT NATIONAL WAR. HISTORICAL NOTES: Katz B. The Number and the role of the People's militia at the Borodino fight in 1812. CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY. CRITICAL ESSAYS AND REVIEWS. BIBLIOGRAPHICAL NOTES. CHRONICLES.

**SOMMAIRE:**

ARTICLES: Voline B. Le danger dont les bolcheviks ont sauvé les peuples de Russie en été 1917 (Révolte de Kornilov). Voytinski G. Cinq ans de guerre nationale et libératrice du peuple chinois. Wolfsohn B. Le crime sanglant des Allemands à Kertch. Grazyanski N. La lutte des Slaves transelbains contre l'agression allemande aux X—XII siècles. COMMUNICATIONS ET PUBLICATIONS. Kapochina S. et Kozlova A. Les milices populaires de la province de Vladimir en 1812. Miller A. Position internationale du Kazakhstan à la deuxième moitié du XVI siècle. Koudriavtzev V. Les lettres de J. Srieznievski des pays slaves (1839—1842). DOCUMENTS DE LA GRANDE GUERRE NATIONALE. NOTES HISTORIQUES: Katz B. La force numérique et le rôle des milices populaires à la bataille de Moscova (Borodino) en 1812. CRITIQUE ET BIBLIOGRAPHIE. ARTICLES CRITIQUES ET REVUES. NOTES BIBLIOGRAPHIQUES. CHRONIQUE.

**INHALT:**

ARTIKEL: Wolin B. Die Gefahr von welcher die Bolschewiki die Völker Russlands im Sommer 1917, gerettet haben (Kornilows Rebellion). Wojtinski G. Fünf Jahre des nationalen Befreiungskrieges des chinesischen Volkes. Wolfsohn B. Die blutigen Verbrechen der Deutschen in Kertsch. Grazianski N. Der Kampf der transelbischen Slaven gegen die deutsche Aggression im X—XII. Jahrhundert. MITTEILUNGEN UND PUBLIKATIONEN: Kaposchina S. und Kozlova A. Die Volkswehr in der Provinz Wladimir in 1812. Miller A. Internationale Lage Kasachstans in zweiter Hälfte des XVI. Jahrhunderts. Kudrjawzew W. Briefe J. Srzeznjewskis aus slavischen Ländern (1839—1842). DOKUMENTE DES GROSSEN VATERLÄNDISCHEN KRIEGES. HISTORISCHE NOTIZEN: Katz B. Stärke und Bedeutung der Moskauer Volkswehr in der Schlacht von Borodino. KRITIK UND BIBLIOGRAPHIE. KRITISCHE ARTIKEL UND UEBERSICHTEN. BIBLIOGRAPHISCHE NOTIZEN. CHRONIK.

10

Редакционная коллегия:

{	Ем. Ярославский
	Б. М. Воллин
	И. И. Минц
	А. М. Панкратова
	И. А. Кудрявцев
	С. И. Гоннер

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24, комн. 239. Тел. Д 3-31-04 и Д 3-30-43.

А61490. Изд. № 707. Заказ № 1781. Тираж 30.000.

Подписано к печати 4/IX 1942 г. 68.000 печ. зн. в печ. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Цена 3 руб.

2286

1158

ИСТОРИЧЕСКИМ МУЗЕИ

11